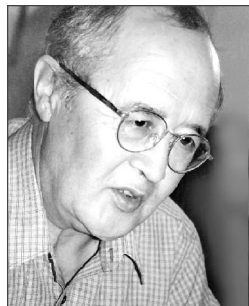

Мурат
Ауэзов

УЙТИ, ЧТОБЫ ВЕРНУТЬСЯ

Это мои дневники 1970–1978 годов.
Времена были сложные.
Особенно для тех, кто мечтал
И действовал во имя свободы.

Мурат Ауэзов

Автор дневников истаял в потоке меняющихся времен. Меня, Сариева, двойника и антагониста, катапультировал в будущее – под своим именем. Взгромозил ворох ответственности – за семейные ценности, за ядерный полигон, деколонизацию и демократизацию общества, трансграничные с Китаем реки, культурное наследие и даже – за национальные библиотеки, кино и футбол. Вот и имею дело с реальностями ясельного периода независимого Казахстана.

Нехорошо поступил Мурат, оставшись вместе со светлыми душами жертв декабря 1986 года в скалах горы Едыгетау. Ведь умели мы в спорах, жестких, но плодотворных, находить слово и дело, сокрушавшее империю и тоталитаризм. При всей несносности его экзальтированного темперамента мне лично не хватает Мурата той поры.

Сариев

МАКАТ

1970 год, декабрь

11/XII поездом Алма-Ата – Москва выехал в северном направлении. Провожали: 1) Сатимжан, 2) Аскар¹. Аскар проводил до станции Алма-Ата 1.

Утром 13/XII оказался в Кандагаче. Выборы. Посмотрел фильм. Купил водку, хлеб, 200 гр. Колбасы. Вагон двинется в Гурьев в 17.00 местного. Сойти в Макате? Или ехать до Гурьева, а затем – в Шевченко? Посмотрим, чего пожелаю.

Вспоминаю, в основном, маленькие общественные долги свои. Много их. Прорывается временами теплое чувство – свобода от всего. Морализировать рано. Ясно одно – теперь все будет иначе. Аскар пожелал: выжми все из этого ис-

* Журнальный вариант.

¹ Сатимжан Санбаев, Аскар Сулейменов. (Здесь и далее перевод с каз. и англ. яз. и примечания относятся к 2010 г.)

ключительного случая, не боясь даже экстравагантности. Для меня это не случай, это новая жизнь. Не буду спешить. Никакой экзальтации, никакого ожесточения. Буду глубже дышать.

Утром 14/ХІІ приехал в Гурьев. Макат проспал. Шарафутдинов в отпуске (вспомнил фамилию!). Алма на занятиях. В 12.00 еду в обратном направлении – до Макаата. Думаю: выехал не для того, чтобы в себе копать. Нужно разобраться в себе как в общественном человеке. (И не столько в себе, сколько в сложившейся ситуации.) Понимаю – во все официальные учреждения мне путь закрыт. Комсомол, партия, государство отлучки моей мне не простят. Я этого хотел? Почему рука повисает, не пишет «да!»? Разберемся в Макаате. Если почувствую, что я им в тягость, уеду. Хотя и постараюсь скрасить для них свое вселение чем-нибудь. Готов носить воду, рубить дрова, топить печь. Волосы сбрею наголо. Бороду отпущу. Мечтаю Новый год встретить в одиночестве в степном домике.

Возьму за правило: мысли записывать сразу, благо времени достаточно.

Многие в Алма-Ате узнали о том, что я собираюсь уехать. Никто не стал удерживать, только Каракулов поморщился, непринципиально, правда. Просто жалел о том, что вечеринка наша пропадет, а еще хотел бы, чтобы я вместе с ним и Едыге погонялся в степях за баксы. Все близкие, самые близкие люди согласились: решил ехать, поезжай. В чем дело? Почему без труда мне удавалось всех их убедить? По существу, они вытолкнули меня из Алма-Аты, из среды своей. Так, наверное, толпа из века в век выдавливала из себя героев и мучеников. Каждый из них в душе, конечно же, романтик, и несбывшиеся мечты свои осуществить они доверили беглецу. Интересно, что они думают: чем я займусь в Макаате?

Стать писателем? Хотел бы, но мне это, уверен, не дано. Образами не мыслю – образы привлекаю, когда чувствую, что сказать яснее и лучше не могу. Хотел бы обличить пустоту погремушек наших – чиновников. Но таинственных интриг их не знаю. Вижу только результат.

Вижу результат. Вот и зацепка. Ведь я действительно многое вижу как данность и, хотя не усматриваю действие внутренних пружин, всё же умею понять целостность. Начну дерзко: мир таков, каким я вижу, он должен стать-таки, каким его я хотел бы видеть...

Степь не безбрежная, степь изъезжена дорогами, в ней понатыкано столбов до черта: телеграфных, вышек буровых. Небо – талая водичка, озерко, не больше. Верблюды словно в зоопарке. Траву сюда притащили из ботанического сада. Земля под ногами пружинит. Болотная кочка, а не Земля. Оттолкнусь – и окунусь в космический холод...

Из нового Макаата пешком прошел до Старого. Алии на работе не оказалось. Женщина-карлица, утопая в грязи и весело при этом попискивая, проводила меня в 1-й аул, где живут Санбаевы. Девочки дома встретили – радостно и сдержанно. Алия пожарила картошку с кусочками верблюжьего жира. Пил шубат, лежа на ватных одеялах, и читал «Литературку», Хемингуэя. Понял: им я буду в тягость, если дам почувствовать, что мне неудобно, неловко, нехорошо. Сделаю всё, чтобы не было у них и тени сомнения. Жить буду вместе со стариками: днем в степном домике, ночью – в сторожевой будке. Так до Нового года. Затем рабочие уедут, буду в будке жить постоянно.

Сегодня, 15/ХІІ, отправляемся в степь к старикам. Как-то примут меня?

Поляков, Сычев, Панкратов, Кожин, Палиевский – русские интеллигенты, встретившиеся мне. Мы были чужими на уровнях более глубоких, чем личные отношения.

15/XII. В 13.40 вышли с Алией из Маката, по шпалам прошли 10 км за 1 ч. 25 м. Новый разъезд. Издалека увидели идущего по степи Хамзу, отца Сатимжана. Хорошая память у него. Узнал меня. Домик в степи виден с разъезда только днем и только в хорошую погоду. Сегодня было туманно. Кругом домика – верблюды и овцы. Верблюд галопом гнался за овцой, та по-собачьи металась в стороны. Верблюжонок подошел к двери и долго тер ее носом, пока Жания не вынесла ему воды. Попили чай. Рассказал, как умел, зачем приехал. Сварилось мясо. Выпили понемногу.

Жания оказалась гораздо приветливой и разговорчивей, чем я подумал о ней летом. Всё время на ногах, всё время руки заняты делом: готовит, топит печь, пряжу прядет, вяжет Сатимжану носки, подоила верблюдицу, вместе со мной отгоняла чужих верблюдов. Глаза всё время смотрят на руки – общечеловеческое у всех тружеников. В комнатке два на два метра будем жить втроем. День прошел хорошо. Завтра начало нового дня. Хамза ревниво следит за книгами и ростом Сатимжана. Не всё в нем ему нравится. Главное, видимо, то, что пишет сын на русском. С ним ходили проверять сторожевой объект. Опасно это. Нужно с ружьем. Или быть явно беспомощным. Засыпаем: Хамза первым, Жания вяжет, я ложусь.

16/XII. Казахстан, Гурьевская обл., Старый Макат, аул

№ 1 – адрес дома Санбаевых.

Итак, я приехал сюда, чтобы разобраться в себе как в общественном человеке. Дольше одного-двух месяцев быть вдаль от Алма-Аты мне не хотелось бы. Вернусь домой в конце января. Значит, впереди у меня сорок дней на размышления.

Удивительно быстро и легко писалось в поезде, так же как быстро и легко бежали мысли и сама дорога.

Сейчас я укрыт тулупом, лежу на полу, грудью навалившись на подушку. Слева от меня вяжет Жания, перед нами горит керосиновая лампа. Тут же, за Жанией, топится печь, похожая на большую мыльницу, склеенную по бокам. В печи – тезек¹. Дает много золы, но горит хорошо. Хамза ушел проверять свой объект. Мы молча работаем. Жания время от времени оказывает знаки внимания, предлагая надежней укрыться тулупом, удобнее подвернуть подушку («Қағаздарынды қарасаң, қарап ал!»)².

Думаю: горечь, рожденную в Алма-Ате, можно ли излечить в другом месте? Везде своя жизнь, свои заботы и печали. Как это – принести в этот крохотный домик ворох обид, которые и не вмещаются сюда? Здесь верблюды, овцы – свои проблемы. Вода, огонь, хлеб – всё для человека, живущего здесь (и для меня уже), имеет первозданное значение. Нужно приносить, добывать, изготавливать то, что в городе составляет незаметное, разумеющееся условие занятия другими делами – мыслить и печалиться, например.

¹ Кизяк.

² «Хочешь бумаги свои посмотреть, посмотри».

Еще раз убеждаюсь: это не место для психологического самоанализа. Ну и хорошо! Было бы плохо, если бы я занялся охотой за нюансами собственной души. Это было бы неинтересно и, главное, безрезультатно. И души не осталось, нюансов – тем более.

Начинать заниматься писательством здесь тоже нельзя. Нельзя этот случай использовать для писательства. Потому что (если бы даже у меня что-нибудь начало получаться) это было бы не по правилам. Пишут ведь люди, никуда не уезжая. И потом – нехорошо творчеством начинать заниматься, пользуясь преимуществом. Ведь многие не сумеют уехать.

Писательство – явление массовое, это кросс. Со старта надо уходить при равных условиях. Акын, жазушы – бәйгеге қатысқан ат емес пе еді?¹

Есть иная сфера духа. Здесь кто-то один должен положить начало. Для этого – уйти в горы, в степь, выпасть из игры. Это не писательство, не творчество в ремесленном смысле слова. Это то, что рождает импульсы, высвечивает цель, определяет пути духовного развития общества.

Уйти в степь, в горы – не самоцель. Степь и горы живут по своим законам, и здесь мы можем быть лишь путниками, проходящими и уходящими. Но уйти в горы, в степь – это шаг решимости, готовности разорвать привычные связи. Это первое условие Новой игры. (М-т, не сбивайся на стиль нем. пророков.)

Кто из современных казахов (из людей современных) знает наверняка, что его деятельность несет пользу общественному прогрессу? Человек расщеплен. Маркузе прав.

Степной домик – один на Земле. Небо опрокинулось и нависло только над ним. Живут здесь старик со старухой и я. Ко мне протянулись все нити Вселенной. Старики – блики Человечества. Мужское и женское начало. Несут в себе и детство, и юность, и зрелость, и угасание. На Жание держится этот мир. Старик, овцы, верблюды и я – мы без нее обойтись не сможем. Хамза читает книгу сына и тяжело вздыхает. Жания вздыхает, когда устают руки ее и глаза. Временами выходит из домика и оглядывает степь: видны ли овцы. Овцы бродят вдали, рядом с верблюдами – большие запятые и маленькие точки. Я не спешу. Истина в моих руках. Знаю, исчезнет, если назову ее. Каждый шаг по степи многозначителен.

Даже маленькая черная птичка преисполнена сознанием собственной самости. Мне неинтересно, что это за птичка и какое у нее оперение, какие повадки. Это птичка, преисполненная сознанием собственной самости. Это главное. Так будет и в том, что мною будет написано. Название вида (рода) и эмоциональная сущность. Меня интересует трава, дерево, человек вообще, а не клевер и полынь, не баобаб и рододендроны, не Сидоров или Сариев.

Ведь так у меня было и в критике. Не сами по себе Олжас, Ануар² и другие, а олицетворения различных черт процесса. У меня есть исходные данные, я предвижу Исход.

Ушел для того, чтобы привлечь к себе внимание?

¹ Поэт, писатель – разве не скакуны они в байге?

² Олжас Сулейменов, Ануар Алимжанов.

Видимо, я мечтаю об аудитории, о слушателях. В связи с вечером Махамбета я потерял уверенность в праве своем людей наставлять. Мне нужна была моральная компенсация. Этот путь оправдан, если я действительно встречу с истиной, если буду последовательным, избавлюсь от колебаний, стану человеком пути, перестав быть бредущим по кругу человеком степи. *В интересах 3-го периода, периода национального самоутверждения, не пора ли встать в оппозицию к этому периоду?*

Что нужно? Книгу о кочевье писать самому. Это будет дерзкая книга. *В противном случае пользы от нее не будет.* Это должна быть от начала до конца единая Книга. Никакой авторский коллектив создать такую не в состоянии. Кочевник – степной домик, в котором, кроме бликов мира, вмещается лишь одна голова. И о чувствах, миропонимании этого эгоцентриста писать коллективно – затея бессмысленная. Я – его инобытие, я могу рассказать о нем. Это могут, возможно, и другие, но лишь в одиночку. Кому удастся лучше – посмотрим.

Мне нужен минимум справочной литературы. Не столько для себя, сколько для читателей. Говорить о непривычном привычными средствами. Буду прежним, каким был в диссертации: восстанавливаю процесс, читаю символы веков и народов. Окунаюсь в стихию кочевья.

Абай – гигантский пик, рухнувший разом, в цепи разверзающихся гор, конец традиции поэтов-печальников.

Кочевье ворвется в современный художественный мир стремительно, волнами захлестнет граниты европейских культур.

«Не разделяй!» Добро и зло неотделимы. Порыв, воля, наглость.

Улыбайтесь беспечно и снисходительно. У нас нет привязанности ни к чему в этой жизни, у нас нет привязанности к жизни.

Воля выше свободы! Миг воли дороже долгой мечты о свободе. «Свобода – осознанная необходимость». Современная жизнь наша – необходимость. К осознанию этой необходимости подталкивают нас все официальные учреждения, газеты, идеологи, они хотят нам «свободы»! Воля чиста, воля – зеркало, к которому пыль иных смыслов не пристанет. Воля – горячая кровь, бой, ощущение силы, своих безграничных возможностей. Свобода – угасающий пыл, исход. Осознанное поражение, рабство, смирение – свобода. Погибнем вольными людьми! – сказали когда-то тюрки еще не сложившегося каганата.

Культ воли. Тезис – антитезис – волевой порыв – вот закон нашей жизни, ведущий к обновленному тезису.

Куратор верно уловил здесь идею взрыва. Да, это будет взрыв.

Можно ли всё же книгу о кочевье писать в институте? – А можно ли куратора отстранить, чтобы не лез он со своими коррективами, можно ли избавить нас от контроля со стороны ему подобных?

Он не знает историю, поэтому не любит ее, не знает литературу, поэтому не любит ее, не знает искусства. Блюститель Порядка. Злой и активный («позитивный»). Сладострастный, не дурак выпить и во хмелю упиваться «славой». Докторишка. Уверен, владел он когда-то алма-атинским арго. Как старый, выдавший виды рецидивист молодому да раннему говорил он мне: «Ведь ты горел уже однажды, остерегись!»

Не такой уж он и тяжелый, чтобы трудно было сдвинуть его с места. Но такие всегда скрипят, когда их трогаешь. Разоблачи его – начнется трагедия с самозащитой без выбора средств.

Слова и речи его – из репертуара шарманщика: всегда одно и то же, и только дозволенное и толпой, и Правителем. Он чувствует напряжение между полюсами, как всякий серый, вышедший из толпы и решившийся во что бы то ни стало приобщиться к высшей административной сфере. Играет порой, но трус – соблюдает меру. Свободный человек!

16/XII, вторая половина дня. Попили втроем чаек. Приезд и кончина Габдола Сланова. Воспоминания о кошках и собаках. Жания пришла издалека, овец смотрела. Волки, лисицы, зайцы. Лиса попала в капкан, волк перегрыз ей лапу и съел ее. Заяц ночевал в ящике с инструментами рабочих. Жания однажды шла за верблюдами с двух дня до двенадцати ночи. Было холодно, и она отморозила левую ногу. Сейчас болит нога. Сходили вместе с ней за водой к колодезю – полтора километра. Жания умело спустилась по ступенькам в колодец, в ледяной воде полоскала ведра, набирала воды и подавала ведро мне, я вытягивал за канат, опорожнял в наши ведра, и так три раза. Жания быстро выбралась. К счастью, варежка ее упала в колодец, и я тоже спустился вниз, испачкав пальто, как то и полагалось вначале. У стариков овец более двадцати. Одну из них Жания кормит хлебом, и она всегда возвращается домой первой, за ней плетутся другие овцы. Кур не держат: бота¹ съел помет и помер. Для другой птицы нет воды. Рассказывая о перекочевке из Актюбинской области в Гурьевскую в повозке с пятью детьми, Жания обо всех детях, особенно самых малых, говорила только «бала». Емшектегі бала, бір жасар бала² и так далее. Ее, как и меня, интересуется то, что это был ребенок, неважно, как его звали. О волках она говорит: «Қойды жейтін бір нәрсе бар ғой»³ (табу). Старик тоже склонен к табу.

В основе потребности в новом – слабость. Сильные, крепкие выносят приход слабых, но всегда – либо недоумевающая, либо жалеючи. Какого черта навязался я на шею двух спокойно живших стариков? Я им многим чужой: разговором, речью, манерами, сложением тела и духа. Однако терпят: недоумевающая или жалеючи? Или просто из-за Сатимжана?

Жания: «Тіршіліктің аты тіршілік, қимылдауға тура келеді. Қимылдамасаң, тамағың да денеңе тарамайды»⁴.

Какие недобрые у меня воспоминания о знакомых! Чувствую, начал бы вспоминать по одному, всех бы крепко обругал. Нехорошо! И они вправе обо мне сказать достаточно много плохого. Все мы слабые. И уехал я не от силы, а от слабости. Они еще слабее, потому остаются.

Раз отказался от самопсихоанализа (а что это такое?), нечего «анализировать» других.

И вообще, вся эта поездка – не истерика истерика?

Опять этот нудный зов: «Уеду, уеду, уеду». Куда? Куда? – Домой, в Алма-Ату. Не побоялся же мнений людей, когда уезжал, чего считаться с ними, когда решаешь вернуться? – Уезжал под одобрительные и жалеющие вздохи близких, отправляв-

¹ Верблюжонок.

² Емшектегі бала – грудной ребенок, бір жасар бала – годовалый ребенок.

³ «Тот, что пожирает овец».

⁴ «Жизнь есть жизнь. Надо двигаться. Не будешь двигаться, и пища не пойдет впрок».

ших меня стать героем. – Не так! Всё это были искренние доброжелатели. Видели они, что ты, человек с такими претензиями, к двадцати восьми годам ничего не достиг, кроме скандальной болтовни вокруг своего имени. Надеялись, может, что-нибудь произойдет, и перестанешь ты к общей радости быть без конца мятущейся личностью. Вдруг да и откроет в тебе дорога, чужая сторона хоть что-нибудь, что можно было бы вписать в актив твоей нормальной человеческой жизни.

17/XII. Вчера был сильно простужен. До сих пор чихаю и кашляю, температуру. Во сне, говорит Жания, я беседовал на казахском. Спрашивал: «Тоқығанда шетін қайшымен қияды ма?»¹

Сходили вместе к колодцу. Поили овец и своих верблюдов. Чужого верблюда прогнали, он успел набрать в рот воды, которую и выплюнул на меня, когда я его погнал. Гнать чужих необходимо, иначе они никогда не отстанут. В степи ведь один всего домик. Один из своих верблюдов принял меня то ли за Сатимжана, то ли за Хамита. Лез и ластился, не отступал, даже когда я прикрикивал на него. Жания рассказала, почему Нурхана отправили в Алма-Ату, а Алию вернули. Жания всё время работает, ни единой минуты не сидит без дела. Хамза вернулся с объекта, прилег, посмотрел на меня задумчивым, засыпающим взглядом и закрыл глаза. Дремлет. Я захватил его шубу. Надо вернуть, никак не могу решиться, без шубы уж наверняка пропаду.

За чаем Жания рассказала о Дамире. Мальчик – сирота. Мать – татарка. Отец – один из местных негодяев. Бросил жену с грудным ребенком. У нее случилось несчастье. Подвернула ногу и осталась хромой. Мальчик рос в детдоме. К 16 годам не мог получить паспорт. Приехал в Макат, слышал, что где-то здесь его отец. Отец от него отказался. «Менің балам өлді. Менде бала жоқ»². Люди направили мальчика к Хамзе. Так он поселился у них в доме. Смотрел за скотом, резал. Сатимжан лежал в больнице (в Ялте), Хамит был в армии. Дамир сдружился с Нурханом, стал братом младшим девочкам. Хамза устроил ему паспорт, помог найти работу. Отец Дамира, когда тот начал получать по 100 р. в месяц, взял его к себе. Дамир посылал часть зарплаты матери. Отец возмутился. Избил Дамира. Тот остался без ночлега, к Санбаевым прийти стеснялся. Нурхан привел его. Снова устроили на хорошую работу. Однажды летом уехал к матери. Долго не было. Зарабатывал на трудодни, попал в пожар, обгорел на поле. На работу не принимали. Вскоре забрали в армию. Служил на Севере. Из ран пошла кровь. Вернули домой. По совету Сатимжана устроился милиционером. Ұзын сирақты, екі адамның бойы бар³. Всё время ходит к отцу, хотя тот принимает его холодно. Ездит к матери. Не женился. Раны зарубцевались. Навещает Санбаевых. Благодарен им. Приходит и спрашивает: «Иш бар ма?»⁴ Хамза подключился к беседе. Рассказал, сколько трудов стоило ему всякий раз устраивать Дамира. Вспомнили старики и рассмеялись: Дамир не умел садиться по-казахски. Резко опускался на колени. Нурхан сказал ему: «Как-нибудь подложу под колени уголь, будешь знать, как нужно садиться».

Хорошо: попиваю чаек и слушаю рассказы стариков. Добрые, неторопливые беседы.

¹ «Когда вяжут, края обрезают ножницами?»

² «Мой сын умер. Нет у меня сына».

³ Длинноногий, высокий, в два человеческих роста.

⁴ «Помочь по хозяйству?»

Хамза дремлет. Жания отложила в сторону вязальные спицы, сходила принесла топливо. Это не тезек, но лучше. Овечий помет несколько раз перекалывают, затем лопатой делят на куски, так он сохнет и становится отличным топливом.

Есть у нас «Spidola». Слушаем только о погоде и узнаем, который час. Время знать нужно Хамзе, чтобы сходить дважды в день на объект. Хамза тоже не любит чужого верблюда. Говорит, он плюется и құсады¹. Верблюдицу Сатимжана зовут Айнакөз.

Сколько помню себя, всегда был за справедливость. Товарищи с детства меня уважали. Если и бывал слаб, то больше всего страдал от этого сам. Бывали случаи, когда вел себя не вполне героически. Но когда дело касалось только меня одного, всегда находил в себе силы преодолеть страх. Так повелось с детства. В одиночку съезжал на лыжах с крутых склонов. Один пробегал на лыжах расстояния большие, чем позволяли силы. Один плавал к кресту на воде, под которым находился утопленник. Один ходил рассчитывать со шпаной. В одиночку – ничего не боюсь. Вспомни: побежали вниз по Тулебаева (дважды это было), оба раза подал сигнал я: «Бежим!» Побежали ребята за мной. Страх за всех одолел меня? А если бы я крикнул «Вперед!»? Бросились бы ребята вперед? Да. Они и побежали, еще не боясь, но поверив мне, что так нужно. После этого мы распались. Так было не раз. Когда отвечаешь за всех, становишься беспомощным. Вспомни встречу в Шевченко. Окажись я один на один с этой толпой, им пришлось бы туго. Как в ИМЛИ². Я был один, был дерзок и смел. Как на встречах с начальством на любых уровнях. Никого я не боялся. Вечер Махамбета. Было много других, за которых я, видимо, опасался. Мотивчик паршивый был в тот день у меня: «Полетят, полетят светлые головы!» И что получилось? Все себя почувствовали трусами, оттого что я заботился об их сохранности и не подтолкнул их к смелому шагу. Была свобода, не было воли!

Лекции читаю лучше, когда зал нужно завоевать, когда знаю, что там, в зале, нет никого из друзей, нет человека, над которым я побоялся бы совершить насилье мыслью.

Как-то сказала сестра моя Лейла: «Забудем об отношениях наших матерей! Они старые люди, и у них свои счёты. Нам нужно жить вместе». Великие и мудрые слова! Почему я в то время не сумел их оценить? Закончил вуз, женился, в пылу жастулпаровской деятельности. Тәте³ тяжело болела. И я сказал: «Мама моя тяжело больна, я не могу ее забыть, не могу не считаться со всем, что она говорит». Лейла, конечно, этого не ожидала. Я вел себя недостойно, но высокий и благородный человек всё же должен был понять мое состояние. Тогда я впервые увидел на лице тәте приближение смерти, остро понял это. Был почти невменяем. И Хорлан была взвинчена. Поняла ли Лейла меня? Я чувствую к ней близость, она мне сестра.

А Эрнар – брат?

Да, к нему я испытываю братские чувства, он мне близок. Бахытжан – мой племянник. Я его тоже воспринимаю кровью.

¹ Құсады – рыгает.

² Институт мировой литературы АН СССР.

³ Тәте – мама Мурата Ауэзова Фатима.

Отец был со мною ласков. Воспринимаю его через вкус и запах шоколада. Всегда нес мне много материального. Во время поездок на Иссык-Куль и загородных выездов я впитывал его манеру говорить, думать, ходить, и сами слова его всегда врезались в душу мою. Я не боготворил его. Иногда даже был ироничен в оценке его эмоций. Но он большой, великий человек. Мудрец. Никогда, пожалуй, я не считал его вполне своим. Кроме последних дней в Кунцево. Хорошая была перспектива: моя поездка по аулам и встреча с ним на Иссык-Куле. Тогда начинался «Жас тулпар»¹.

Я сам по себе Личность, умный парень, с чутким сердцем и неистребимым стремлением к справедливому.

Пресловутая мягкость – это заикание после комсомольского собрания в Институте восточных языков, где я столкнулся с шовинизмом. Тогда я начал сомневаться. И это называют мягкостью! О черт, такие встречи не повторяются! Хотя нет, они есть и будут теперь на всем моем жизненном пути. Сразимся.

Жания привычно говорит о животных, как о людях.

Солнце садится. Старики терпеливо слушают мою казахскую речь о кочевье. Соглашаются со мной чинно, доброжелательно резюмируют. Сажу на перевернутом ведре. Кругом бескрайняя всё же степь. На горизонте, вдали, плавная линия холмов.

Тишина, изредка нарастает и глохнет гул самолета. Безветрие.

Для книги о кочевье не нужно критики существующих представлений. Это будет целиком позитивное изложение. Рождение здорового ребенка, горластого, крепкого.

Мир, увиденный свежим взглядом.

Интеллектуальная проза и поэзия наши не смогут обойтись без знания основ, которые в книге будут заложены. Единый и во всех частях своих взаимосвязанный, взаимообусловленный мир. В центре – путник: не странник, бредущий невесть откуда и куда, а кочевник, снявшийся с одной стоянки, чтобы осесть на другой, ему известной, им желаемой. Он знает, с чем уходит, что счел нужным взять с собой. Берет необходимое (что именно?). Казах не берет, как правило, в дорогу пищу. Берет готовность понять другого в расчете на взаимность. Законы пути. Реликты в подземных храмах. «Закон пути» – так можно назвать книгу.

Оттолкнуться можно: самолет и голос бортпроводницы: «Прошу пристегнуть привязные ремни!»

Путь и Воля (было когда-то – «Земля и Воля»).

Они хотели пристегнуться к земле и быть не вольными, а свободными. Земля и Воля несовместимы. Воля – всегда Путь.

Читателя нужно предупредить, что мы в буквальном смысле отправляемся в будущее, отправляемся в дальнюю дорогу. Пусть захватит с собой самое необходимое. Возврата не будет. И пусть не пристегивает «привязные» ремни. Под ним будет скорость, впереди – пространство, позади – пустота и два тлеющих костра.

¹ Патриотическое движение казахского студенчества 60–70-х гг. XX в.

Солнце садится и становится красным. На заходящее солнце действительно трудно смотреть.

Каково в танце идти по степи! Танец ритуальный исполняю в свою честь.

Чувствую себя чистым и смелым. Небо, горизонт, Земля...

Пропадает паста!

Солнце успело скрыться.

Но сейчас (виден в завесе туч у самого горизонта диск его) совсем не больно глазам. Розовато-красный, оседающий блин.

Да, он был – этот вечер, когда по заснеженной степи я шел за солнцем, бранил его словами распахнуто-дерзкими, плевал ему вслед, кощунствовал безудержно, буйно, ликующе. Позже, вспоминая, осуждал себя, был в намерении раскаяться – и не сумел. Не нашел в пресном мире последующих ощущений чувства, близкого по силе пережитому в тот зимний вечер...

У горизонта зависло солнце. Тишина взошла. Всё замерло, только синь высот продолжала собранно и деловито наливаться густотой, отчетливо, не больно для глаз, открылся взору солнечный диск, и увидел я лицо нашего чужого бога.

Полковника Маслова, массивного, непоколебимого воителя русского шовинизма, и ряд его ипостасей распознал я, и проклял солнце. О-о, то был монолог из монологов, яростный выплеск магмы словесной, протуберанец гнева испепеляющих температур. Я шел за солнцем, сотрясая степь тихим шепотом обличений. Шел, безумствуя, куражась. Не знаю, что такое свобода, но в те минуты испытал нечто, напомнившее мне тогда же, в вечерней прикаспийской степи, это слово.

Старики знают, что будет холодно. Ветер переменялся. Дует со стороны Арки. Переживем мороз. Завтра или послезавтра съезжу в Макат, куплю сапоги, портянки, овощные консервы, мясные консервы. Газет свежих покупать не буду.

Сейчас (вечер 17/XII) впервые Жания вдруг прилегла и, кажется, задремала. Хамза читает сына. На печи что-то варится. Едим много жирного. Хлеб с толстыми ломтями сливочного масла. Чай с жирным верблюжьим молоком. Само молоко. В бесбармаке и без ем өркеш, жирный верблюжий горб. Привыкаю. Смажу пищевод свой основательно. Если язва грозила, избавлюсь от нее. Не успел дописать о пище (а пишу быстро), Жания уже встала, возится с ужином.

То, на что я думал – это қарын¹, не қарын вовсе, а кожа с верблюжьей шеи, шею вынули, оставили кожу и зашили, получился сосуд для шұбата с естественной горловиной (там, где горло верблюда).

Зеркала нет, не знаю, как выгляжу. Прекрасное чувство! Ногти вырастают, набивается грязь. Это нехорошо. Жания себя держит в чистоте.

И снова, за чаем, были интересные рассказы Жании и Хамзы. Жания рассказала о трех стариках, которым было по 96-97 лет, когда умерли. Немощные скелеты. Правнук содержал их в комнате, насыпав на пол песок Нарына, сверху которого постелил белые простыни. Мужчина и две жены его. Молились: «Пәленше байдың маңдайына шаң қонбасын»². Алжыған³.

Хамза мастерски рассказал об одноглазом повстанце. В 1916 году губернатор прислал отряд солдат, чтобы набрать людей в армию. Казахи взбунтовались.

¹ Желудок.

² «Пусть на лоб покойника не оседет пыль».

³ Тронутый умом.

Кто с шашкой (ескі қазақ қылышы¹), кто с копьем (отломали зубья вилам, кроме одного) ринулись на солдат. Те сели плечом к плечу и дали предупредительный залп. Следующим могли убить всех. Начались переговоры. Все стушевались. Кроме одного, одноглазого. Не заметив, что все остановились, он, как и было договорено, помчался на солдат. «Бір-ақ көзім бар, сондықтан ізденбедім. Шеткі біреуін дәлдеп алып, соған шаптым»². Доскакал и хлестнул солдата плетью, сбил ему фуражку. Над ним потом все смеялись, и сам он вышучивал себя.

Не было свободы, не было воли, но была порядочность, исполнение долга.

С каждым днем сроки пребывания в бегах, мною планируемые, сокращаются. Сейчас я думаю: 31/XII быть в Караганде, 1 января – в Алма-Ате, на дне своего рождения. Надо серьезно *поработать* над своим русским языком. Этот язык – мой выразитель, и это до конца жизни. Казахским овладею, возможно, со временем. Но писать не только «только могу», но и хочу на русском. Этот язык меня не закабалит, напротив, расковывает. Надо только достичь той степени владения им, когда любому желанию мысли моей он будет тут же и с готовностью угодать. Пусть работает побольше.

18/XII. Ночью было холодно. Мерз не я, а старики. Я спал, завернувшись в шубу.

Утром за чаем поговорили о разном. Хамза читал «Маса»³. Ушел на объект.

Я рассказал о планах своих Жание. Она, кажется, обиделась. «Үш ай болам дегенің қайда? Өзің біл. Бізге бәрі бір»⁴. Я говорил: «Бір жерде туған қайғыны басқа жерге барып емдеуге болмайды. Әр жердің өз қайғысы мен өз қуанышы бар. Мекен еткен жерінде күресуің керек»⁵. Напрасно я, видимо, сказал ей сейчас. «Кітабыңды жазып үлгерсе алмайсың ғой. Жаңа жыл мұрын астында»⁶. Изменятся, верно, теперь старики. Относились уже было как к своему, к долгожителю в своей среде. Теперь я – навязавшийся гость, собирающийся уехать, но, непонятно почему, – медлящий.

Будут морозы – перекочем в Макат. Жания и работы мне не дала никакой. «Ойыңдағыны жаза бер». Ойға түк түспесе, немі жазам?⁷

Разделяй! Но не в чапековском смысле. Разделяй не добро и зло. Разделяй: мир людей и мир книг – разное. Не погрязни в миру людей. Не болеей за них душой. Ступай в мир Книги. Будь там, а не в повседневной жизни, сильным и слабым, жестоким и мягкосердечным, живи вольно. Разделяй вечное и преходящее. Живи в вечном. Слово, поступок, прожитый день – измеряй вечностью.

Просмотреть литературу о кочевье. По возможности, всё, включая фантастическое и лживое, враждебное.

Внимательней прочесть стихи Асана, книгу о Коркуте, стихи и назидания Абая.

Познакомиться поближе с творчеством всех печальников земли казахской.

Работать в одиночку.

¹ Старой казахской саблей.

² «У меня всего-то один глаз, не присматривался. Выбрал крайнего и помчался на него».

³ Запрещенный журнал, издававшийся А. Байтурсиновым.

⁴ «Ты же собирался пробыть здесь три месяца? Делай, как хочешь. Нам всё равно».

⁵ «Печаль, рожденную где-то, нельзя исцелять, отправляясь в другие места. Везде свои печали и свои радости. Бороться надо там, где живешь».

⁶ «Книгу свою не успеешь дописать. Новый год уже на носу».

⁷ «Пиши, пиши, что в мыслях твоих». О чем же писать, если в мысли ничего не приходит?

Я не: агитатор, дружинник, лектор, активный член ВЛКСМ, молодой ученый и т. п.

Возможно, и не сотрудник Института философии.

Я – не прежний Мурат.

Сколько крупных и ярких эпизодов в жизни Жании! Сатимжану нужно бы писать о ней. Хотя вряд ли. Он будет смягчать из чувства сыновней любви, а может, просто не сумеет увидеть «со стороны».

Чего стоит хотя бы жизнь ее во время войны в степи на телеге (түйе арба)¹. Со всеми детишками кочевала по степи одна (Хамза работал на четырех-пяти должностях). Она кормила не только всю семью свою, но и Газиза Лукпанова, и семью Нарсуда. Было у нее восемь братьев и пять сестер. Пять братьев погибли на фронте. Двое вернулись с войны. Один – скончался в Москве. Мужья сестер погибли на фронте. Отец (был на редкость, по словам Жании, крепкий физически человек) скончался, получив все похоронки, в возрасте девяноста лет. Все в роду ее были сильные, выносливые, руки кормили их.

Жания – рассказчица!

Старики с уважением относятся к моему занятию.

А что же я? Делаю ли то, что хотел?

Мое отношение к государству. Гачев² говорил: «Цивилизация – прекрасная вещь. Нужно только, используя все блага ее, быть от нее свободным». Он – свободный художник. Я так не могу.

Не могу быть носителем «воли».

Наше государство аппарат во многом бессмысленный. Не уверен, что оно само себя понимает. Я не уважаю это государство. Ненавидеть его не могу. Разве можно ненавидеть нелепое?

Плохо, если нелепости его послужат тем, кто захочет ими злоупотребить. Но и им придется нелегко. Русские, например, вряд ли сумеют эту махину превратить в аппарат русификации, использовать в своих интересах, даже если захотят (как сейчас, например).

Это скрипящая инерция. Это колодезный ворот. Раскручивается без меры, пока ведро не шлепнется.

Ничего интересного и убедительного о своем отношении к государству я не сказал. Почему?

Внутренний цензор. Его мы боимся более всего. Он сковывает нас крепкими путами. «Всё было». Это – романтизм, это – футуризм, это – прочие «измы». Мы знаем запрет. Знаем, что плохо. Нам говорят: вот это – хорошо. Чувствуем: нет, это тоже не совсем хорошо. Но в чем и почему – искать стесняемся. Ведь всё уже было, и всё было наивно, плохо. Болтаемся как маятник. Движения нет, и нет продвижения.

В трактате о воле разработать и уничтожить внутреннего цензора.

¹ Верблюжья телега.

² Г. Д. Гачев – российский литературовед.

Жания рассказала о Шимұрыне¹.

Мұнайдың иесі². Водится там, где соры.

Губит людей в сорах. Мучит. Но следов не оставляет. Скот его видит как он есть. Человек видит только длинную серую фигуру без рук – не идет, а скользит быстро-быстро на земле. Таким видела его Жания дважды.

Однажды шла подоить верблюдицу. Была лунная ночь. Сзади шел ее нағашы³. Вдруг прямо из-под ног поднялся долговязый серый человек и пошел перед ней спрятался за верблюдицей. Та, обычно спокойная, взволновалась, прокричала. Жания шла и ругала этого серого неизвестного. «Что это еще за бродяга такой, не воровать ли вздумал!» Тот заскользил по траве. Пошла за ним. Видит: высоченный, выше столбов, быстро-быстро ускользает вдаль. Спросила у нағашы, видел ли тот. «Да, видел. И не смог за вами идти. Отнялись ноги». И сторож видел.

В Макате каждый год Шимұрын кого-нибудь убивает. Молодого милиционера Ғарифуллу (осталась жена с четырьмя детьми). Один рабочий в Сагызе вышел с работы в четыре часа ночи. Подъезжает грузовик, и знакомый парень предлагает: «Давай подвезу». Посадил в кузов. Едет-едет, аула нет. Испугался. Проснулся – очнулся. Видит: бежит босиком по сору.

Вечером после чая Хамза и Жания долго рассказывали об аулие⁴. Білеу-аулие. Родник чистой ледяной воды среди соров. Нефть. Когда-то было много. Должны были получить крупную добычу. Построили бараки, школу и т. п. Кто-то из начальства сказал: «Вы говорите: аулие, аулие. А вот мы без аулие достали по трубам нефть». Нефть исчезла. Колодец там.

Нашелся один. Запер колодец на замок. Вода пропала и появилась только, когда замок снял перепуганный владелец его.

Случай с предисполкома, который выматерил аулие, проезжая мимо его могилы (Матен-аулие). Жын соқты⁵. Старики посоветовали ночь провести у бейита⁶, жечь огонь, зарезать барана, просить прощения. Послушался. Выздоровел.

(Таких бы аулие на урановых выработках!)

19/XII. Уже темно. Ходил в Макат.

Купил продукты. Шел обратно пешком в валенках. Хорошо! Встреча с вчерашним стариком Сухановым. Говорит громко, на всю степь. Под шапкой женский платок-косынка. Комичен в жестах, репликах. Забавное прощание. В степи трудно прощаться. Разошлись, пожав руки. Вновь сошлись. Пятьдесят-семьдесят шагов, а стоишь будто рядом. Уходить, отвернувшись, вроде неудобно. Так раза три-четыре прощались. Не было слов, стали приглашать друг друга в гости.

С Сухановым очень сносно говорил по-казахски, самому было приятно (оттого, наверное, что чуял в нем противника, не своего, конечно, а Хамзы). Ревнует к славе моего старика. Ұзын құлақ⁷ – сообщил обо мне всем – и называет это: «Сенің даңқың жайылып жатыр»⁸. Из местного рода естемир. Темно. Дождусь

¹ Букв. «чиевый нос». Чий – песчаный тростник.

² Хозяин нефти.

³ Родич по материнской линии.

⁴ Святой.

⁵ Свихнулся.

⁶ Могила.

⁷ Букв. «длинное ухо», степной тамтам.

⁸ «Слава твоя широко стелется».

керосинки, продолжу. Да, читал моим старикам Қадыра¹. Очень он им понравился. Как мало воздаем чести ему в Алма-Ате. Он – редкий, талантливый, крупный поэт. Многие ему не годятся в подметки. Лысеющие романтики в том числе. Его тем более нужно беречь и возвышать, что на русском и для неказахов он не прозвучит. Насквозь казахский и прекрасный поэт.

Зажгли лампу. Хамза разводит огонь в печи. Жания чистит картофель. Увидела, что я пишу, сделала фитиль в керосинке повыше. Я верю в ее рассказы о Шимұрыне. Главное – его не бояться, не терять головы, оставаться спокойным, разговаривать с ним громко и дерзко, прикрикивать на него. Лучше, если ты при ружье. Вооруженных вообще обходит. Жания в степи две трети года, часто одна. Скот, дети, домик или юрта – всё хозяйство на ней. В беседах с Шимұрыном она утверждает в собственной храбрости и силе, надо ли говорить, как необходимо это именно ей.

В сумерки, когда Хамза с Жанией ушли запира́ть овец в хлеву на объекте, я пошел в степь. Забрел далеко, солнце село. Красная спокойная полоса, ровная, недвижимая. Оттого, пожалуй, страшнее. Отчетливо слышишь собственные шаги, поскрипывание снега. Шуба немного приглушает, слышатся какие-то не свои, посторонние шумы. Шел я на встречу с Шимұрыном. Хотел предложить ему дружбу и соратничество – ведь он древний хозяин богатств этой земли. Временами казалось – набегают волки. Однажды сильно испугался: вроде что-то волной нагнало меня. Шел на грани страха и веселого торжества. Ходил по сорам, взобрался на тебе² – дал ему достаточно возможности сделать всё, что угодно. Ничем особым он себя не проявил. Единственное: вдруг почувствовал, что дальше идти совсем уже страшно. Несколько раз до этого перебарывал себя, а тут не смог. Повернулся и пошел в сторону домика. Стемнело, и домика не было видно, да и скрыт он был за несколькими холмами. Шел почти наугад: держался немного левее огня Мака́та. И – вышел прямо на домик, издалека еще увидел его темный силуэт. Шел и корил Шимұрына: «Что же ты, я ведь хотел союза с тобой, а ты и не явил себя». Вдруг понял: Шимұрын знает о моем союзе с Небом и не решается войти в такую компанию. Только я это понял, как развеселилось Небо. Шутило и смотрело на мои степные жуткие прогулки. А теперь расохоталось. Я не долго обижался и вознес к Небу руки: «Саған табынамын» («Өзіңе табындым!»)³.

Шимұрын – удивительная личность.

Надо как-нибудь написать о настоящих сорах для тех, кто любит удаляться в скуке «в соры». Шимұрын – это болотный дух, кружит голову, хитер, умен, неуловим, ненаказуем. Я к нему отношусь с симпатией. Мне кажется, не без его помощи Білеу-аулие удалось отвести нефть. Матен-аулие тоже с ним связан. И так, это не только хозяин нефти, но и президент общества охраны памятников казахской старины. Попасть к нему оказалось сложнее, чем к Есенову⁴. Ничего, теперь его очередь. Буду ждать визита.

На пешем пути из Мака́та в қыр⁵ был настроен солнечно. Всякие мелодии звучали во мне. Главное всё же сделано. С моей стороны. Думал даже так: вот

¹ Қадыр Мырзалиев.

² Холм.

³ «Верую в тебя» («Тебе поклоняюсь»).

⁴ Есенов – президент Академии наук КазССР.

⁵ Слегка возвышенная местность с пастбищами.

я среди друзей в Алма-Ате и говорю им: «Я сумел дважды победить себя. Когда решился уехать и решился вернуться. Уехать было нелегко, но проще, чем вернуться. Возвращаюсь, во-первых, побыв в бегах до смешного мало. А во-вторых, вообще уходить от реальности легче, чем в нее погружаться вновь». Всё не совсем так. Вернусь в алма-атинскую жизнь с радостью. Примет ли она меня, полуизменившегося?.. К чему кокетство! Уехал – приехал – продолжаю жить. И еще не раз уеду и вернусь! Мне само по себе это нравится. Фальши компромиссной писать не буду. Буду больше наедине с собой.

20/XII. Вчера в Макате в «Литгазете» прочел заявление Герберта Маркузе по делу Анджелы Дэвис. Французский журналист в самых уважительных тонах вел с ним беседу. Наши перепечатали хороший текст Маркузе. Видимо, отношение к нему изменится. Может, и переведут что-нибудь из его книг. Нам бы он был очень кстати.

Попросил Алию передать Сатимжану, что 1 января буду в Алма-Ате.

Хамза вчера долго вспоминал свою учительскую деятельность.

Сила – в Жание. Пронаблюдаю в Алма-Ате, что в Сатимжане от Хамзы, что от матери.

Рефрены Жании: «Көп айтып не басыңды ауыртайын», «Өңгіме содан шықты»¹.

Сатимжан смеется, как отец. Кисти рук, физическая крепость, впрочем, и творческая, видимо, тоже – от Жании.

Не каждое утро мою лицо, но руки и ногти держу в чистоте, потому что каждый вечер ем бешбармак. Съедаю невероятное количество мяса, теста, жира. Брюки расходятся по шву, пуговицы не выдерживают, приходилось уже подшивать.

В степи сильный мороз. Что будет, когда задуют ветры, подумать страшно. Сплю в шубе, сверху набрасываю два пальто, голову заворачиваю в шарф и сверху напяливаю шапку. На мне тельняшка, рубаха байковая, два шерстяных свитера. Старики одеты потоньше, и шубы у них нет, кричат и мерзнут. Шубу не берут. Все заботятся, чтобы мне было теплее. Я им вечерами рассказываю всякие диковинные вещи из жизни других народов: японцев, китайцев, монголов, спартанцев, древних персов, саков, европейцев. Особых затруднений, когда говорю не спеша, в языке не испытываю. Вчера на марше Мақат – қыр вспотел. Сегодня чешется давно не мытая моя голова. Женщины не снятся, не хотят приходить в мой холодный сон. Уж и не знаю, что бы я с ними тут делал.

Жания рассказывала сегодня, как делают киіз, текемет, алашу². Она считает, что нет на свете ничего, что было бы теплее и лучше в хозяйстве, чем войлок. Сама всё делала.

Күрке – кигіз үйдің екі қанатын құрастырады да, кигізбен орайды. Ықтырманьң бір түрі³.

«Жол ұрсын!»⁴

Я в диссертации своей многое нащупал верно. С удовольствием продолжу.

¹ «Хватит морочить тебе голову бесконечными байками». «С этого и началась эта история».

² Киіз – войлок, текемет, алаша – виды ковровых изделий.

³ Курке – соединяют два крыла юрты, оборачивают войлоком. Шалашик, защищающий от ветра и солнца.

⁴ Букв. «Пусть ударит дорога!» – вид проклятия.

Жастықты бұлар көпшік дейді¹.

Надо посмотреть, что у нас есть написанного по казахским суевериям. Спрошу у Жанин, что она думает об албасты и жезтырнак².

Маркузе, буддизм – это только установление межи на поле, которое еще предстоит обжить.

Взять кочевников всех сохранившихся: монголов (к ним попозже), эскимосов, бедуинов, африканские кочевые племена. Брать нужно обязательно в историческом плане. Кем они были, когда и какую роль сыграли в жизни соседей. Как Ангра-Манью в глазах мира Ахура-Мазды – так писалось до сих пор. Единство этих миров в обеих сферах. Это должна быть артериальная линия работы. Найти материалы о Зие Гёк-алпе³, его труды в шопенгауэровском духе.

Установить *живое* различие между хинаяной и махаяной. Элементы культуры кочевников в махаяне. Здесь можно нащупать чистопородную жилу.

Еще раз посмотреть гегелевскую эстетику. Триадность его – заблуждение.

Нужно несколько отстраниться от материала, писать о кочевье не о как кровно своем, потому что, даже если мне и удастся свести субъективизм до минимума, в глазах читателей я останусь ходатаем степи тюркской. Именно для того, чтобы этого не происходило, необходимо взять кочевье как состояние мира, взять все существующие типы кочевья как такового и обнаружить кочевье в современном цивилизованном мире (в частности, в индустриальном обществе). Тут возникает целый круг проблем. Что такое робот с точки зрения кочевья?

1) Какова идея робота вообще?

Варианты: а) облегчение труда человека на Земле; б) демонстрация божественной мощи своей человеком, создающим свое подобие негенетическим путем; в) предчувствие открытого пространства, не земных (привычных) условий, где может функционировать скорлупа человека, в то время как живое сердце и живой мозг остаются на Земле, в кабине, короче, в метрополии.

2) Была ли аналогия роботу на заре средней эры кочевья? Робот в данных условиях необязателен, имею в виду, в условиях современного индустриального общества. Более того, робот противопоказан этому обществу, и оно ему не даст жизни, хотя и слепило каркас. Робот-идея нужен в начале Пути. Конец предыдущего состояния стабильности из отрицания гибели своей рождает идею робота. Нужно уточнить начало средней эры кочевья. И присмотреться к духовным исканиям той поры. Что такое японское догу – люди в скафандрах (III, IV вв. н. э.)? Космические ракеты инков? Собственно, не они ли перешли или переплыли границу Старого и Нового Света, японцы, монголы и т. д., – не их ли потомки? Уточнить, когда появились изображения ракеты у инков. Тогда бы удалось определить временные рубежи начальной эры кочевья. Просмотреть всё, что написано Туром Хейердалом. Он-то чего ищет?

Идея робота может встретиться в буддийских текстах (китайская медицина). Есть же истории того, как, кто и когда хотел сделать искусственного человека? Обязательно посмотреть. И не просто попытки, на историческом фоне эпохи.

¹ Подушку (жастык) они называют көпшік.

² Потусторонние силы типа лешего и ведьмы.

³ Зия Гёк алп – турецкий поэт и философ XIX в., автор духовного манифеста пантюркизма – поэмы «Золотое яблоко Турана».

Робот – пример. Таких проблем уйма.

Годится ли интерьер современного цивилизованного общества для новой жизни в условиях Пути? Всё громоздкое, аляповатое, яркое, тяжелое, всё, что затрудняет Путь и не является **необходимым**, – нужно отставить. Пусть уходит в прошлое. Можно оставить лишь образцы как память. Они еще пригодятся. В очередной оседлости.

Обтекаемые формы, прочность и легкость, стойкость, не обязательно долговечность и т. д. Дизайнеры, смотрите казахскую утварь, типизируйте и давайте вернейшие прогнозы свои на моду эры нового кочевья.

Писатели, займитесь примерно тем же. Не прогадаете.

Дух ловите, сумеете – попадете в яблочко. Ну а мы, жрецы, видим, как всё это иллюзорно, но мы – ваши жрецы, и сил у нас достаточно, чтобы иллюзии сделать реальностью. Увлечемся вместе с вами, будем распевать новые гимны и будем, как всегда, ощущать печаль своей стези. Нам нет пристанищ Утоления, Удовлетворения, Спокойствия.

Интересно, получился бы у меня рассказ о Жание?

Это был бы не образ матери, и вообще никакого большого обобщения не было бы. Грани сильного характера. Удивительная жизнеспособность. Многим дала жизнь, многим жизнь спасла. Держит на себе до сих пор благополучие всех детей своих. Ее речь – всегда успокоительная, обнадеживающая. Больше всего – вокруг работы. И слова – очень плотные, как теннисные войлочные мячики. Глаголы от объекта труда – «малды суардым», «ағаш жардым», «ботаны суардым», «маяның сүтін саудым»¹. И при этом – суеверна, благочестива. Свой мир веры. В нем аруах², аулие занимают большое место. И все это называет «Аллаға табыну»³.

Нужно чаще выступать со статьями по литературе. Может получиться оригинальный жанр в литературоведении, замешанный на невежестве моем и моей наглости.

Буду брать деталь в книге, образ, малую величину и рассматривать ее в неожиданных ракурсах. Это чепуха, всё, что я пишу о своем «литературоведении». На деле это может быть чище, достойнее, изящно и умно. Во всяком случае такие факты, как творчество Кадыра, оркестр Б. Сарыбаева, метания Тимура, оставлять без воздаяния нельзя. Кадыра нужно хорошо преподнести. Он надо мной уже совершенно не властвует. Я его преодолел. Уважаю, преодолел. И написать о нем смогу получше, чем прежде или чем сейчас об Олжасе.

Для всех этих занятий что же нужно? Освободиться от всякой общественной деятельности. Быть одному, за исключением воскресенья. Воскресать к молодой жизни не чаще одного раза в неделю.

Пришел Суханов с еще одним стариком. Старик всё пытается со мной поговорить. Мои старики не очень этого хотят. Жания: «Әй, Суюмбай, Мұратқа қағаздарын алып берші»⁴. Я взял ручку и сию пишу.

¹ Напоила скотину, наколола дров, напоила верблюжонка, подоила верблюдицу.

² Дух предков.

³ «Поклоняться Аллаху».

⁴ «Эй, Суюнбай, подай-ка Мурату его бумаги».

Суханов рассказывает фильм «Освобождение». «Все старики Маката посмотрели фильм».

Жания живо реагирует, переспрашивает, просит продолжить.

Хитро так Суханов подвел беседу к рассказу о сыне Сталина.

Довольно долго говорили о Сталине. Старики его уважают. «Секе, жарықтық, аруақ болатын кісі еді ғой»¹.

Пауза. Старики (бөтен²) собираются уходить. Выдержали характер. Но – нет!

Старик, который первым пришел, уже у выхода, вдевая ноги в валенки, прочитал неплохие стихи. Сюембай его понял и начал расхваливать: «О, он много видел, много знает, сана-сезімі биік»³. Хамза вставил: «Ия, оқымаса да, көп біледі»⁴. Старик: «Хамзадай орысша оқымадым, бірақ та қазақша оқығаным бар»⁵. Диалог накаляется. Хамза прошелся насчет религиозных принципов и их неисполнения стариком. Старик: «Өзің неге намаз оқымайсың?»⁶ Хамза: «Мен енді көбірек халықтың ақсақалы болып бара жатырмын. Мен бұзылсам, жастар да бұзылады»⁷. Старика это сильно задело. Хамза под конец выпалил в него: «Сен де өлерсің, сен де қара жерге кірерсің»⁸ и т. д.

Старик пулей вылетел из домика. Жания еще вчера говорила, что в этом году Шимұрын никого не убивал. Сюембай и старик рассказали, что на днях он убил женщину в сорах. Вышла со свадьбы. Жесір қатын⁹. Головой воткнута в сор. Иду с Жанией за овцами, заодно посмотреть сор.

Вместе с Сухановым сходили за овцами. Жания осталась дома. Состоялась на обратном пути любопытная беседа. Летом чаще высыхают соры. К воде подойти не удалось. Соленая (всегда в сорах) вода. Цепь соленых озер, талая вода становится соленой.

По дороге к сору Суханов ревниво расспрашивал о детях Хамзы.

На обратном пути я спросил его, доволен ли он этой жизнью. Он охотно стал отвечать. Да, он доволен. Раньше жили плохо. Работу делали вручную, теперь автоматы. Государство дало возможность детям выучиться и т. д. Серией вопросов подвел его к жизненным противоречиям. Сплелось всё на языке, судьбе казахского языка, он в конце сказал: «Это противоречие разрешить не в моих силах». Интеллигентский сеанс провел. Скверно. Что это дало мне или ему?

Признался, что люблю Шимұрына и что ходил на встречу с ним. Хотел предложить дружбу и союз. Сказал, что уважаю Шимұрына за то, что он, древний хозяин этой земли, как-то борется за свои права.

А еще сказал ему, что ислам не во всем мне нравится. Я почувствовал фальшь сегодняшнего укрощенного ислама, который к тому же вытеснил «веру в Небо». Веру в Небо реконструируем и реформируем! Это будет (уверен, и была) морально-этическая система, в центре которой – человек с планетарным, по масштабам, мироощущением.

¹ «Секе (ув. Сталин), конечно же, достоин стать почитаемым аруахом».

² Чужие.

³ Разумом высок.

⁴ «Да, не читает, а знает много».

⁵ «Я не читаю, как Хамза, на русском, но на казахском кое-что читал».

⁶ «Сам-то почему намаз не читаешь?»

⁷ «Я всё больше становлюсь аксакалом народа. Ошибусь я, и молодые станут ошибаться».

⁸ «Ты тоже помрешь, ты тоже под землю уйдешь».

⁹ Вдова.

Нравственность, эстетический идеал нельзя сводить к общественно-экономическим формациям.

Обратившись к истории (можно хотя бы наложить «Всеобщую историю искусств» на «Всемирную историю»), мы обнаружим массу несоответствий, несовпадений.

Коммунистическая нравственность, как и эстетический идеал коммунистического общества – политические лозунги. Эстетика не должна изучаться в трудах по «Научному коммунизму». Место ее – в «Истории мировой культуры». (Это я проинтуичил, когда менял планы нашего труда.) С. не сумел отреагировать, тут-то ведь он. Но свою позицию мне нужно обосновать и потратить на это уйму времени. Или, ничего никому не объясняя, делать свое дело.

В основе нравственности, морали, религии, философии – тип жизнестроения, понимаемый либо как преимущественно кочевое состояние, либо как преимущественно оседлость. Под этим углом зрения нужно переписать учебники, трактаты, мыслительные системы, господствующие ныне. Преемственность, единство мировой культуры убедительнее предстанут в этой картине, а не в том хаосе, который сейчас наблюдается, в котором нет места культуре целых материков цивилизации. Главное – уловить движение, переходы, превращения, происходившие в реальной истории, установить заново действительно верные вехи, отбросив всё второстепенное. До сих пор смотрят историки в замочную скважину, видят недвижимый интерьер, а действий и перемещений людей в пространстве истории увидеть не в состоянии, видят только то, что попадает время от времени в видимую полосу, и ломают голову: что же там, за дверью?

Теперь уже, видимо, можно всерьез познакомиться с трудами классиков марксизма-ленинизма.

Один месяц, не более. Но основательнее. Заведу общую тетрадь «Конспекты трудов классиков марксизма-ленинизма по интересующим меня вопросам».

По приезду в Алма-Ату составить план, что и когда, как читать.

С января 1971-го поступаю в ликбез, где всё – сам, овладение казахским языком. Такой процесс продлевает жизнь. Буду это делать не торопясь. Пора завести тетрадь словосочетаний, оборотов, мыслительных конструкций на казахском.

Время для активизации, возрождения китайского и английского языков.

Работа над русским языком. Необходимо расширить диапазон интонаций. Стилль суше, строже, жестче. Активизировать словарный фонд. Главное – точное слово. Это труднее. Будет легче, когда мысль будет не искать, а находить. И всё же стремиться к точности необходимо. Витиеватость, ложная, да и не ложная, закрученная, многозначительность – мне помеха. Я фразу буду отливать, как отливают пулю, а не рубить, как рубят свинец на дробь. Что ни фраза – то малый снаряд с большим взрывчатым потенциалом.

Буду пробовать себя в различных жанрах, но только когда потянет в бега. В степь слабым не приведи, Шимұрын, вернуться еще!

В определенной ситуации может в Алма-Ате появиться организация «Шимұрын», в ней не должно быть западных ребят, их – в другие подобные организации.

Шимұрын, мы еще встретимся!

21/XII. Вчера вечером вернул Жание ее рефрены. Она долго смеялась. Видимо, ее это смутило. Сегодня только я говорил: «Көп айтып не басынды ауыртайын».

Жания помогала не раз не только казахским сиротам, но и русским. Русский в ее рассказах обязательно «несчастненький» («бір иығы түсіп қалған»¹ и т. п.).

Пришел Хамза с объекта и рассказал, что на автомобильной стоянке один солдат избил восьмерых казахов. Жания целиком на стороне солдата. Возмущается макатскими хулиганами, в основном казахами. Я сказал, что Сатимжан, наверное, тоже справился бы с восемью в драке. Хамза согласился. Жания рассказала историю с Хамитом и Сатимжаном на вокзале (Сатимжан рассказывал). Жания ни словом не упомянула о прежней жене сына. И никого, кроме сыновей, не назвала. Потом оговорилась, была там еще Алия. О драке Жания рассказывала очень по-женски. «Сатимжаным тұрып оң қолымен шөпті органдай орып тұрды»². Хамза вставил: «Сен болсаң (Жания), екі-үшеуін қылқындырар едің»³. Жания женственна. Стесняется, когда говорят о ее большой физической силе. И тут не отреагировала на слова мужа. Я заметил это, еще когда спросил ее, правда ли, что она в молодости боролась. Так мне говорил Сатимжан. Жания засмушалась и сказала: «Күресіп не қылам. Бірақ қайратты болғаным рас»⁴. И тут же принялась рассказывать об одиночной жизни своей в степи. Для этого, действительно, нужно обладать большим мужеством. Хамза, когда выходит на двор ночью, вначале выпускает Жанию, затем только выбирается сам.

Старики сказали, ночами я много говорю. В последнее время я это стал замечать и сам.

Варится бешбармак. Снова придется есть в невероятном количестве.

Поговорили об албасты (не очень серьезно к нему относятся, так же как и к жезтырнақ и мыстан кемпір⁵). Другое дело – те, кто может сглазить. Такие есть и были. Рассказал Хамза несколько случаев. Берегут от таких детей. Сами они никакой пользы от силы глаз своих не имеют. Старики аула, когда узнают о ком-нибудь, что он может сглазить, советуют ему по-доброму: сделай так, чтобы тебе никто и ничто не нравилось (назар аударма⁶).

Был один старик: всю жизнь никого не смотрел в глаза. От всего отворачивался. Но однажды восхитился прекрасной лошадью. Зашел в юрту, ее похваливая. Ему сказали: «Көзіңіз түспесін»⁷. Он похвастал: «Когда-то отец мой восхитился косой, и тут же переломилось лезвие». Ему сказали: «Если с конем что-нибудь случится, будете отвечать». Только поели, вышли из юрты – конь лежит в предсмертных судорогах. Заставили беднягу расплатиться за коня восемнадцатью коровами.

Детям делают очень красивые, нарядные украшения на одежде, чтобы сглазить можно было наряды, а не ребенка.

Дают детям матерей, у которых дети быстро и часто умирают, скверные имена: Итемген, Байтобет, Қимайы и т. п. (Қи – навоз. Қимайы – смола, липкая, черная, вытекает из навоза, хорошее лекарство от кожных заболеваний скота.)

¹ «Голова скособочена».

² «Сатимжан мой правой рукой, как траву, их косит».

³ «Была бы ты там, двоих-троих придушила бы».

⁴ «Не хватало мне бороться. Но сильной была, это правда».

⁵ Воплощение потусторонних сил.

⁶ Не обращай (пристального) внимания.

⁷ «Смотрите, не сглазьте».

Хамза расщедрился и рассказал:

– «Ұзынды қысқартайық», «боз тарланды қаңтарайық», «көп айтып не басынды ауыртайын»¹ – синонимы смысловые. Самое мудрое – «бозды (боз тарланды) қаңтарайық». Я, – сказал он, – боз тарлан. Прожил семьдесят лет. Өлімді көрмеді десе, басқасын барлығын көрдім². И не могу рассказать всего за один-два часа. Это бессмысленно. А беседы всегда длятся не дольше вечера, дня... Бессмысленно пытаться рассказать всё интересное, что видел, за это время. Потому и прерываешь себя: «Боз тарланды қаңтарайық».

Боз тарлан – боевой конь, выдавший виды ветеран, «ауыздығымен су ішкен»³ и т. д.

Қаңтару – придержать, привязать натянутые поводья к луке седла.

Кочевник живет в ритме природы. Видел степь вокруг домика, всю траву обели овцы и верблюды. Настанет весна, всё вновь зазеленеет. Оседлый съедает вместе с корнем. И не только сегодняшние ростки. Но и их далекое прошлое – уголь, нефть. Кочевник чутче улавливает биение пульса земли. Гумилев близок к истине, связывая расцвет и упадок культуры кочевья с дыханием морей, влиянием ливней, с солнечной активностью. Двенадцатилетний цикл. Кочевник щадит природу, деревьев не сажает, у него нет комплекса вины перед лесом. Не меняет русла рек по той же причине. Роет колодцы. Принцип тот же, что и у мастеров японского искусства, – высвободить то, что из природы «просится наружу». Протыкает нарывы земли. Бреет землю зубами скота. Срезает ногти – валя кустарник и дерево на кереге и уық⁴. Удаляет слепую кишку, выбирая крохи металла для нужд своих.

Контрасты степи. Огромное небо, огромная степь – крохотная юрта, в ней: грандиозного самоощущения человек – и он функциональный минималист, чистит, прибирает, слегка подправляет Природу.

Воюет – соилами, шокпарами⁵. Пушка – кощунство. (Жания реагирует на рассказ Хамзы о драке строителей с местными, которые стреляли из ружей. «Мылтык атқандары ұят екен. Ұрса, мылтықсыз ұрып жықпай ма?»⁶)

Я чихнул. Жания, пряхшая молча пряжу, тут же сказала: «Қазақта біреу түшкіргенде, қасындағы адам “Жәрәкім алла” дейді»⁷. И пояснила: «Адамнын жаны шықпақшы болады. Әр жерге барады: басына, қолына, ішіне, аяғына. Әр жерде – қамау. Мұрнына келіп жыбырлайды. Адам түшкіреді, сонда жаны орнына барып түседі. Түшкірген адам “Альхам дуль илла” – дейді. Шүкіршілік, жаным орнына келді деген сөз. Орыстың “Будь здоров” дегені ғой»⁸, – добавила Жания.

Жания верит в душу. Иногда называет ее «жылы» («тепло»). Когда человек замерзает, «жылы кеудесінде ғана қалады»⁹. Душа похожа на белую бабочку.

¹ «Укоротим длинное», «попридержим бывалого коня», «не буду морочить тебе голову долгими байками».

² «Со смертью еще не встречался, а все остальное повидал».

³ «Воду пил в удилах».

⁴ Кереге – решетка юрты, уық – дуги, на которых держится верхний круг юрты.

⁵ Виды оружия из дерева.

⁶ «Нехорошо, стыдно, что стреляли. Дерешься, попробуй свалить без выстрелов».

⁷ «У казахов, когда кто-нибудь чихает, рядом стоящий говорит: “Помоги, Аллах”».

⁸ Душа человека может вылететь. И устремляется в разные места – в голову, в руки, в живот, в ноги. Но везде – перекрытие. Она подбирается к носу и щекочет. Человек чихает, и душа отбрасывается обратно. Чихнувший произносит: «Альхам дуль илла», что означает: «Благодарю, душа моя на месте». Это как у русских: «Будь здоров!»

⁹ «Тепло остается у него только в груди».

Кочевье и оседлость – установить диалектику единства этих состояний. Кочевье не отрицает оседлости, и наоборот. Человек Земли – двуедин, но не только Земли, а и общины, племени, народности.

Батырлар: «Азык таусылмай жол болмайды». Көшпелілер: «Отын таусылмай жол болмайды». «Ер азығы мен бөрі азығы жолда»¹.

Когда уже все продукты кончаются, есть больше нечего, тогда один из батыров говорит: «Азык таусылмай, жол болмайды». Не унывайте, теперь нам будет удача. Жақсы сөз – жарым ырыс².

Рассказ Хамзы о Дауте и Сақане. (Сатимжан рассказывал: встречаются два батыра, между ними – река. Нашли брод – сразились.) Сақан пробил шею Дауту. Забрал одежду его и оружие (бес қару³). Затем история тяжбы. Встреча у хана. Адай Қозы-ата. Шешен. Бөгембай-ата. Би өгіздің үстінде жүрген. Сырым-батырға берген фатихасы. Қоштасарда басына көрсеткен, Сырым тілін шығарған: «Басқа пәле қайдан келеді?» – «Қызыл тілден»⁴.

Сатимжан многое впитал от родителей своих. Этим ли только пока питается? Нет, конечно. Хотя то, что слышал он здесь и описал, – самое у него сильное.

22/XII. Сегодня впервые слышал, как Хамза говорит по-русски. Довольно чисто. Но учрежденческим языком. Рабочие не всегда его понимают. Держитесь чинно, с достоинством. Говорит тихо, не спеша. Немного неловко перед рабочими за меня. «Ну что, пойдём, сынок. Погреемся». Было бы ружье, ухлопал бы сегодня одного русака. Выскочил метрах в пяти, уходил по свежему снегу не спеша. Однажды рабочие нашли его в ящике для инструментов. Облюбовал он себе местечко.

Хамза ночью заболел. Стонал, кряхтел, боли в области пуповины. И сейчас, попили мы чай, к обеду время движется, постанывает. Жания утром стала хлопотать энергичнее обычного. Громко отдавала распоряжения. Я думал: ну вот, теперь скажет – пора нам собираться в Макат. Ничего подобного! Об этом не было сказано ни слова ни Жанией, ни Хамзой. И вообще нет и намека на то, что в ближайшее время двинемся в Макат. Морозы уже сильные, снега, правда, мало. Овцы траву достают, но верблюдам ведь холодно. Жания неумолима. Много и энергично работает. За чаем сказала: «Вернемся в Макат, тут же заболеем. Держимся благодаря воздуху степи». Вряд ли Хамза думает так же, но молчит. Я тоже молчу.

Нужно ли быть тактичным, скромным в Книге о кочевье? Конечно, нужно. Но сие от намерений моих не зависит.

¹ Батыры: «Пока не закончится пища, пути нам не будет». Кочующие: «Пока не закончатся дрова, пути нам не будет». «Пища мужчины и пища волка – в пути».

² Хорошее слово – половина успеха в деле.

³ Пять видов личного оружия.

⁴ Адаевец Козы-ата. Оратор. Бөгембай-ата. Бий (избранный народом судьёй) перемещался верхом на быке. Он благословил Сырым-батыра. При расставании Бөгембай указал пальцем на свою голову, Сырым высунул язык: «В чем причина напастей на чью-либо голову?» – «В языке».

Мне не нужна поза, не нуждаюсь в экстравагантности, никакие сопутствующие «величине» атрибуты мне не нужны. Я, очень просто, как обыденную, черновую работу, буду делать то, что заслужит со временем благодарность людей. Сил в себе чувствую достаточно. Уехал в бега оттого, что почувствовал: дальше убивать время нельзя. Вернусь домой и спокойно, без экзальтации займусь делом. Я не тщеславен. Хотя признание меня, наверно, всегда будет радовать.

Вопрос: хотел бы ты, чтобы прямо сейчас казахи получили независимость? – бессмыслен.

Сейчас и никогда независимость не дарят, за нее борются, ее добиваются. В борьбе за независимость народ вырабатывает способность быть самостоятельным и независимым.

Жания научила бата – благословению, смысл которого – пусть поддержит тебя Кадыр-ата.

Асың, асың, асыңа,
Берекет берсін басыңа.
Қырғауылдай қорғалап,
Бөденедей жорғалап,
Қыдыр-ата келсін жаныңа!

Қыдыр-ата – әділдіктің атасы, ақ пен қараны айырып жүреді¹.

Надо мной всё то же бескрайнее небо куполом. Восхода не вижу, встаем поздно и сразу начинаем заниматься хозяйственными делами. Ежедневно наблюдаю закат. Там, за домиком, ык. Однажды явил себя Шимұрын. Гигантский, причудливо сложенный черный столб, похож на дымный, с огненно-красной ногой. Медленно, так что темень наступила раньше, чем он приблизился, двигался в сторону домика. Будто надутый парус, а внизу, обеими руками держась за перекладину, летит стройная женщина. Ветер развевает платье, тонкое, до пят, свободно облегающее тело.

Ах, если бы вы знали, как хочу я получить квартиру – двух-однокомнатную. Свою! Жить в ней хочу один, наедине со всем хаосом неприкаянных мыслей своих.

Что в Москве? Утвердят или не утвердят, наконец, мою защиту?

Хотя это и здорово повлияло на мое поведение, думаю, что оно и в противном случае вряд ли было бы лучше. И удрать куда-нибудь мечтал бы. И удрал бы. И снова вернулся бы. И так было бы (так будет) не раз. Погибнуть раньше времени не входит в мои планы. Не трогайте меня до сорока лет. Десять лет – срок достаточный. Я сделал очень хорошо, уехав из Алма-Аты именно в тот день!

Н – жулик. Она может взять в руки светлячок и искренне уверять, что это фонарик. При этом говорить она будет звонко, горячо, глаза ее будут сиять, а пульс будет биться мерно, как к тому привык светлячок, ламповой мазаров и могил. Пульс и сердце ее не из этого мира. Я жесток. Но... Я благодарен Н. Без ее надломленного порыва я бы не скоро собрался в дорогу.

¹ Покровитель справедливости, отделяй белое от черного.

23/ХІІ. С утра помог Хамзе прибрать скотный двор. Затем отправился с ружьем охотиться на русака. Следов много, самого нет. Ходил по степи, вершинам, сорама часа три, не встретил. Надышался свежего воздуха. Снег искрит, белый. Рассказал Хамзе о своих планах. Для него неожиданность, что собираюсь так рано уехать. «Подождем письма Сатимжана, – говорит, – эйтпесе кетуіңе рұқсат жоқ»¹. «Жоспарың орындалды ма? Не жазғаныңды мен әлі көрген жоқпын. Мүмкін, салқын болып, жағдай туғыза алмадық па? Негізінде, Мақатта жайластырар едік. Қой сояр едік»². Я, конечно, благодарил и отказывался. Действительно, приняли они меня сердечно, тепло. Шубу отдали мне, войлоком укрывали меня, хотя сами мерзли, а Хамза даже заболел. Вкусно и сытно готовила Жания, всё время топила печь. «Жұмысқа жұмсап тұрдық»³ (Жания). Ну и, слава Шимұрыну, я многое увидел, впервые трепал за шею верблюда, видел, как смешно и беспомощно удирают овцы, стоит только свистнуть (одна из них – черная – похожа на Жанку, убегает на прямых ногах). Нет, что и говорить, здесь было прекрасно. Умиротворение. Жизнь без торопливости. Жания: «Өмір деген арпалыс, тартыс. Жеу үшін (кстати, жеу – у нее звучит очень выразительно) арпалысасың, аязбен тартылысасың, мал бағуың да – арпалыс»⁴. Каждый шаг здесь приходится соизмерять, во вред или на пользу еде, теплу, сну, скоту. И получается, день осмысленных действий полон. Результат – налицо: удача либо неудача.

Когда режут верблюда, говорят: «Сенде жазық жоқ, менде азық жоқ»⁵. «Төрт түлік мал адамға жеу үшін жаратылған ғой»⁶ (Жания).

Хамза спит, Жания прядет пряжу.

Я собираюсь в 16.00, если не придет Алия, сам отправиться в Макат. Продукты кончились, у меня нет больше сигарет. Пора бы прийти письму Сатимжана. А для меня – нет ли хороших вестей из Москвы?

Хамза сказал: «Асығыстау болмасын»⁷.

Асығыстау – это я слышал о себе и от тэте, и от Матена, и теперь вот – от Хамзы.

Суетливость, быстрая смена решения, не всегда оправданная – вот что такое асығыстау, мне присущее.

Было ли асығыстау, когда уезжал из Алма-Аты? Когда возвращаюсь?

Думаю, нет. Главное сделано: разбил колею, по которой невольню и стремительно несся в хлопотливую и безрезультатную жизнь. Пока валяюсь у дороги, но цел, *невредим*. Соберусь и поеду дальше, теперь уже не спеша, регулируя скорость дрезины. Дрезину запускали немцы перед основным составом, проверяя – нет ли заминированных участков. Надо бы пересесть в основной, уйти с передовой. Не высижу в основном, если риск для дрезины велик, перейду, махнув на все, в дрезину. Не надо ничего загадывать на будущее. Планируй то, что уже видимо.

¹ «А иначе разрешения на отъезд не будет».

² «Сделал, что планировал? Я еще не видел написанного тобой. Конечно, было холодно, и мы не смогли создать для тебя условий. Это можно было бы сделать в Макате, овцу бы зарезали».

³ «Заставлять работать по дому».

⁴ «Жизнь – это же борьба. Чтобы поесть – борешься, с морозами борешься, скот пасти – тоже борьба».

⁵ «На тебе нет вина, у меня – пища».

⁶ «Четыре вида скота сотворены человеку в пищу».

⁷ «Пишь бы не вышло все чересчур поспешным».

В моем возрасте человек не может перестроиться до полного отрицания себя прежнего. Уйдя в бега, человек может вернуться либо подавленным, либо сильным. И силой его будет утверждение в себе себя предыдущего. Я возвращаюсь Муратом в улучшенном несколько виде (ремонт, но не капитальный). Хотя и кратковременно, но интенсивно поработал здесь мой желудок. Потреблял в основном мясо, муку, белки, молочные продукты, жиры. Ак¹. Подкрепился неплохо, не растолстеть бы только.

Вчера просмотрел заготовки к статье о «Хане Кене» и «Глиняной книге». Сыро, мало, тяжеловато. Нужно быстрее написать эту статью. Хорошо бы выйти ей в одно примерно время с Книгой. Можно было бы увидеть, как и куда я эволюционировал. Статью нужно сделать звонкую, крепкую, без тяжеловесности. Сесть – и написать. И так, 1) добиться квартиры; 2) добиться выхода книги. После этого можно и в бега, и куда, и что угодно.

Когда у казахов не было спичек, они разжигали огонь шақпак тасом². Видимо, кремний. Два камешка. Один оборачивают ватой. («А где брали вату?») Жания растерялась, брякнула: «Дүкенде шығар»³. Затем спохватилась: по-моему, вата, а вообще, может быть, что-то, похожее на вату, когда высыхает трава балдырган⁴, появляется на ее макушке.) Другим ударяют. Сыпятся искры, вата начинает дымиться и возгорается.

Опять что-то вкусное готовит Жания из ничего. Продукты кончились. Только молоко и сахар.

Здесь нет колхозов, земля непригодна для пашен, нет больших кормов, мало воды. Поэтому степь нетронутая. Но это действительно зона полупустыни в ботаническом саду, хорошо, правда, экспонирована. Даже соры есть. А кругом – столбы и вышки, линия железнодорожная. И даже Шимұрын, мне явившийся, просто дымный столб над огромной трубой (Доссор).

К северу километрах в шестидесяти – военная зона. Время от времени глухие взрывы.

Сходил в Макат за продуктами.

Сегодня первую ночь ночую в домике один.

24/XII. Сегодня мой последний полный день в Макате. Исписал общую тетрадь, а стержня еще не менял, хотя мысли, намерения, настроение – всё менялось не раз. Вместо сорока дней в бегах – двадцать. Думаю, вполне достаточно, учитывая, что десять из них провел в степном домике.

Разобрался ли в себе как в общественном человеке? Это невозможно. Понять свою общественную сущность в бегах – попытка бессмысленная. Это нужно делать в практике и подводить итоги перед смертью. Сейчас – всё еще впереди.

Что же дала мне эта поездка? Пожалуй, и об этом рано еще говорить. Но всё же – дышал чистейшим степным воздухом, никуда не спешил, делал только то, что имеет смысл и видимый, наглядный результат (носил воду, рубил дрова, ходил

¹ Белое.

² Букв. «ударяемые друг о друга камни».

³ «В магазине, наверно».

⁴ Вид степной травы.

в Макат за продуктами, кормил скот, приводил овец и верблюдов издалека, топил печь). Писал все, что придет в голову. Не кривил душой. Услышал множество всякого из уст Жани и Хамзы. Узнал крепкую жизнь крепких людей. Говорил с ними на казахском и на китайском говорил со степью.

Шимұрынның сыйлайтын кісісі бар, ол ешкімнен қорықпайды. Қай тілде сөйлесең де, түсінеді, біліп тұрады¹.

Узнал суеверия местных жителей, полон решимости жить энергично, интенсивно, результативно.

Тепло, готовая пища – большая благодать.

На этой большой Земле все же очень тесно. Поколения предков из века в век прорывали туннель, по которому потомкам двигаться необходимо. Стоит только сойти с этой колеи, как попадаешь в тесное пространство, которое (вежливо или враждебно) терпит тебя как пришельца. Можно стать вечным странником, но кому от этого хорошо?

Нельзя сходить со своей колеи, если хочешь понять себя. Нужно только время от времени приостанавливаться, оглянуться и вперед двигаться, зная, как ты движешься.

Бегство – только в другие жанры (о Жание).

Всякую потерю времени необходимо ощущать как физическую боль.

Шестидневный рабочий день.

У меня много привязанностей, и не нужно их лишаться.

Я сделаю много, оставаясь другом, родственником, коллегой, гражданином, человеком естественным. Единственное – не хочу быть официально-общественным человеком, не хочу быть агитатором, дружинником, лектором, комсомольским работником.

Буду уходить в степь и в горы. Хорошо бы на машине. Уезжать на неделю в аул – видимо, это уже потребность. Мне предстоит главная поездка – в Семипалатинскую область. Как только будет утверждена защита, соберусь. Возьму у Булата письма и поеду, прочитав еще раз «Абай» и Абая. Мне не нравится то, что западные казахи и Аскар тоже так легко готовы расстаться с Абаем, мы-де больше не скорбим, мы – героическое. Чепуха! Абай и в скорби своей много их выше, он силен тем уже, что смело видел окружение. А эти? Нужно в одной из бесед преподнести урок. Сделать это со знанием Абая, он – самая большая подмога.

Отец создал «Энциклопедию казахского общества и казахской жизни конца XIX в.».

Я совершу нечто менее понятное, но нужное, если уловлю сущность кочевья и расскажу на хорошем эссеистском уровне. Буду работать по принципу: «Жаның, құрғыр, тәттісі-ай!»²

¹ Шимұрын уважает кое-кого из людей. Он никого не боится. На каком бы языке ты ни говорил, он все понимает.

² Букв. «Душа, негодница, сладка!».

Сложнейшее интонационное сочетание из речей Жанин. Обожгла палец и сказала это. И ругает палец, и боязно делать это чрезмерно: всё же свой палец, и в нем душа!

Или я, увидев надвигавшуюся на меня огромную верблюдицу Айнакөз, прикрикнул и смягчил: «Тэйт!¹ (резко) Айналайын!² (ласково)».

Так иногда я разрушал обыденность в сознании дочери своей. Чтобы не было линейности. Застывших конструкций.

Жания впервые за всё время прилегла после обеда. Задремала. Тут же пришел бота. Ей пришлось встать.

Всё на спад. Беседуем не так оживленно, как раньше.

Рассказы стариков доходят до меня приглушенно. Живу Алма-Атой. Завтра еду в Макат, 26-го в четыре утра поездом в Гурьев. Оттуда самолетом – куда? В Шевченко? Да, пройду по улицам этого распроклятого города колонистов, зеков, вольнонаемных и солдатни.

Впереди последняя ночь в домике. Старики ушли ночевать на объект.

Хамза рассказал о старухе Қара-Кемпір. Мудра была в решении тяжб, но бедна. Слава ее шагнула далеко. Однажды тридцать биев решили посмотреть, что же это за Қара-Кемпір. Знали о ее бедности. «Чем же она угостит нас?» Муж ее, батыр Дербиз, ушел в набег на редком тулпаре. Дома остался брат этого тулпара, великолепный скакун. Старуха кормила его тары³, отваренным в молоке. Гости, разместившиеся неподалеку от ее юрты в четыре решетки, увидели, как люди отвязали тулпара и повели по лугам. Поняли, что старуха собирается зарезать для них тулпара. Не по себе им стало. Послали человека: мы уходим дальше, нет времени есть, не нужно ничего готовить. Старуха ответила: нехорошо, проходя мимо дома батыра Дербиза, не отведать мяса. Тулпара свалили, связав ноги. Вновь прибежал посыльный от гостей: не нужно резать.

Старуха:

Батыр үйге оралса, тұлпар табылар,

Батыр қайтпаса, тұлпар тұл⁴.

И зарезала тулпара, приготовила угощение.

Пристыженные бии, вернувшись по домам, прислали ей два косяка жеребых кобылиц.

Вторая история Хамзы.

Ажибай-батыр и Жоламан-батыр из рода Қара-кемпір были друзьями. Вместе кочевали. Потом по какой-то причине Ажибай отошел, отправился сам искать стойбища для своих аулов. Жоламан решил его проучить. Ажибай, когда находил хорошее место, оставлял там большую вязанку травы. Люди Жоламана тайком шли следом и под каждым пучком прятали во множестве яйца қасқалдақ⁵. Когда начали селиться, завязалась тяжба. Ажибай возмутился и говорил: «Я оставил метку». «И я оставил», – говорил Жоламан. Бии выслушали и решили. Если под травой есть яйца, стойбища займут аулы Жоламана. Так и случилось.

¹ «Прочь!»

² «Дорогая!»

³ Просом.

⁴ Вернется батыр домой – тулпары найдутся, не вернется – тулпар одинок. Тұл – букв. вдовец.

⁵ Лысухи (водоплавающая птица).

Рассказал еще одну историю Хамза об одном смелом и энергичном ораторе из рода Қара-кемпір.

Вел себя дерзко среди богатых биев соседнего рода, которые собрались в юрте Мақаша (?), родственника этого оратора. Но о родстве, вернее, в лицо оратора ни Мақаш, ни гости не знали. «Мынау қой терісін киген кім, таныстырсаңшы, Мақаш-жан?»¹ Мақаш ответил приблизительно. Тут же гость сказал: «Мақаш-жан, енді мынау ит терісін кигендермен таныстырмайсың ба?»² (шапки были из собачьего меха). Затем спросил еще: «Жұмақтың есігін кім алдымен ашты: қой ма, ит пе?»³ Оказался знатоком шариата, всех в споре победил.

Мне эта история живо напомнила Гульжан из рода Беріш, ее прочность, прямоту и смелость.

26/XII. Вчера слушал перед сном радио. В Польше волнения. Правительство Гомулки (или только он сам) подало в отставку.

Суд в Ленинграде. Музыка, пение израильских детей. Песни мужественные, коллективные, с разгульно-ободряющим придыханием. Типа «Урвахим». Во сне увидел: умер Мурат Баймаханов. Жить будет долго. Во время прощального чая с мясом старики маған батасын берді⁴. Желали осуществления моих планов. Я пожелал им здоровья, сказав, что все остальное богатство у них есть. И еще сказал, что постараюсь оправдать их адал дастархан⁵, буду жить, не кривя душой. Попрощался с домиком. Сижу в теплушке объекта, жду машину. Женщины-рабочие обедают. Странно, не шумные. Однажды ехал с ними в кузове до Макаата. Не сказали между собой ни слова. Шутят без соли и задора. Солидность в них какая-то, степенность. Рабочие – разные, но все – без разбойного озорства. Придавленные. Снова остались с Хамзой одни, а он говорил со мной по-русски, хотя и было ему это нелегко. Прочитал фатиху⁶, батасын берді, и на этом все кончено.

Были неплохие мысли. Собрался ехать, порастерял. Оставляю домик с сожалением.

25/XII. Вечер в Макаате. Вместе с Төрәлі посидели в ресторанчике. Дома много рассказывал девочкам и Төрәлі. С интересом слушали. Раиса – мечтает о дальних странах. О них я и рассказывал. Ночью поездом выехал в Гурьев. Утром успел на шевченковский рейс.

26/XII. Гульжан дома не застал. Чемодан оставил у Гено (в ванной у него сапожная мастерская), устроился в гостинице. Сходил на пирс. В ванной искупался, переоделся, отправил телеграмму Л. Е., застал Гульжан дома. Выпили в компании с Васей и Леней (муж Гульжан), сходили к Жоре. Утром взял билет в Караганду, перебрался к Гульжан. Долго выслушивал Васю. Сходили с ним на «Сестру Кэрри». В газете прочел о трагической гибели Айманова. Ночью читал братьев Стругацких.

¹ «Кто этот в бараньей шкуре? Познакомь, дорогой Мақаш».

² А теперь не познакомишь ли, дорогой Мақаш, с этими, в собачьих шкурах?»

³ «А кто первым открыл ворота рая – овца или пес?»

⁴ Благословили меня.

⁵ Чистый дастархан.

⁶ Сура из Корана.

28/XII. Встал в 12 часов. Ходил по городу, обеспечение продуктами – отменное. Снова был на пирсе. Свинцовые волны. Белые гребни. Стая нырков на воде. Шел по кромке обрыва над морем. Дома все стали серые (ветер с моря). Вдруг нагнал меня и покатился впереди пучок сухой травы, похожий на краба, древней, местной травы.

29/XII. Лечу в Караганду. Провожали Гульжан и Вася. Маршрут Минводы – Шевченко – Нукус – Кзыл-Орда – Караганда.

ДЕЛИ

1972 год, октябрь-ноябрь

25-26/IX. 23.00, Нью-Дели, гостиница «Rajdoot». Священные буйволы (не только свободно пасутся в центре города, но и бывают запряжены в телеги. На одну из телег взгромоздился разбитый автомобиль). Левостороннее движение. Сухая жара, хорошо прогревает. Роскошные угоды торгпредства. Вкусная еда. Пляшущая по кругу под частый ритм маленького барабана обезьянка. Хорошо дрессирована, трогательна. Необычайно выразительные, чуткие руки. Торговец ножами на велосипеде. Чистые, опрятные улицы. Очевидная бедность. Зримая, тяжелая нужда.

Огромное число рабочих на выставке. Всё вручную. Женщины с детьми. Кайло, простейшие инструменты. Благоустройство советского павильона, никаких указаний, каждый занят своим делом, разделом. Мы приступаем завтра. Множество подручных из числа индусов. Получают мизерную плату. Мы ежедневно – 56 рупий. Они – от двух до восьми. В день на питание у нас уходит семь рупий, гостиницу оплачивает выставка (по 70 рупий за сутки).

В сумерках (небо было облачным, предгрозовым, хотя дождь так и не пошел) увидел женщину с маленьким ребенком. Крохотный смуглый малыш лежал на грязной дерюге прямо на земле. Кругом суета и пыль возводящейся выставки. Женщина худа настолько, что буквально осязаешь, как на исхоженную землю она садится затверделыми костями. Устало встала, пошла, пошатываясь, держа в руке корзину, в которой все они там переносят землю. Черненький малыш заелозил на дерюге, неслышно заплакал. Сгустились сумерки, малыш припал головой к земле, стал бугорком, комочком тяжелой беспросветной нужды.

Словам «социальная несправедливость», «нищета», «классовые антагонизмы» современная Индия возвращает первоначальный, болезненно-актуальный смысл. Почему господин Мачве Суруп Пушп и Дургавати ничего об этом не говорили в дискуссии? Можно ли быть такими вели- и гладкоречивыми выразителями абстрактнейшего гуманизма, когда вокруг такая нищета? Ведь это не просто уход от проблем. В условиях сегодняшней Индии это активно-регрессивная позиция. Могут ли такие люди участвовать в Движении солидарности писателей, борющихся за социальную справедливость народов?!

В моем алфавите 29 букв. На каждую по две страницы. В Индии мы будем приблизительно 60 дней. Постараюсь заполнить азбуку знакомства с этой страной.

27/Х. В предутренних сумерках выезжаем в торгпредство завтракать. На улицах полно бездомных. Кое-где мерцают огни маленьких костров. К ним протянуты руки, дрожащие от ночного холода, от постоянного недоедания. Смуглые, худые, тонкие руки. На головы накинута куски грубой материи. Много запряженных буйволов. Колеса телег – резиновые шины. Множество велосипедистов. Мототакси. Красные гроздья ниспадающих ветвей высоких деревьев. Бирюзовой синевы неизвестные плоды (величиной со сливу) на фоне густой светло-зеленой листвы. Коршуны и кобчики. Работы – непочтатый край. Едва-едва прорисовывается выставка в груде строительных лесов, битого кирпича, в клубах пыли, в невиданном скоплении людей. Десятилетний мальчик с тяжелым кайлом в руках. Жив вчерашний малыш. Слабо возится на своей дерюге. Мать – отчаянно уставшая женщина. Передвигается с трудом, скорбное лицо-маска. На ногах дутые, под серебро, обручи.

Рабочие получают от двух до восьми рупий. За полбуханки хлеба и 100 гр. сливочного масла с меня взяли в «Rajdoot» 4,5 рупии. 0,5 рупии я отдал на чай официанту. Он принял с «thank you», но как должное. Очаровательный четырнадцатилетний сигх¹. Он никогда не будет стричь волос на голове и брить бороду. Чист, опрятен, хорошо говорит на английском. Разговорчивый полисмен из security police. Двое других полицейских с красными перьями на головных уборах – непальцы, удивительно похожи на казахов, явные монголоидные черты лица. Рядом с нами готовится павильон ГДР. Выставка еще не закипела. Живем, как в казарме. Трудимся от зари до зари. Не очень производительно, хотя есть парни, «нашедшие себя», которые трудятся очень толково и с пользой – плотники, трое в желтых шортах – монтажники. Коллектива, пожалуй, еще нет.

Посольству (или торгпредству) следовало бы провести беседу о современном положении в Индии (хотя бы для стендистов. Впрочем, надо бы и для остальных). Нельзя на нас смотреть как на людей, приехавших только подработать. Мы хотим увидеть, узнать страну. Это оскорбительно – предполагать в нас безразличие к этой стране, предполагать в нас способность удовлетвориться видом Индии из окон гостиницы и автобуса.

Среднеазиатские республики работают хорошо, лучше нас. Карпенко – в варягах. В нас с Нариманом достаточно казакбайства. Надо взяться основательней за черновую работу. Регламент дня предельно прост: вечером – легкий чай, затем – немного чтения, занятие английским языком. Сон. Встречи – впереди. А может, и так хорошо? Из скучных, изнурительных будней увидеть эту страну без прикрас, трогательных восторгов. Увидеть только одну сторону. Это было бы обидно и несправедливо. Необходима хотя бы одна беседа с индийским интеллигентом: Свобода. Голод. Перспективы. 1) о кастах, религиях; 2) что принесла независимость личности рядового индуса; 3) думают ли решать свои социальные проблемы, каким путем.

28/Х. Прибыли (и еще будут приезжать) 28/Х сотрудники, в основном переводчики. Им (как и мне – стендисту-гуманитарии) начальство не очень-то радо. Нужны техники, слесари, плотники, электрики и т. п. Все работают много и сознательно. Иначе, наверное, и не может быть. Одно плохо – не видно пытливого интереса к стране, к людям, к иной жизни. Предпочитают стереотипы углублению. Индусы работают и ночами. Приезжают издалека, домой не возвращаются, ночуют здесь же. Но по тому, как привычно и просто устраиваются они прямо на земле (и не только

¹ Один из вариантов написания слова *sigkh*.

в районе выставки, но и по всему городу), нетрудно понять, что постель в доме «под крышей» вряд ли привычнее им, чем это простейшее ложе. Трудолюбие их заслужило похвальных реплик со стороны советских специалистов. Жалостливые, чисто русские вздохи. Сегодня играл в шахматы с индусом и победил его. Смотрел телевизор. Надо смотреть еще и еще, стараюсь читать газеты.

Совершили с Н. небольшую (не более ста метров) вылазку в город и поспешно вернулись в гостиницу. Там – нельзя быть или не быть долго. Заманчивый красочный картонный мирок с соблазнительными, неподдельными запахами. Спешащие куда-то решительного вида парни, на ходу заправившиеся чем-то бодрящим (заложили в плотные зеленые листы), пестрая-пестрая вся в цветочных, блестящих пятнах лавка. Глубины лавки. Маленькая нечистая парикмахерская. За углом – трущобы трущоб. Жутковатые фигуры прохожих в белых (будто саванах) одеждах. Руки прохладные, некрепкие пожатия кистей. Вечера теплые, воздух сухой. Небо целый день в облаках, но дождя нет. Нет палящей жары.

Самая популярная кухня в Дели – могольская: палау, уougurt, кебаб.

Вообще, город очень хорошо помнит имена Бабуридов. Это во всем – в названиях гостиниц и улиц, ресторанов, во всех проспектах, в рассказах случайных собеседников. Город близок к нашей Средней Азии. Изредка на выставке появляются индийцы, неплохо говорящие на русском. Жду собеседника.

29/X. Хищные птицы на территории посольства – торгпредства – словно переродившиеся индусы, удивительно миролюбивы. Если и хищны, то не добычливы. Летают без надежды, лениво. Голуби и прочие мелкие пернатые их нисколько не боятся. Непривычно: лето, зелень, не опавшая с деревьев листва – и вороны, каркающие.

Мы не живем в Дели, а скользим по нему окраинами. Это не только в маршруте нашего автобуса, но и в глубине приобщения. Раз заданный маршрут, устоявшийся режим дня, который, кстати, мы сегодня весьма эффективно взорвали (по существу, а не по регламенту) благодаря Саше Шаповалову¹. У меня умиротворение, у Толи – недоумение, у Эдика – тревога, беспокойство в связи с визитом совсем не простого Александра Ивановича Калинина.

Эта земля древняя, теплая, воздух здесь пропитан ароматами многих, мне хорошо известных цивилизаций, больше того, здесь рельефней видишь и будущее – тревоги сиюминутные мне не то чтобы непонятны, они меня не колышут, жизнь звучнее скрипа забот. Там, где есть подозрительность, нет искренности, чистоты. Особенно скверна подозрительность взаимная. Чище и красивее – публичные пощечины, чем упрятанные догадки друг о друге.

Нет миров безмерных и нет совершенных людей, потому что каждый из удачных людей – носитель хотя и целого мира, но заведомо несовершенного, мерного (измеряемого в единицах условностей).

За весь день один-единственный хороший образ явился мне, я улыбнулся ему в утреннем автобусе. Не пришел в восторг оттого, что тогда уже знал, что забуду, расстанусь с ним, прежде чем сумею оформить в запись.

30/X. Меня застал врасплох вопрос Эдика: «Что бы ты стал делать, если бы дали тебе возможность делать всё для индейцев? Если бы стал во главе правительства Индии, как бы избавил ее от нищеты?»

¹ Сокурсник автора по Институту восточных языков при МГУ, индолог.

Первопроклятие? – Вавилонское столпотворение, каин – Абель, антимирры (кочевье – оседлость). Или равновесие – как условие жизни, условие бытия. Принцип парности, не той, что творится историками. Дуализм заложен в самом представлении о материи и сознании. «Материя первична» – проставление акцентов. Когда, у кого, при каких обстоятельствах возникает потребность проставлять акценты? У элитарной индийской общественности – неистребимая созерцательность. И нет способности акцентировать, нет созидательной (или разрушительной) воли. И не только у элитарной. Возмущение общественным безобразием – необходимая ступень для последующей преобразующей деятельности. У индийцев незаметно коллективного возмущения. Восприятие мира как ситуации «слава богу, не хуже».

Есть, безусловно, и у этих тружеников выставки свои радости, которые примирят их с этой жизнью. Невидимые нашему глазу. Маленькие пиры чревоугодия. Праздник пищи для индийцев – праздник, а не отправление естественных, будничных нужд. Еда сама собой не разумеется, ее может и не быть, но когда она есть – это радость, остается только украсить ее ритуальным сопровождением, и короткое мгновение lunch среди контейнеров становится событием, которое примирят с этим миром.

Ришна Чандр, маляр со скверным английским языком и хорошими глазами, сказал мне, что я – его лучший друг из всех, кто работает на выставке. Пообещал сделать мне подарок 5 ноября (Greet Celebration of Indian people – Великий праздник народа Индии).

Предприятия Казахстана хорошо упаковывают свои экспонаты. Надежно, с уважением к далекой выставке. Здесь это выглядит трогательно и наивно. Большой ящик с дорогой керамикой весь полон осколков, обломков – ни одного целого предмета. Впрочем, все изготовлено аляповато, с дурной стилизацией. Сама судьба позаботилась о чистоте экспозиций. Жалею, что не захватил кюев и казахских пластинок. Впредь нужно заботиться (это относится к ВДНХ), чтобы побольше высылали не чушки, прокат и химикаты, а духовной, практичной, доступной, красивой и убеждающей продукции. Очень мало фотографий, отличных нет среди них совсем. Нет ни фотодокумента, ни фотоискусства. Нет фотографий писателей. И вообще в экспозиции ни слова о литературе, изобразительном искусстве, кино и театре. Кто отбирал материалы?

31/X. Сегодня было много тяжелой физической работы. Изумительно хороша экспозиция таджиков. Пожилой седой мастер (скорее всего, татарин, хорошо понимает казахский) в Душанбе работает в журнале «N» (сатирический журнал) художником. Тщательно, с любовью отобрал ценные, очень красивые образцы прикладного искусства, с большим вкусом они разложены и декоративно оформлены. Море национально-своеобразного и долговечно ценного. Праздник красок. Он так и говорит о цветах: «Они у меня заиграют». У нас – ни круглого столика, ни пиал, ни седла, ни кнута, ни изделий из кожи, не говоря уже о качественной продукции развитой индустрии. Сплошная рекламация себя как «сырьевого придатка», ряды, толпища безликой мануфактуры. Литература и искусство отсутствуют полностью. Карпенко – плохой оформитель. Лучше продолжал бы ездить по археологическим экспедициям. Особая форма лениности – целый день, с утра до вечера, что-то делает, скребет, чистит, носит, вскрывает, но ни искорки озарения. Тусклый. Но где же был Ойрат? Ни плана экспозиции, ни содержания.

Вчера увидел уличную сценку и пожалел, что нет фотоаппарата. Подросток лет семнадцати вез на велосипеде двух старых людей: отца, видимо, на раме и мать – на багажнике. Отец сидел весь вытянувшись, сухой и легкий, встречный ветерок обтекал его торжественное и чуть встревоженное лицо. Мать на багажнике восседала – леди в седле скакуна. Характерным жестом индийских женщин то и дело закрывала тоже очень морщинистое, но гораздо менее торжественное и менее обеспокоенное лицо. Выражение лица сына разглядеть не сумел. Все это живо напомнило китайские притчи о хорошем сыне.

Нариман, видимо, не ощущает себя национальным человеком. Нет в нем широты. Не по-казахски дотошен и бумаголюбив. Это не большая беда. Но когда он поступками своими обижает узбеков – это уже нехорошо. Как национальный человек, он должен был бы знать, что отношения между узбеками и казахами издавна сложны. И когда встречаются индивиды, они должны быть предельно внимательны, предупредительны, вежливы друг к другу, чтобы не углублять губительную щель. Это хорошо понимают таджики, узбеки и Кадыр из Киргизии. Аруф-ака из Ташкента тоже, конечно, не конфетка. Обидчив, самолюбив и мнителен. Но в нем всё это пропитано национальными ароматами. Его можно понять и простить. Безнациональный человек – это просто плохой человек, и судить такого надо по высшей мере кодекса Homo sapiens.

Киргизские женщины, особенно молодая, – тоже страдают другим и не менее неприятным комплексом. Ведут себя с индийцами так, как вели себя русские колонизаторы с их родителями. Ведут себя так, будто они представители большой и сильной нации, которая может позволить себе позорную спесь и позорное чванство в репликах, в манере обращения с «чучмеками». Может быть, подобные метаморфозы – самое уродливое и самое подсудное дитя колониализма. «Халифна-час» – хороший амбулаторий для проверки духовного здоровья народа и его представителей.

Образ жизни специалистов, работающих на выставке, практичен. Созданы условия для работы, отдыха. Отдых как средство восстановления сил для последующей работы. Угнетает то, что даже самые незаурядные люди ведут себя «как все». В таких условиях невозможно полюбить женщину. Она такой же подчинившийся дисциплине человек. Как и все. Она лишена свободы выбора не только в поведении. Женщины выставки привыкают к общей пище, вместе со всеми бегут в столовую. Теряют очарование женственности, им отказано в праве быть слабыми и потому – сильными («сила наша – в слабости, а слабость наша – безмерна»). В советском павильоне 3-й Азиатской международной выставки-ярмарки нет женщин. Впрочем, и мужчин тоже. За редким исключением.

I/XI. Павильон Казахстана до сих пор не оформлен, а выставка открывается послезавтра. Остался один день. Нариман поразительно хладнокровен. По-прежнему считает и пересчитывает вещи. «Я думаю больше об отправке». Может быть, и прав, но будет очень обидно, если визитеры, как это было сегодня после пресс-конференции, будут скользить мимо наших «достижений» к уголку Таджикистана (Хасан). Не следовало везти ковров. У соседей они много лучше. Со стыда мы использовали дорогостоящие ковры как настил в витринах. Как бы заиграли сырмаки (из того же «Казахстана»), текеметы, серебряные и кожаные предметы. В нашей экспозиции нет устоявшегося чувства достоинства, знания цены себе,

уважения к себе (чем отличился белоголовый таджик Хасан). Нет станков, нет выражения в жизни существующей экономической мощи республики. Все убого, жалко. Нариман говорит: это не выставка, а ярмарка. Но с убогим владельцем любых товаров кто же захочет вести дела? За нашими товарами не стоит хозяин, нет спокойной уверенности в себе и в своей продукции.

Спекулятивные таблички «Казахстан из края почти полной безграмотности за годы Советской власти стал краем полной грамотности» не внушают доверия к товару. Эту табличку нужно снять. Меня она унижает. Я не могу, стоя под ней, говорить с гордостью о своем народе. К тому же – это метафора, а не факт. Даже в самых что ни на есть юбилейных случаях уже говорят о 2 % грамотности среди казахов до революции. А это очень важно. Во-первых, потому что не очень разнится от показателя грамотности по всей России. Во-вторых, 2 % говорят о том, что и до революции у нас была образованная и просвещенная часть народа. И это было с давнейших пор. Как я могу говорить под этой табличкой об аль-Фараби, Чокане, Абае, Ибрае и многих других? Могут возразить: выставка о достижениях Казахстана за годы Советской власти. Верно. Именно в годы (особенно последние) Советской власти в Казахстане мы вернули себе свою историю, подключили прошлую культуру к современному общекультурному процессу.

И еще: не с большей ли пользой для социализма будет говорить то обстоятельство, что его приняли народы развитые, а не дикие, народы, знающие меру ценностям, испытавшие в прошлом периоды не только глубокого упадка, но и расцвета, взлета духовной жизни, литературы и искусства. Именно таким народом являются казахи. Не побрякушками соблазнились мы. Мы не были принуждены к социализму, потому что всегда были народом, который умел за свободу сражаться до конца. Мы его приняли, в него поверив. И вера наша высокой пробы. Мы испытали и тенгрианство, и буддизм, и зороастризм, и манихейство, и христианство, и ислам. Сюжет «Калилы и Димны» знаком нам со времен более отдаленных, чем связь с западным миром. «Шахнамэ» расходилась в рукописном виде и находила не только слушателей, но и читателей. Лучшие сыны казахов в XIX веке оказались на уровне самых образованных людей России (Чокан и Достоевский) оттого, что были подключены к резервуару высокой и сильной духовной культуры своего народа.

Табличку надо снять. Но как оформить национальный уголок в зале «Советский Казахстан»?

2/XI. Не вел я в этот день записей, потому что остался на дежурство в павильоне. Самое большое впечатление дня (точнее, ночи) – разговор с Мишей Исаевым. Родом из Тулы. Закончил МЭИ. Работал в разных городах и системах как инженер-энергетик большой квалификации. Объездил всю страну. Человек с пытливым интересом к землям, на которых бывает. В загранкомандировке четвертый раз. Владеет английским, помог всем нашим электрикам, киношникам, монтажникам самой разной техники. Руки золотые. Разносторонний спортсмен. Любитель кока-колы. Но главное, хороший знаток литературы (во всяком случае, имеет сложившееся понимание прочитанного), философию изучал не для экзаменов. Безусловно, патриот («Советское – значит высшего качества»). Предельно собран и тактичен, приятная, настойчиво-тактичная манера говорить. Сторонник одновариантных, правильных ударений. При всей ребристости своей фактуры –

достаточно элегантен в парадном костюме. Любит монологи, возможно, не всегда. Глаза живые, многовидящие. Реакция на реплики не заторможена.

Ночью я пустил ночевать в павильон бездомного индуса (маляр, друг Ришны Чандра), несмотря на строгий запрет. В национальном уголке, на коврах (которые мне сейчас кажутся самым приятным экспонатом павильона), спали двое наших друзей – полицейских. Я верю, что их благодарность к коврам ощутят визитеры.

Индуисты перерождаются в ленивых и неудачливых хищных птиц, а мусульмане Индии – в драчливых, многочисленных, рвущих друг на друга шкуру собак. Их полно даже на ярко освещенной территории выставки. Стаями дерутся. Никогда такого не видел. Два пса равной величины: один стоит передними лапами на другом и поет победную песню, другой лежит и слушает, не шевелясь. Встает и отряхивается только тогда, когда первый пес отходит от него.

3/XI. И в этот день записей не вел. Устал настолько, что, едва добравшись до постели, тут же заснул.

День прошел в павильоне в потоке посетителей. Это были совсем другие индийцы, не те, что помогали нам строить павильон. Прекрасно одетые, хорошо сложенные, со своими хиппи, леди и джентльменами. Сигх с удивительными глазами. Красивые девушки в модернизированном сари. Старик с восторженными глазами и настойчивым вопросом: «Где лунный камень?» Старые и молодые. Чистые, опрятные, множество записей в журнале. Открыла выставку Индира Ганди. Китайцы из Сингапура. Самые развязные посетители – ламы, обстриженные налысо. Самые сдержанные и дисциплинированные – американцы, трое хиппи с длинными волосами, котомками, в свободном холщовом рубище. О хиппи в Индии Девендр сказал, что расстреливал бы их собственными руками. Они несут наркотики, разлагают молодежь. Входят в страну, имея не более ста долларов. Скитаются по несколько месяцев.

4/XI. Завтра – праздник огней. Сегодня – сон. Насыщенный практикум в английском. Есть люди, которым противопоказано быть на работах, на которых все должны быть как все. Женщины от этого становятся много хуже. И много лучше становятся, если и в этих условиях умеют остаться самими собой. Встретил людей, которые хотели бы о многом поговорить и верят, что язык – не барьер.

5/XI. Много-много говорил на английском. Сегодня Дивали – праздник, посвященный возвращению Рамы и Ситы из изгнания. День восхождения Рамы на трон. После работы – ночной Дели. Приглушенный, хриловатый, ласковый голос спутницы. Хорошо владеет хинди. Много знает. Храм сигхов. Моголы обезглавили гуру. На этом месте построен храм. Сын гуру создал военизированную организацию. Клятва: не стричь волос, пока на земле есть хотя бы один мусульманин. Рослый сигх с кинжалом за поясом протянул платок, чтобы укрыть голову. Оставили за порогом обувь и сигареты. Храм Шивы (Кришны) (Храм Лакшми-Нараяны – *Ред.*). Множество его воплощений. Шиваизм, кришнаизм и, кажется, джайнизм – верят в одно из трех основных воплощений Шивы. Кришна в позе лотоса. Свастика. Мраморные ступени, мраморные слоны. Фонтаны из голов кобр. Большой роскошный храм, несколько аляповатый. Позолота сотрется, станет лучше. Построен в 1937 году известным мецена-

том-миллионером. Молодая красивая девушка замерла в общении с Шивой. Многолюдный храм богини Кали. Возвышение, в середине главный жрец храма бросает в огонь кусочки сандалового дерева, священнодействует. Приятный аромат воскурений. Вокруг жреца (как вокруг бақсы) плотно сидят женщины и ждут безо всякой нетерпеливости. За ними кругами стоят мужчины. Внизу, во дворе, готовят обильную пищу в больших казанах. Под навесами стулья, столы и много людей. Ожидают.

Улица Чайничок («Серебряная площадка»). Торговые лавки без витрин, стоят плотно, товары выбегают на улицу. Торговцы удобно расположились на своих товарах. Много велорикш, предельно напряженные и изможденные лица. Фигурки богов и божков. Всё цветисто и ярко. «В Дели много, очень много людей» (таксист). Ласковый, хрипловатый юный голос. В «Rajdoot» многие долго не засыпали в этот день. Районы резкого запаха. Весь город в тумане (или пыль, или смог). Red fort – дворец президента. Нет общей красоты города, интервалы.

Днем говорили о боге со старым человеком и с одним молодым. Они исходят не столько из того, что бог, безусловно, есть, а из того, что бог, безусловно, нужен человеку для того, чтобы быть человеком. Нужно иметь бога.

Весь город в огнях, огненные змеи летят, извиваясь, вонзаются в воздух, гаснут, взрываясь. Высоко в темно-синем небе (звезд не видно) множество китайских фонариков на воздушных змеях. Фейерверки огня, частые оглушительные взрывы. Народ не собирается на площадях, домашний праздник. Собираются в некоторых храмах (храм богини Кали). Богиня эта очень недобрая. Сожгла гневным взглядом голову своему провинившемуся сыну. Ему сделали новую голову, слоновью. Отсюда этот трогательный божок с головой слона. Ганеш. Мягкие ступени, покрытые гостиничным ковром, неслышное восхождение, затаенное желание, ничем себя кроме прикосновения не проявившее. Сдвоенные кресла.

Бесперывный поток самых разных людей. Визитеры предпочитают хинди английскому. Зал Казахстана растворился в павильоне. Впечатление о нем у индийцев складывается по впечатлению о павильоне в целом. А в целом он очень неплох. Нет коротких и выразительных фильмов о Казахстане на английском языке, как есть это у киргизов, таджиков. (Есть, в кинозале, надо учесть это для конференции, так же как и карту «Узбекистан, Казахстан, Киргизия, Туркмения, Таджикистан 1971–1975» на английском языке.)

6/XI. Отзывы в журналах изменились: «Я рад, что русские так хорошо говорят на хинди». Вчера был в двух других павильонах: ГДР – скучно, напыщенные машины; «Security for Prosperity» (современное военное оружие Индии) – не-серьезно, слабенькое оружие. Много благодарности в устах индийских гидов советским спецам (в рамках оружия, самолетостроения). Днем человек эмпиричен. Невиданный, бесперывный поток людей с черными блестящими глазами. Женщины, дети, старики. Выстроились длинные очереди у входа в павильон. Давка, летят стекла. Раскрутили «oil rocks»¹. Может упасть на чьи-либо ноги.

«Много» – единственное точное слово здесь. Понимаю водителя такси. Много людей, много солнца, много пыли, много глаз и ушей. Что видят они и слышат. Ортодоксы и оппозиционеры однотипны. Много оригинальных (до однообразия) людей. Здесь не может быть яркой, выдающейся личности. Ценности открыты. Как

¹ «Нефтяные камни».

узнать подлинно интересных людей? По глазам. По взгляду. До невозможности растворены в большой толпе. Во всем. По каким законам живет индийская толпа? Закон однообразия. Жесты, манера слушать и говорить, вопросы – все однотипно.

7/XI. Я снял-таки эту табличку о illiteracy¹. Пришел в павильон и сорвал ее, спрятал за стенку. «Она унижает мое национальное достоинство», – сказал я Нариману. Он, естественно, возразил, но тоном человека, обязанного возразить. В следующий раз посоветовал мне согласовывать с ним мои решения. Молодец, не паникует и, чувствуя, внутренне одобряет. Вчера он проявил себя мужчиной с чувством достоинства и уважения к себе, отказавшись идти на «чай» к торгпреду. На то были основания поважнее желания «увидеть ночной Дели в праздник Дивали». Завтра – национальный день Советского павильона, и не будет на стене унизительной надписи.

В Дели тесно. Осенний пейзаж наших предгорий вспоминаю вечерами. Простор у нас. Здесь – удручающая теснота, скопление людей. В индусах много от сигхов. Видел ожесточенные лица. В ночи раздался крик боли. Двое выламывали руки третьему. Полицейские днем избивали взятого в машину. Надо обойти павильоны.

Сегодня 7 ноября. Администрация ничуть не позаботилась о том, чтобы этот праздник не был для нас будничным днем. Утром, как обычно, сели в автобус, поехали завтракать, буднично вошли в павильон и разошлись по своим местам. У индийцев сегодня очередной праздник «ti-ka». Это не праздник, просто в этот день старшие сестры ставят красные пятнышки на лоб братишек.

8/XI. Накануне вечером втроем (Н., К.) отметили праздник. Был крутой, как прыжок с обрыва в воду, разговор. Аналогии: выставка – government². Для меня эта беседа имела ритуальное значение. День начал с таблички, закончил ответом на вопрос: «Негізгі мақсат не?»³

С утра подготовили павильон к приему на пятьсот человек. Пришли гости – индийцы и представители всех павильонов. На мою долю выпал малаец Лим. 24 года, директор павильона. Штат – три человека. Удивительно похож на казаха. Сказал ему об этом. Он воспринял это отнюдь не как комплимент. То же почувствовал бы, наверное, Бекеш, если бы ему сказали, что он поразительно похож на малазийца. Те, кто строил, оборудовал и содержит павильон со всеми его несть числа машинами, приборами, TV и радиосетью, – все они жались по сторонам залов. До республик никому из иностранцев нет дела. Декоративные заставки, не более.

Девендр, индус, хорошо говорящий на русском, подарил две книги (перевод с санскрита). Я ему – домбру (сувенир), с упоминанием о кочевой цивилизации. Павильон Японии разочаровывает. Опясан стремительной детской железной дорогой.

Большим успехом пользуются у индийцев наши белокурые переводчицы. Во всех павильонах работают красивые индианки. В нашем – Кум-кум, 26 лет, профессия – машинистка (английский язык).

¹ Неграмотность.

² Правительство.

³ «В чем главная цель?»

Видел, как реагируют индианки на ритмичную музыку. Слушают, хлопывая ладонями в такт. Как Дургавати. Вообще, чувство сопереживания у них чрезвычайно развито.

Приехала в Дели Мира¹, но нет от нее вестей.

Выступили молдаване, постаревшая Тамара Чабан. Прекрасные танцоры. А после был фейерверк, всевозможные огни, летящие в небо, крутящиеся каскады огней, взрывы, дым, ожерелья огоньков, медленно опускающихся на землю на парашютиках, – в честь национального дня СССР.

Грязненький слоник взял из рук Ани банан и с аппетитом съел. И город не воспринимается как архитектурный комплекс. Ночью – темно, улицы мало освещены. Днем жарко. Всюду мельчайшая пыль.

Чем одолеть время? Воспоминания пока не тревожат.

9/XI. Вопреки своему намерению держаться подальше, подошел поближе. Утром было собрание. Дали недвусмысленно понять, что вольные выходы будут караться. Досуг организован будет: волейбол и шахматы. Возможна поездка в Агру. Переходим на полуторасменную работу. Днем побывал в крепости, построенной моголом Шер шах Суром в суровые времена пред-английского периода. Без декоративных элементов. Прочно, основательно, впрочем, индийцам это не помогло. Посреди двора огромное чистое зеленое поле с мелкой и плотно растущей травой. Небо голубое видится как небо. Тишина. Мало людей, и индусы воспринимаются лучше: как люди, а не как толпа. Хорошо иметь в городе место, откуда на суету смотришь как на суету. Одинокие, пышно разросшиеся деревья. По узловатым стволам бегают бурундуки. Непугливый удод. Много ласточек на проводах, возможно, из наших аулов. Чистенькие, опрятные, очень хорошего поведения. Крутая лестница с высокими каменными ступенями ввинчивается ввысь. Выставка чадит, видна как на ладони.

Девендр (Дев Индра): «Скачок, революция у нас невозможны. Экспроприация тоже невозможна. Финансы имеющих деньги – на службе экономики Индии. Паразитическая прослойка – ростовщики. Нет такого лидера, вождя, как Ленин. Национальный конгресс обещал больше, чем делает. Индира Ганди – умный и решительный человек. Коммунисты – недостаточно сильны. Студенты не знают о Герберте Маркузе. Главная проблема – ликвидировать безграмотность. Крестьяне неплохо зарабатывают, но не умеют использовать деньги – на вино и женщин. 85 % населения – жители деревень. Крепкого рабочего класса нет. Советский Союз достиг колоссальных успехов за 55 лет». (Кстати, в книге отзывов – множество восхищенных восклицаний в адрес советского павильона и Советской страны.)

Сингх² прислал двоих людей с вопросом, когда сможем встретиться. Я чуточку растерялся. Ответил неопределенно. Посмотрим, что из этого выйдет. В принципе, надо бы отбросить смущение и воспользоваться случаем, чтобы узнать страну лучше. Мой спутник согласен еще раз рискнуть, но только если все будет легально. Иных возможностей нет; разумеется, все будет легально.

Под вечер я разразился длиннейшим монологом о судьбах кочевой цивилизации. Киргиз Кадыр терпеливо слушал, признался, что устал. Предыстория человеческой истории. 800 поколений. Молодая цивилизация (сегодняшняя) еще

¹ Мира Салганик – индолог, сотрудница Иностранной комиссии Союза писателей СССР.

² Участник движения солидарности стран Азии и Африки.

далека от подлинных и мудрых знаний. Имеем моральное право относиться к ней критически, как к сверстнику.

Древо европоцентристского знания. Иные миры. История кочевья. Начало, расцвет, упадок. Универсальное значение кочевья. Что все это дает нам сегодня – патриотический и гуманистический аспекты проблемы. Суть (эстетическая, морально-этическая) кочевья.

Всё это должно быть исполнено энергично, сильно, без ложного смущения. Отступления – только в сторону еще большей экспрессии.

Весь мир ярмарки очень и очень далек от нас. Но и сюда вернутся Бабуриды.

Наш раздел стал много лучше после того, как к вещам прикоснулась исследовательница стихов Мирабайи. Никогда, пожалуй, я не видел прежде, как оживает мертвая фактура, чуть-чуть подправленная, чуть-чуть подвернутая, приглаженная, подколотая и т. д. Хороший вкус у нашей новой переводчицы.

10/XI. Нариман засутился, стал очень некрасив, по какой-то причине отказавшись дать мне ключ от офиса. Всё же он трусоват и, пожалуй, жаден и чуть-чуть мелочен. Нет в нем ни русского размаха, ни казахской широты. Казаху быть мелочным и педантом всё равно, что индусу сидеть на коне. Бывает, но не смотрится.

Утренний павильон. Всё кругом чисто подметено, сбрызнуто водичкой, протерто. Людей становится больше. Спокойные, нетребовательные. Подогретыми, уставшими, нетерпеливо лихорадочными они будут позже, когда повалят толпами, обовьются хвостами очереди вокруг павильона. Народ, выстрадавший право на лучшую участь. Стать бы ему немного жестче. Много, искренне и хорошо пишут в книге отзывов. У многих из них есть мир собственного отношения, собственных мнений. Есть демократические навыки самовыражения. Нет навыков сплочения в единство, целеустремленное и дееспособное.

Саша передал вещи. Где же Мира?

О кочевье следует писать еще и потому, что только у нас так много простора. И нам не так трудно, как людям из муравейников, представить себе, что такое человек наедине с открытым пространством. В океане индийского народа нет сильных подводных течений, нет Гольфстрима и Лабрадора. Судьбы людей – судьбы народов. Мелеющий вот уже не одно столетие Каспий, полноводный Байкал. Бунт озера Иссык, опрокинувшегося на одно селение, но выбравшего для себя удачный день. Споры вокруг Балхаша отражают отношение большого народа к маленькому – и его практицизм, и либеральные вздохи, интеллигентское сочувствие. Балхаш угрюм, но мелок. Бог – вода, она перемещается целыми бассейнами и определяет судьбы народов. Это очень хитрый, коварный бог. Создает иллюзию своей подчиненности. Для того только, чтобы веселее надсмеяться над «покорителями».

Жападан жалғыз жүрміз¹.

Пришел Лим. Он вообще одинок – один представляет Малайзию. Принес пачку английских сигарет. Маргинальная личность, но считает, что это плохо и трудно – быть маргинальным человеком. 12-13 миллионов населения. Большинство – мусульмане. Есть буддисты (махаяна), джайнисты, католики, сигхи.

¹ Броду в полном одиночестве.

Уровень жизни выше, чем в Индии. Индийская нищета и диспропорция между rich & poor¹ его коробит. Считает, что от каждой религии нужно брать ее хорошие принципы и положения. Крохотная независимая страна. Практически главный язык – английский. Образование (английская система преподавания), литература (невозможно ведь все перевести на малайский), учреждения – на английском. Есть своя небольшая армия. Куала-Лумпур – вокруг него (на экваторе) собралась Малайзия. Надо мне срочно активизировать китайский язык.

Вырабатывать лаконичный, экспрессивный стиль. Говорить о главном проще.

В стекле отражается солнце, в разбитом стекле – тысяча солнц. Народ оживает, когда и будучи разбитый вдребезги умеет стать жизнеспособным, вонне направленным, но ориентированным «in»², обретает способность чутко улавливать новые ритмы, новшества.

Приходили Саксена и Сингх³. Я не увиделся с ними. Вел длительный разговор с Девендром. Огромное эмоциональное желание изменить мир к лучшему. Критическое отношение ко всему, что определяет современные процессы в стране, точнее, к людям. Нет всестороннего анализа ситуации, нет вооруженности цифрами, неоспоримыми фактами, нет концептуальности (как следствие), программности размышлений. Индии нужны разночинцы. Интеллигенция боеспособная может выйти из их среды. Процент рабочих очень невелик. Да и в большинстве своем – это те, кто строил выставку, выходцы из деревень, где очень сильны традиции, религия, устоявшиеся взгляды, где большинство – неграмотно.

II/XI. В «Rajdoot» приходил м-р Сингх. Обещал организовать встречу с писателями, поездку по городу, выезд за город, книги по философии искусства. Администратор и писатель. Хорошо говорит о Дургавати. В понедельник (13/XI) договорились встретиться. Разговаривал по телефону с Мирой. Секретариат в Москве прошел. 12-го, возможно, приедет Мусрепов. Санбаев – в конце ноября, начале декабря.

Сингх высокого роста. Чуть выпил – потускнел. Мягкий, обходительный человек, удручен заботами. Говорит на внятном английском языке. Его постоянное местожительство Лакхнау. Здесь – служба, видимо, временная.

Литература, особенно – в такой стране, как Индия, должна быть средством политической борьбы, активной преобразующей силой. Она должна быть достаточно вооруженной знанием, чтобы не чувствовать себя бесполезной в сравнении с философией и политикой.

Каковы основные политические лозунги индийской литературы?

Основные тенденции в современном литературном процессе Индии (кто наиболее популярен, авторитетен, кто сможет представить современную индийскую литературу в Алма-Ате)?

Каковы международные лозунги индийских литераторов, с какой программой они хотели бы выступить на конференции?

Вообще, какие вопросы, на их взгляд, должны стать предметом обсуждения в Алма-Ате (по политической и творческой программ)?

¹ Богатые и бедные.

² В (предлог), внутрь.

³ Индийские писатели.

Объяснил ситуацию Л. Л. А.¹, он узнавал всё излишне подробно. Советует пока воздержаться от встреч. Обещал поговорить с дирекцией и сообщить свои рекомендации. Подозреваю, что его мнение станет мнением дирекции. Нельзя отождествлять идеологическую борьбу в политической сфере с идеологической борьбой в сфере литературы. Писатели – лучшая часть своего народа, мыслящая, честь и совесть страны. Из этого мы должны исходить, понимая, что не все писатели таковы. Наши убеждения не должны быть в общении с писателями панцирем должны корениться в глубинах духа. Откровенный, искренний разговор принесет тогда пользу большую, чем переговоры на уровне «уполномоченности».

Писатель уполномочен на высшую свободу размышлений. И именно таких писателей крепкое и сильное государство начинает выпускать на международную арену. Это может себе позволить государство, уверенное в правоте своего дела, в благородстве своих принципов, уверенное поэтому в своих художниках.

Цветы в Индии умирают оттого, что устают жить. Долгое, бесконечно долгое лето, как слишком затянувшееся благополучие. Цветы опадают дружно, вяло. Куст увядает раньше цветов. Это очень грустное зрелище.

Черная роза – молодая вдова в трауре.

Голос Миры звучал, как голос спасающей богини – издалека, чисто, тепло.

12/XI. Выставка функционирует. Всё более или менее отлажено. Дорабатываются детали. Советский павильон, несомненно, самый внушительный как по занимаемой площади, так и по представленным экспонатам. Мог бы, понимаете, лучше поработать художник (главное – продумать маршрут посетителей). Много средств вколочено в эту выставку, много больше, чем со стороны других стран, не считая Индии, которая, впрочем, выручит не меньше, чем затратила. У нас хорошая материальная база для убедительной пропагандистской работы. К сожалению, эти возможности используются в мере, далекой от полноты. Идеологический экипаж павильона малочислен. Основная часть – немые специалисты с умелыми руками, переводчики, которые в состоянии дать самую общую информацию и только, плотники, монтажники, наблюдатели. Последним по профилю специализации противопоказано говорить много и тем более убедительно.

Есть что показать, о чем рассказать. Но кому-то (совершенно напрасно и преждевременно) показалось, видимо, что прямая агитация – устаревшая форма пропаганды. Нужно вести пропагандистскую работу, только следует ее проводить тоньше, изящней, непринужденней. От этого она станет эффективней. Такую работу в состоянии вести подготовленные люди. Подготовленные всей своей жизнью. Люди, для которых убеждения – не пустой звук, и борьба за убеждения – не декларативная фраза. Из поколения тридцатилетних такими людьми являются те, кто прошел школу целины (первые отряды). Подготовленные люди могут обнаружиться в республиках, где духовная жизнь развивается в условиях, требующих напряжения ума, воли, явного присутствия совести, в условиях испепеления сытого обыденного сознания.

Девендр приводил родителей, брата и сестру. Это было очень трогательно. Я рассказывал им о Казахстане, старался, как мог.

¹ Л. Л. А. – замдиректора Советского павильона выставки.

13/XI. Утром позвонила Мира. Обещала сказать Л. Л. А. о моих крошечных полномочиях. Возможно, будет чуть-чуть больше свободы. Посетителей на выставке немного меньше, чем в воскресный день. Очередь на улице в два ряда. Пока я занимаюсь наведением мостов, сотрудники успели не раз уже поездить по городу. Должен наступить и мой День из дней.

Выставку навесил Саксена с Кришной Кумаром (молодой, 21 год, преподает в университете, пишет short stories¹, критик). Саксена менее чопорный, чем был в Алма-Ате. От встречи со мной ожидал, видимо, большего. Но что я им могу сказать, не зная толком ситуации в стране, в литературе, не зная самой литературы? Рассуждения самого общего плана или конкретную информацию о казахской и советской литературе, о нашей ситуации. Встречи с Девендром для меня, пожалуй, сейчас полезнее. Хотя исчерпать его нетрудно, в нем больше сейчас огня воспринимающего, чем отдающего.

Важно проверить, возможно ли искать общие действия с писателями различных стран, руководствуясь общими принципами. Ведь именно такой будет ситуация на конференции. Важно ориентировать себя и будущих участников конференции на разговор на уровне обобщенных, теоретических рассуждений. Но будет просто бессмысленной встреча, если мы окажемся вынужденными ограничиться самой общей фразой. Как важно сейчас сформулировать актуальный для всех стран-участниц (литератур), живой и действенный лозунг! Борьба за мир во всем мире, против войны во Вьетнаме, за социальный прогресс, за независимость, борьба против колониализма и неоколониализма – это всё слишком общие призывы. У каждой очередной конференции должен быть свой лозунг, в котором отразились бы, во-первых, направленность Движения солидарности писателей, цель и программа этого движения и, во-вторых, стадиальность, развивающийся, процессуальный характер его. Без этого всегда будет не только ощущение, но и действительное топтание на месте. Этот более конкретный лозунг должен отразить специфику общественной жизни, литературной ситуации той страны, земли, где очередная конференция будет проводиться. Такой подход позволил бы выбирать место последующей встречи не по случайным, произвольным признакам, а направленно и оправданно. Может быть, имеет смысл содержание (обсуждаемые на каждой конференции проблемы) сделать не одновременной, а развернутой программой. Логическая последовательность могла бы быть следующей: от выговаривания и обобщения наболевших вопросов к выработке позитивной программы совместных действий.

Говоря о проблемах афро-азиатских литератур, ни в коем случае не следует упускать из поля зрения современное состояние литератур Запада и Латинской Америки, хотя бы потому, что сегодняшний читатель наших собственных литератур формируется под большим влиянием литератур этих регионов. Кроме того, подключение их к анализу наших проблем придает столь необходимое для выработки уверенной программы качество масштабности, всеобщности. Лозунгом алма-атинской конференции, земли, где состоялась встреча Востока с Западом, может быть, и может стать это единство как судеб народов, так и судеб их литератур. Движение солидарности писателей стран Азии и Африки должно стать мировым движением солидарности писателей всех народов,

¹ Короткие рассказы.

всех стран. Это не честолюбивые планы, это необходимость, без этого всегда в Движении будут давать знать о себе ущербность, локальный, эгоцентристский, мстительный акценты.

Вокруг каких лозунгов могут (должны) объединиться писатели всех стран и народов?

Нужно ли им объединяться? Есть политики, дипломаты. Настало ли время в истории человеческого общества, когда контроль над мировыми событиями должен и может стать предметом заботы художников, объединенных в продуктивный и потому сублимирующий личность в себе коллектив? Захотят ли этого, прежде всего, сами (подлинные) художники?

На какие средства существует постоянное бюро Движения солидарности писателей стран Азии и Африки?

Зависят ли члены его материально от собственных стран?

Какие страны, из каких соображений поддерживают идею Движения?

Единство возможно лишь в том случае, когда достигается планетарный всеобщий масштаб. Без этого всегда будет диаметрально противостоящая оппозиция, располагающая неисчерпаемыми ресурсами питания. (Это закон части. Общее заботится о своем статусе, вселяя дуальность в части. Как только дуализм этот частью преодолевается, некогда общее становится частью по отношению к новой актуально-большой общности.) Мы духовно сможем шагнуть в космос, преодолев притяжение, утяжеление частей. Это небывало трудный был бы переход к неслыханному в истории культур качеству. Но, может быть, уже и настало время. Во всяком случае, за это можно пострадать. Установление единства многообразия.

14/XI. Сегодня, возможно, встречу наконец с Мирой. Звонил к ней утром. Ясно, что «общие» лозунги должны исходить из самой природы художественного творчества. Универсальный, планетарный, общечеловеческий характер литературы и искусства. Политические аспекты могут выступать только как новые грани творчества, как необходимые приобретения. Политика не должна подменить творчество. Вместе с тем мы стоим перед необходимостью проставлять акценты, формулировать четко, определенно свои задачи и цели. Без этого не будет движения, не будет солидарности. Литература становится политической не только по своему содержанию (что было свойственно ей во все века), но и в путях экспансии. Во все времена литература была объективно предрасположена к экспансии, теперь экспансия становится ее осознанным действием.

Сегодня день рождения Дж. Неру – праздник детей. Но дети, уже немаленькие, – не помнят, когда Неру родился, сколько ему сейчас было бы лет. Вообще в отношении к собственным лидерам индийцы довольно сдержанны. Об Индире Ганди говорят: «Она умная, решительная женщина». Не более.

Из Дома дружбы позвонили с предложением выступить на английском языке перед индийцами о казахской литературе. Мог бы, пожалуй, справиться, но отказался. Главным образом потому, что хотелось сказать о большем, чем удалось бы на английском. Договорились, что в День Казахстана выступлю (декабрь). Сегодня наплыв детей. Чистые, опрятные, красивые. Стайки, группы. Веселы, плохо владеют английским. С тех пор как государственным языком стал хинди, английским овладевают немногие. Хорошо ли это для Индии?

Сигхи чувствуют себя в Дели гораздо увереннее мусульман. Это накладывает отпечаток и на выражения лиц, и на жесты. В дверях павильона у выхода стоят сигхи с весьма решительными лицами. «Сигха не тронь, будет плохо» – написано на этих уверенных физиономиях. Мусульмане и другие не-сигхи ходят, стиснув зубы. В руках полицейских длинные бамбуковые палки. Вид у них грозный, походка развязная, вразвалочку. Нахальны даже юные сигхи.

Вечером выставку посетила Мира. Сообщила кучу адресов, которыми я вряд ли воспользуюсь. Не только не уполномочен, но и не готов. Нужно знать современную индийскую литературу, чтобы результативно встретиться. У Саксены навряд ли получится задуманная встреча. Мира занята.

15/XI. Утром ездили в Мертвый город километрах в десяти от Дели. Множество обезьян. Охотно позируют, берут лакомства из рук. Не прочь не только стянуть, но и вырвать из рук банан. Крепкая еще крепость с могилами Мухаммеда ибн Туглака и его отца (XIV век). Мне еще не приходилось видеть такого грандиозного и такого очевидного по своему предназначению (оборона) сооружения. Крепостные валы высятся один над другим, за каждым из них глубокий ров, впадина, естественный котел. Попавших в него нетрудно поливать смолой, стрелами, заваливать камнями со всех сторон. Так называемая «смотровая площадка» – такая же, как у Кенесары в Кокшетау. Прекрасное обозрение. Подземные ходы. Трава – колочка. Множество бурундучков, обезьян. Одиноким индус, старавшийся нам что-то объяснить. Но не было переводчиков. В какую-то странную каменную ступу засунул голову и, как мы поняли, хотя и сомневаясь, показал, как казнили некогда. Деревья толстые, ветвистые, с большой, прохладной кроной. Нет ничего декоративно-излишнего. Все предельно функционально, сурово. Камень сохранился очень хорошо. Будто и не было многих столетий. Один за другим подъезжали автобусы с туристами. В основном – подростки, отдельно – мальчики, отдельно – девочки. Все умело (вместе) поют. Круглый продолговатый барабан отбивает энергичные ритмы. Подростки моментально рассаживаются кружком на траве. Учитель рассказывает историю крепости.

Экзотики во флоре и фауне Индии по отношению к Казахстану не больше, чем в Казахстане по сравнению со среднероссийской полосой. Небо едино. Тепло. Мягкая, текущая меж пальцев пыль. Травы несочные, как у нас в степи. Рождалось временами ощущение, будто бывал я уже в этих местах.

16/XI. Получил два приглашения на встречу с лауреатами «Soviet Land». Мира, как и во все прошлые разы, сдержала слово. С утра ждали Индиру Ганди. Она не приехала. Это уже вторая «ложная тревога». В один из дней она все же придет, и будет это, как полагают, неожиданно.

Растительность в Дели не буйная, оттого, наверное, что уже осень, хотя и встречаются деревья с новыми, зелеными еще плодами.

Буду долго с благодарностью вспоминать то лето, когда сел и прочитал «Всемирную историю» в десяти томах и «Всеобщую историю искусств» (10 т.). Не все, разумеется, помню, но осталось главное – сюжет развития мировой истории, мировой культуры. Факты теперь не разбегаются, как попало, а укладываются по местам, обогащая, укрепляя мои собственные сложившиеся представления. Субъективизм мой базируется на фундаментальной (хотя бы потенциально) объективной основе. Оттого ему неплохо, оттого он нагловат и в себе уверен.

Встречаются посетители с очень умными, внимательными глазами, с трезво оценивающим людей и вещи взглядом. Их интересуют цифры, факты, конкретные названия. О республиках у них (у 99,99 %) нет никакого представления. Идем под общим именем «Russian». «USSR» – употребляется единицами. За все дни выставки не было случая враждебного отношения, не было провокационных вопросов. Интерес, удовлетворение первичной информацией. Хорошо ли это? Отсутствие углубленного интереса – не говорит ли о равнодушии? Впечатление такое, будто боятся они разрушить сложившиеся представления, неважно – иллюзии это или заблуждения.

Уже научились мы меньшими силами прокатывать толпы посетителей по выставке. Этим другие павильоны отличались изначально. Во многих из них – гиды-индийцы («индус» – вероисповедание).

Утром за завтраком пели казахские и киргизские песни. Пели плохо, но было хорошо. В печаль вколачивают неожиданные, острые воспоминания о семье. Писем не пишу.

Вечером – прием. Едем вместе с Нариманом. Л. Л. А. – разрешил нам. Мира удивительна мудра и прозорлива, безошибочна в оценке и преодолении маленьких ситуаций. От больших уклоняется с печальной и полной (во все лицо) улыбкой.

Прием состоялся, по словам сотрудников АПН, «лучше, чем в посольстве». В избытке напитки, закуски, знакомства. Писателей много, из различных группировок (Сингх + семь-восемь). Были и виновники – лауреаты премии «Soviet Land». После приема навестили Миру в ее двухкомнатной квартире. Генрих Боровик и Н. Боровик – гаруда и воробей.

17/XI. Утром приехал на своей крохотной машине Сингх. Он – советник министра судостроения. Взяли с собой дочь Сингха и поехали осматривать город. Кутуб-минар. XI–XII века. Построен одним из основателей Делийского султаната вокруг железного столба. Сумел обхватить, но только запрокинув руки на уровне шеи, следовало попробовать ниже. То же удалось А. Осматривали, снимались. Пальмы. Множество посетителей.

Впечатляет могила Хамаюна, сына Бабуры, отца Акбара.

Копия Тадж-Махала не так хороша. Экзотичные, выныривающие неизвестно откуда одинокие «гиды». Чуть-чуть спекулируют.

Лотос в водоеме (сиреневого цвета).

Клуб (аристократический) игроков в гольф. Тишина, зелень, прохлада, приятные прохладительные напитки. Членом клуба стать нелегко. Сингх подписал счет, поданный официантом. Утро прошло замечательно.

После обеда вместе с Девендром удрал с выставки. Из Баракамбы с Мирой и Саксеной на такси добрались до press-club. Потертые зданьице. Зал с не очень удобными креслами. Бар. Чай, сладости. Долгая раскачка. Вежливое внимание к монологу Миры о делах в современной советской литературе. Писатели отнюдь не самые молодые. Уже именитые, хотя «известный» в Индии – понятие условное. Тиражи книг мизерны. Многие образованные предпочитают литературу на английском языке, западную – литературе индийской. Вежливые, «вроде бы острые» вопросы. Мира отлично подыгрывает. Это все, что нужно? Неужели они предпочитают (в том числе и Мира) долговременную связь встрече? Так оно и есть, скорее всего. И это, пожалуй, закономерно. Но не для меня. Для меня это

неприемлемо. Так уж получилось. В общении с ребятами выработался свой алма-атинский стиль. Каждая встреча должна быть исчерпывающей. На ней должны быть проставлены все акценты, договорены недомолвки, высказаны вопросы, гипотезы, восклицания, и, наконец, должна состояться не только борьба точек зрения, но и общепризнанная победа одной из них. (Именно в ходе этой одной встречи противник должен быть уложен на лопатки.) Хорошие у нас в Алма-Ате беседы! С кровью, лаской, перепадами настроения – жизнь, а не беседа, с резюме, итогом. На чужой стороне мы мастера монолога, у себя – исчерпывающего диалога. Милый, душистый провинциализм.

Мира тоже провинциальна, и уже на износе предельно напряженной маленькой и жесткой мускулатуры. Не выдерживает роли богини-спасительницы, оттого что тяжела и непривычна эта роль для нее. Попрощались с ней сухо. Она не умеет слушать. Мешает сверхбыстрая реакция. Я, как обычно, говорю вначале совсем не по существу, разминаюсь, говорю часто обратное тому, о чем убедительно скажу после, в ходе развязавшегося разговора. Она же хватается первые фразы и быстро насыщается, пресыщается ими. Ни одного не было случая у нее выслушать меня и получить обо мне приближенно хотя бы верное представление. У меня нет желания с ней говорить по существу. Она отражает весь многообразный, многоликий мир частой, молниеносной атакой на него. Она не в состоянии принять мир. У нее плохой аппетит. Через силу съест – заболит живот. Она сжалась предельно, чтобы держать до конца своих дней оборону. Утром улетает в Москву. Счастливой дороги, маленькая порхающая крепость!

18/XI. Остался месяц работы на выставке. Павильон навестила Индира Ганди. Небольшого роста. Мне удалось внимательно разглядеть лицо ее во время незаписанного (по техпричинам) на магнитофон интервью. Умное, собранное, обаятельное лицо. Худенькая.

Пресс-конференция о туризме в СССР, главным образом, в Узбекистане. Очень плох представитель Узбекистана в ответах на вопросы журналистов. Скован. Множество узбекских студентов из Бенареса, объездили всю Индию. Владеют хинди, хотя не знают о Кабире¹, тоже из Бенареса. Алма-Ате нужен факультет восточных языков.

Роскошный чай в павильоне «Indian Tea». Подарки. Хороший английский язык. Ответный визит в наш павильон. Ужин в гостинице с икрой и ивьяшницами².

19/XI. Red Fort (строили 9 лет), XVIII век, Шах-Джахан (он же построил Джама-мечеть, он же – Тадж-Махал).

Мальчики лет десяти с крохотными малышами в руках. Очень крепко хватают за ноги, просят бакшиш настойчиво, со слезами. До сих пор нога помнит объятия одного из них. Перекрытие, торговые ряды, как в крытом базаре в Бухаре. Во время восстания сипаев и после дворец был разграблен англичанами. Угнетает множество туристов. Все эти большие, широко раскинутые сооружения рассчитаны на безлюдье, одинокое созерцание. Красиво, но запылено туристами, которые и есть пыль и грязь в этой красоте. Гораздо органичнее вписываются полуголые садовники, убирающие территорию.

¹ Великий индийский поэт, «ткач из Бенареса».

² Студентки-переводчицы из Института восточных языков при МГУ.

Парень, который всем прямым телом поднимается в воздух – на высоту полтора метра. Потом встает и показывает, что нет никаких приспособлений. Просит бакшиш.

Моти-масджит – Жемчужная мечеть, торжественно восходил я по мраморным ступеням к михрабу с грешной мыслью: «Вот, второе пришествие тюрка», – и тут же древесина позднейиндийской реставрации хлопнула меня по голове. Аж загудело.

Джума-масджит (Джама-масджит) – самая большая и, как полагают делийцы «самая красивая в мире». Пробираемся к ней сквозь толпы нищих, ужасно выглядящих детей, старцев, женщин. Зловоние, глупые на фоне всей этой ужасающей нищеты забавы, побрякушки (это выглядит почти зловеще). Но сама мечеть! Огромный просторнейший двор, в котором могут собраться одновременно 25 000 верующих. В середине хаус, обложен мрамором. Ниши с высоким потолком, молятся мусульмане. Кое-кто просто лежит на коврах-дорожках, но не отдыхает, а сосредоточен. Восхитительно правильно выведены огромные мраморные купола (три) с шишечками наверху. И два (двести с лишним футов) минарета. Вид с них роскошный. Весь город (и Чайничок, и Canat place, и Red Fort) – как на ладони. Густой, плотный, частый крышами город. Воздух на вершине минарета чистый, свежий, враз снимает налипшую на настроение грязь. Сигхи в Дели, во всяком случае, не имеют ничего подобного. Шах-Джахан остался в благодарной памяти мусульман.

20/XI. Парень, которого вчера я называл про себя воинствующим невеждой, подшил подошву моего сандалия. Сделал это не спеша, аккуратно, надежно. Из доброты. Удивительные, умелые руки у этих русских парней. Делает будничное дело, всё больше входя в хороший азарт, с интересом, желанием сделать безупречно. Как мы обойдемся без них во времена свободы? Сумеет ли нажить такие же узловатые, от отцов и дедов перешедшие, всё могущие руки?

Сегодня у индийцев сразу два праздника: день рождения первого гуру сигхов Нанака и день рождения реки Ганги. Сигхи празднуют вдвойне, все остальные – праздник Ганги. Едут к реке, не только к Ганге, купаются, веселятся. На выставке полно сигхов. Оттого шумно, подвижно, нарушение порядка. Полицейские у дверей не справляются. К многолюдью невозможно мне привыкнуть, как нельзя привыкнуть к голоду и морозу. Длиннющая очередь, люди стоят по три-четыре часа, чтобы попасть в наш павильон. Естественно, хочется, чтобы они не разочаровались. Стараемся говорить всем, вежливо, много. Голоса сипнут, хрипнут, пыль забивает легкие, проветриваем их трех-пятиминутным перекуром. Я полюбил кока-колу. По пиву нет тоски. Чужой напиток, как и водка. Мне ближе соки, компоты, сухие вина. Сегодня чувствовал себя, как никогда прежде, потомственным гуманитарием. У меня нет сложностей со словом. Словом могу объять и выразить все. Говорил и верил: мир – это плод усилий космоса повторить меня. Я весь открыт истине. Улавливаю ее без малейшего напряжения. Даю безошибочные определения сути. Эти мои оценки входят порой в противоречие друг с другом, но только по видимости, просто акцентирую разнообразные в разных случаях грани единой сложносоставной сущности. Предвижу, знаю, что будет. Умею приводить в движение самим собою созданные системы, иногда весьма значительных масштабов. Идея кочевья станет планетарным достоянием.

Посмотрел пару индийских павильонов («Petroleum for prosperity» и «ТАТА»). Первый – убогий, пустой, в планах на будущее. Второй, по словам Миши Исаева, лучший из всех индийских. Автобусы, тракторы, грузовики, подъемные краны, радиоприемники и все тому подобное – до тканей, мыла, прочей парфюмерии. Очень сильная компания. Существует с 1912 года. Высоко отзывался о ней Дж. Неру, называя «прообразом будущей экономики Индии». Индире Ганди исполнилось вчера 58 лет. Значит, у нас она была за день до своего дня рождения.

Сегодня я много говорил на английском. К сожалению, темы почти не меняются. В нашей колонии у всех заржавленные ножны слов. Редко пользовались ими на родине, не могут словом понять и увидеть новую среду. Жестковатые люди, маловато человеческого тепла друг к другу. Хуже всего, что пользуются своей безликостью: выкрики с сидений, пошлая, анонимная толпа... Но в колонии нашей много по-настоящему хороших людей, не становящихся ни в коем случае толпой. Интересно посмотреть на людей по этой градации: кто способен и кто не способен стать толпой?

После утомительной работы – чай, шахматы, две-три сигареты, запись. Сон.

21/XI. Посетили с утра два храма:

1) Shri Lakshminarian Temple, построенный в 1938 году by Seth Raja Balderdash Birla. Меценат верующих, строит по всей Индии. Храм не освящен временем, выглядит довольно аляповатым (я был в нем в ночь Дивали). Плохой вариант идей Акбара (без ислама, правда) о единстве вер. Слишком новый, слишком свежий, расхожий храм. Во дворе стоит скульптура Бирля во весь рост. Скончался он года три назад, памятник поставлен после смерти. Слоны чуть ли не в натуральную величину, кобры почти натуральные, мраморные. Вишну, Кришна, Рама, Будда, колесо, колесница, Ашока Великий, фонтаны, бассейны, множество богинь, сюжетные (на известные индийские темы) картинки в ярких цветах, в рельефном исполнении. Все рассчитано не на содержание (как в Red Fort), а на массовое, непрерывное обозрение. Броско, слишком понятно, без тайны, без глубины. Получил хороший проспект по храму.

2) Мавзолей Хамаюна (1565 г., девять лет спустя после смерти Хамаюна построен его вдовой). В 1857 году Бахадур шах II, последний могольский правитель, укрылся с тремя сыновьями в этом мавзолее, но был взят в плен лейтенантом Хадсоном. Чисто, без красок, рисунков, торжественно. Я был вместо гида, рассказал о моголах. Все с уважением прошли по большой территории мавзолея. Головой к Мекке и лежит Хамаюн в городе, где мусульманам не так уж сладко.

Здесь крепче держатся последователи гуру Нанака. Шестиконечная звезда (в храме Бирли повсюду – свастики), восьмигранные постройки. Бурундучки, зеленые попугаи.

Сегодня решил было не вести вечерние записи. Но заговорило вдруг чувство неисполненного долга. Привык уже.

Для интеллигенции национальных республик знание английского языка необходимо. Знание этого языка выводит на международную орбиту и позволяет лучше, эффективнее, убежденнее работать на свою национальную культуру. Это совсем не трудно. Нужно только проникнуться интересом и сознанием необходимости большой важности этого дела. Я овладею английским. Ребята тоже должны изучить. Это, ко всему прочему, еще и способ уйти от абсолютной, давящей

диктатуры русского языка. От английского языка к казахскому путь короче, чем от русского. Еще и еще раз: пока не стало на нашей земле так тесно, как в этом ужасающем муравейнике, мы должны успеть понять, осмыслить, оформить в новую культуру кочевья, цивилизацию больших (открытых пространств). Кроме нас – никому. И никому не под силу. Свежесть росы есть в этой культуре. Не расплескать бы ее в приготовлениях! Для нас небо – это небо, а не то, по чему ползут бесконечные струи черного, синего, белого, серого дыма. Вода не обезображена останками умерших. Земля первозданна, воздух чист, естественен. Мы о многом догадываемся, улавливаем сходу. Знать – необязательно. Главное творить, пересоздавать, строить новое бытие и прятать в нем новое знание о нем.

Розовые очки туриста, о которых рассуждал когда-то О. С., не единственное зло, путника поджидающее. Не менее опасна и попытка полной замены линз местными. В этом случае увидишь уйму занимательных фактов, побываешь в Медине, но в Мекку, если и вернешься, то пустынь. Всё новое – плоть, мясо, наращиваемое на существующий уже костяк. Нет основной конструкции – всё развалится, всё уйдет, расплзется, забудется. И напротив, если есть в тебе стержень, окрепнешь.

22/XI. Заруш предупредил, что высокое представительство нагрянет к нам 23-го, т. е. завтра. Это значит, что уже сегодня нужно почистить перья.

Приходил писатель Сахан (вел беседу в press-club). Отец четырех детей, привел троих младших с собой. Традиционные обещания угостить индийской кухней. Соглашаюсь. Не верю. Казахстан для них только лишь провинция, нет интереса к его духовной пище. Ну и черт с ними!

Здесь тепло. Убежали мы от начала зимы, попадем в ее зрелые объятия.

Сегодня от трех разных людей слышал это: «А если напишут в характеристику?!» Советую им: «Не будьте маленькими человечками, будьте большими людьми. Ни дня, ни часа не живите под страхом характеристики. Это проклятие на всю жизнь. Характеристика – блеф, когда она отделяется от человека, начинает жить и вершить судьбу человека. Именно такой агрессивной, подавляющей живую личность стала характеристика в наших условиях. Не миритесь с ней, иначе станете тенью листка бумаги».

Среди посетителей выставки встречаются люди в очень странных одеждах. Вообще, все эти хиппи, битники питают большой и более значительный интерес ко всему, что видят, чем нескончаемый океан индийцев. Нет взора скользящего, равнодушного, непонимающего. Видно по глазам хиппи, как происходит в нечесаных головах быстрая, толковая, очень индивидуальная оценка увиденного. Мне эти парни нравятся. Иногда иллюзии свободы бывает достаточно, чтобы быть свободным. Именно к такой национальной свободе мы можем прийти на первых порах в нашей стране. Этому поможет кочевье.

Я распишу кусочек кочевья, и будет это не в стенах института философии.

Я пойду работать в Иностранную комиссию СП СССР, если возможность дадут мне. Пойду для того, чтобы написать кочевье и сделать полезное родине моих родителей. Пойду в Иностранную комиссию с этим декларированным условием. Буду собранным, деятельным, буду сражаться сильно и весело. Тридцатилетним я закончил предыдущую, в целом неплохую жизнь. Начинаю новую, размашистую, рискованную. Без лени, заторможенности, интенсивную, жесткую. Умереть не

страшусь в любое время. Верю в другую, бесконечную жизнь. Уж слишком человек совершенен, чтобы просто погаснуть и стать пылью. На земле не боюсь ничего и никого. Никто не может подавить, подчинить мой дух. Иду к оставшимся дням с улыбкой.

23/XI. Сингх выполнил обещание. В Film-auditorium просмотрели два документальных и один художественный фильм по роману какого-то писателя. Короткие фильмы, трудно назвать документальными. Вполне художественные, даже философичные, построены на контрастах, музыке, выразительных художественных эффектах. Много понятной символики. В целом – созерцание многообразия: «Есть то, и вот это, и еще вот это». Сквозной мотив вращающегося колеса. Нет акцентов. Без них – нет возможности добраться до человека. Человека сложного, не наивного, не простого, нет в фильмах. Фильм о жизненном случае, без типизации, без обобщения. Черно-белый художественный фильм. Из суеты – в пески. Но даже песок, природа, птицы – декорированы, неестественны.

Многие вышли из зала с чувством недоумения. Не было благодарности в жестах, в репликах. Но мне-то фильмы, весь просмотр, понравились. Особенно «On the move» – «В движении». Как маленький вызов индийской стихии мне, знающему, что такое движение. Они этого не знают, занимаются арифметикой, тогда как нужна алгебра. Художественный фильм этот удостоен премии (президентской).

24/XI. Утром в павильоне чисто, все сияет, сверкает, горит. Пришел министр внутренних дел Индии со свитой. Был племянник Индиры Ганди, соляной король Индии. Хорошо слушал мои объяснения, обещал приехать в Алма-Ату. Очень живо всем о Казахстане интересовался посол Южной Кореи в Дели. «Стопроцентное сходство» – говорил он о казахских лицах на фотографиях. Жена поразительной красоты, в изумрудном одеянии, матово-бледная, невысокая, изящная. Посол просил передать корейцам, живущим в Казахстане, его наилучшие пожелания. «Кто знает, может, и придется побывать в вашем городе». Уходил и снова возвращался в зал Казахстана.

Прежде чем воздвигать кочевье, нужно разрушить прежние кумирни. Я давно это понимал, этому учит весь предшествующий исторический опыт (сколько сил положено на критику и разрушение старых представлений теми, кто хотел и мог утвердить новое! – взять хотя бы марксистов), но сегодня прочувствовал особенно остро – нужно разрушить мир устоявшихся представлений. Нужна сильная, знающая критика. Мне совсем не хочется этим заниматься. Неужели придется? Но прежде – напишу эссе о кочевье, полусказку, чтобы захватывало дух, даже если и не убеждает.

Лим просто восхитителен. Азиат-аристократ. Подлинный. В европейском плане. Незакомплексован. Остроумен, тактичен, умен. Великолепная жестикуляция. Добр, чуток. Верен слову. Деловит, принес мне капли для глаз и обещанный индийский (солончатый, вкусный, явно питательный) арахис.

Посмотрел ряд индийских павильонов. Восхищают обувь, мужские костюмы из мягчайшей замши. К сожалению, not for sale – не для продажи.

25/XI. Сегодня был свободный день. С утра посетил галерею современного искусства Индии. Скульптуры и графика Сегала. Изобразительное искусство

со 2-й половины XIX века по сегодняшний день. Рисунки Р. Тагора. Портреты. Экспрессивны штрихи, полутона. Очень хорошо смотрится, особенно издалека. И еще два Тагора: оба очень интересны. (Подробнее – после.) Штаты Индии на выставке. Этнографический уголок. Типы хижин. Есть очень приятные: легкие, от дождя, от жары, но не от холода. Глинобитные (как в Средней Азии) дворики. Очаг – священный уголок. Почетного гостя кладут рядом с коровой. Выставка хорошеет с каждым днем. Красивые, модные вещи заполняют витрины.

Кашмирский базар. Книжный магазин. Очень много самой разной литературы. Книги дорогие: купил Маркузе и Сартра за 24 рубля. Американский художественный фильм. Прост и красив. «История любви». Английский язык понимал достаточно, чтобы воспринять фильм.

Сегодня был свободный день. Говорил о свободе, говорил свободно. Без оглядок, ограничений, без внутреннего цензора. Хорошее, непривычное самоощущение. Рассказывал чужому городу, пыли, толчее, грохоту скутеров, автомашин, медленно, бесцельно разгуливающим бездомным коровам (голубоватого цвета). В этом кишасщем муравейнике говорил о просторе.

Что дала независимость Индии, личности ее граждан? Люди стали лучше? Ощутили свободу? Возрадовались ей? Готовы умереть, но не лишиться ее? Свобода, суверенность народа – это очень-очень здорово?

Индийские модернисты во многом повторяют своих западных собратьев. В картинах, в скульптурах, в графике нет гнева, протеста. Макум куда как сильнее, а Калжан – умнее¹. Есть, правда, у Сегала – «Голод», «Голодный буйвол», «Апатия», «Циник», «Совместная прогулка по океану жизни», «Ожидание появления луны». Но все это, опять же, не акцентировано. Мы покажем, как надо искусству и литературе бороться за национальную культуру, за прогресс, развитие, самоутверждение народа.

Еду, еду в общежитие. Буду жить один, работать, писать – для Республики, во имя высокого духа свободы. Моя цель – чтобы хотя бы один казах чувствовал себя гордо и крепко стоящим на этой земле.

26/XI. Сегодня воскресный день, великое множество посетителей. Болит простуженное горло, ночью долго кашлял. Не могу сегодня удовлетворить естественное любопытство посетителей. Но нужно. Они выстаивают очереди по три-четыре часа. Хорошо одеты, может быть, и оттого еще, что им проще одеваться лучше – нет такой разницы во временах года, как у нас.

Надо еще раз вернуться к процессу взаимосвязей культур. Многим интересно, что происходит в процессе взаимосвязей. Отметить динамичный, стадийный характер этого процесса... Здесь все зависит от нас, от нашей готовности к большим делам. Надо мыслить, действовать, жить – крупно. Масштаб Восток – Запад. «Человек и человечество становятся двухосными». Люди новой осевой эпохи. Общество в осевую эпоху. Взаимоотношения личности и общества в новую осевую эпоху. Гонимые пророки. Новую ось невозможно проповедовать. Ее нужно утверждать. Никаких просительных, извиняющихся, склонных к перемирию интонаций. Жестко, яростно. Не мягкой ладошкой, а ребром затвердевшей ладони. Не объяснительная жестикуляция, а взмахи секущей руки. Нет нужды в аудитории. Можно быть государством в государстве. Носить весь

¹ Макум Кисаметдинов, Калжан (Салихэтдин Айтбаев) – казахские художники.

свой мир в своей суверенной, свободной голове. Голову снимут, а мир твой останется. В ноосфере. Шайнап берген тамақ ас болмас¹. Не нужно ничего объяснять, ни в чем переубеждать. Строить и брать только то, что нужно для строительства, не смущаясь, можно и поразламывать то, из чего необходимый материал содеян, может быть.

Могу, если хочу. Если не хочу – не могу. Организм мой очень строго придерживается этого правила. Может невероятно много, когда есть желание. И ничего не может, как бы я ни старался, если нет настоящего интереса. То же и со словами. Могу держать речь превосходную и очень слабую. Очень чуток мой речевой центр к фальши. Как только в чем-то сфальшивил – ни слов, ни мыслей... невнятное бормотание. Бормочу и в начале монолога. Помогает разогреться словам и мыслям. Одна, иногда случайная, но высоко взлетевшая реплика дает необходимый настрой. Монолог восходит круто к оригинальному, стройному рефлексированию мозга в красивых, умных словах, которые перестают быть сложностью, напротив, охотно выбегают навстречу и предлагают себя на выбор.

Не стремлюсь к оригинальности. Да это и не под силу мне. Чтобы быть оригинальным, надо, как минимум, знать сумму неоригинального. Я же знаю только то, к чему испытываю интерес. Не очень люблю словесные эффекты. Хотя в этом отношении следовало бы приблизиться к Олжасу и, пожалуй, к Аскару. Но без свойственного им самолюбования. Удача в словонахождении должна быть естественной, восприниматься, по крайней мере – говорящим, естественно. Без выжидания, без пауз, рассчитанных на действие эффектной, сильной фразы. Это и нескромно: принуждать слушателя (читателя) сопереживать твою радость. Кроме того, акцентированная в стилистическом плане речь перебивает течение мысли, принуждает ее двигаться вслед за словом. Расплата за это горька, хотя и не незамедлительна. Слушатель очарован на день-другой. Сейчас – этого мало. Слова должны формировать слушателя на гораздо большие сроки. Неспешный, но основательный ход рассуждений сейчас важнее феерических огней.

Таджик Матчанов спросил, на каком языке мне лучше читать. Информацию лучше воспринимаю на русском языке, поэзию – на казахском. Художественное казахское слово согревает меня. Люблю и казахских поэтов, пишущих на русском, если только в них присутствует казахское художественное начало. Таких очень мало, но есть и кроме Олжаса.

«Хороший гражданин плохого общества – плохой гражданин общества».

Читаю главы из романа М. Магауина «Көк мұнар» («Жұлдыз», № 9). Читаю на казахском в этом столпотворении, в гуще чужих языков. Чуть-чуть наивен. Посмотрим, от чего это: от художественной слабости или сокрытой, не развернувшейся еще силы. Опирается на очень личные воспоминания, на свой жизненный опыт. Временами чувствуется литератор, не художник, фальшивая нотка, я готов возмутиться, но М. М. тут же вводит извиняющие детали.

27/XI. Сегодня в Дели дождь. Стало сразу холодно. После дождя индийцы в павильоне чуть-чуть иные. Умиротвореннее. Не суетятся, не образуют толчеи. Людей не меньше, чем в сухие дни, впрочем, взошло уже солнце, всё кругом быстро подсохло.

¹ Разжеванная кем-то пища не пойдет впрок.

Слова умеет акцентировать песня. Она делает это необыкновенно хорошо. Акцентированными должны быть мысли, позиция, а не слова и фразы.

В замкнутом коллективе взаимоотношения людей переживают циклическую эволюцию. Раз завоеванные симпатии не остаются неизменными до конца. Замкнутый коллектив нуждается в разочаровании. На какой-то стадии эволюции жертвой становятся те, кто вроде бы уже утвердился как заметно выдающаяся фигура. И если этот некто дает малейший повод неприязни с чьей-либо стороны ему грозит катастрофически нарастающая нелюбовь замкнутого коллектива. И эта угроза легко могла бы реализоваться в репрессивные формы, не будь замкнутый коллектив предельно беспомощен и слаб в деятельном отношении. Усилий его хватает только на то, чтобы низвести фигуру до общего уровня. Трясина пополняется останками разлагающейся фигуры, которая теперь уже не более чем просто человек, «такой как все»,

Пошли мне, боже, второго, чтобы вытянул песню со мной¹.

Здесь даже небо хотело бы скрыть свою высоту. Припадает к земле, ползет над домами, людьми. Нет здесь высокого, ясного неба. Ночами не увидишь звезд. Видны лишь контуры луны. Люди взбивают босыми ногами, шинами велосипедов клубы пыли. Пестрый, галдящий, жестокий, всё продающий и мало что могущий купить Чайничок висит над городом, над судьбами его людей. Несчетного множества людей, растаскавших по кельям, лачугам, норам, храмам, дворцам – единство. Народ, отказавшийся от признания каких-либо одних ценностей – высшими. Отдающий предпочтение чему-либо с ясным пониманием того, что и то, другое, имеет право на существование. И это – в отношении любых ценностей. Но разве небо с чем-либо сравнимо?

Небо – это прежде всего звучание, музыка, точнее, камертон – непрерывно звучащий.

Уран и Гея. Когда-то очень давно бога кочевых тюрков звали Ёран. Боевой клич (уран) – произошел от имени его (призывали аруаха по имени Ёран).

28/XI. Джесудас, популярный исполнитель индийских народных песен, спел с успехом (хорошо пел, хорошо слушали) песню «Кұстар, құстар...» Тлендиева. Пел на казахском языке. Прозвучала песня под делийским небом. Спасибо, Нұрғиса!

Сегодня пресс-конференция национального дня республик. Плохо выступила на пресс-конференции наша делегация во главе с С. С. Жиенбаевым. Виноваты и переводчики. Но и Жиенбаев мог бы, говоря о перспективах сближения Индии с республиками, не ограничиться дружбой со штатом Керала, мог бы назвать V конференцию писателей стран Азии и Африки.

Национальный день завтра. Мельчит, как всегда, Нариман. Чуть-чуть приостыл я. Надо устроить себе встряску. Советской власти в Казахстане – 50 лет, мне – 30 + долгая жизнь многих колен моих предков и, возможно, потомков. Наши чиновники не могут представительными быть и на этом маленьком иллюзионе, где вроде бы есть у них кое-какие возможности. Собственно, и по разрешенному цензу могли бы держать себя достойнее. Уже не могут, разучились, нет навыков.

Прошел еще один день выставки. В Дели заметно похолодало. Посетителей стало немного меньше. Но очередь стоит. Сегодня приходил белоголовый старик. Улыбчивый, весь из сказки. О том, что знает, а знает немало, особенно по истории

¹ Из поэтического посвящения Андрея Вознесенского Олжасу Сулейменову.

индийских религий, языков, – рассказывает с удовольствием, живым интересом. Заботится: «Do you follow me?»¹

Индия – бедная страна, это очевидно. Но знает много утешений. Писателям, видимо, следовало бы вскрывать иллюзорный, лживый характер этих утешений. Нет оснований для самоуспокоения. Развитие, движение по пути прогресса имеет не такие приметы, которые мы видим в Индии. Здесь кругом полумеры. Индира – решительная женщина, но, видимо, только в том, что касается соблюдения полумер.

Сегодня утром посол Южной Кореи привел целый палисадник хорошеньких корейнок в изумительно нежных цветов одеяниях. Красивое зрелище проплыло по залам нашего павильона. Я вспомнил плавающий сад с опадающим цветом яблонь в Омской области.

29/XI. Густой, плотный день.

С утра – Sanat place. Покупки: книги, сувениры, арсенал оружия. Чистильщики обуви. Мажут краской обувь прохожего, затем чистят, требуют от двадцати рупий, сбавляют минимум до пяти. Отдал два раза по рупии. Очень много всевозможной литературы.

Национальный день. Выступления министров в открытом театре. Лучше других держался министр из Киргизии.

Традиционный прием. Вручение сувениров.

Шаг навстречу братьям из республик. Они поддержали. Просветительство. Сделал два хода: первый – люди собираются вместе либо для того, чтобы вспомнить прошлое, либо – пометать о будущем. Я – за то, чтобы подумать о совместном будущем. Второй: мы все, без исключения, собрались вместе. Это говорит о том, что живет в нас тепло друг к другу, взаимная привязанность. Я горжусь тем, что все мы сохранили в себе эти чувства. Можем жить дальше. Нужно, очень нужно знать прошлую историю, как неделимую, единую историю наших народов. У нас одна судьба. Время удачи, время печали нашей в одном часовом поясе.

30/XI. Солнечно, тепло. Воздух промыт дождем. Синева, чистое небо. Пришел Лим. Принес брошюрки о малазийских птицах. Альбом Кум-кум. Весь о ее свадьбе. Альбом индийского свадебного обряда, от начала до прихода в дом жениха и освещения его очага маслом (длинные ложки). Я веду бестолковые записи.

Выставка хорошеет, посетителей заметно поубавилось. Проплывают в окружении свиты, фоторепортеров важные персоны. Индийцы – стройный народ. Юноши, особенно – девушки грациозны, изящны. Погрубее, тяжеловеснее сигхи. Бороды туго стянуты черной повязкой, волосам, видимо, чуть привольнее под тюрбаном. А лысые сигхи носят тюрбан? Нариман в свите министра отправился в Агру.

Сари очень идет индийским женщинам. Сексуально грамотный народ. Это чувствуется во всем. Сексуального голода нет в глазах. Удовлетворенные тела, насыщенные. Видно по тому, как ходят, как держат себя женщины под взглядами истосковавшихся специалистов выставки. Сексуально обеспеченный народ.

¹ «Вы меня понимаете?»

Вечером был прием в посольстве. Пегов и Жиенбаев обменялись речами. Виски, водка, коньяк, вина, соки, прохладительные напитки, много хорошей закуски. Негромкая музыка прервалась однажды, когда были речи. У Юрлова от Миры нет вестей. Познакомился с заведомом международной книги торгпредства Градовым. Поговорили немного на китайском. Бывал в Казахстане, хорошо помнит наши места. Приветлив, обаятелен. Договорились встретиться. Он-то и занимается вопросами приезда писательской группы из СССР.

Утром звонил Девендр. Пригласил домой к себе на чай. Передал недоумение Сингха по поводу нашего несостоявшегося визита к министру информации. В каком-то узле связь не сработала. Надо проверить.

Начал читать Сатимжана. Читается.

Оба – и посол, и С. С. Ж. – говорили о полной безграмотности народов Средней Азии и Казахстана до революции, о вымирании и о том, как выполнила новая власть спасительную миссию. Чингиз в предисловии к «Лихой године» говорит о том же, но интонация, акценты у него – иные. Во время речей я ловил на себе взгляды Наримана и просвещенных мною братьев из республик.

I/XII. Еще раз попал на Кутуб-минар. На этот раз увидел больше. На железном столбе есть письма о победах одного из ранних индийских царей (относят к IV в. н. э.). Примерно в это же время были высечены стихи в честь вождей небесных тюрков. История этой земли связана с нашей историей в большей мере, чем казалось даже мне. В начале XVI века сюда прибыл из Туркестана имам Замин. Построил себе мавзолей рядом с высочайшим минаретом. Он прибыл сюда прежде Бабура. Бабур хорошо знал, куда шел. Еще раньше, приблизительно в 1398 году, в Дели побывал Тимур. Увел много рабов. Сегодня я купил хорошие проспекты по Дели, истории и архитектуре города. Для наших предков Индия не была загадочной, сказочной, далекой страной. Воспринимали ее проще, без экзотики. Если писать об Индии, нужно писать о ней именно в этом ключе. То же самое солнце, то же небо, та же пыль, та же флора, тесно с нами связанная история, единая в недавнем прошлом судьба – приход Запада; потрясения – сходны, стремления тоже. И неумение, и слабость наши – похожи. Возможно, так по всей земле. (Нужно знать прошлое, чтобы понять и прочувствовать родство народов.) Само по себе наличие исторических связей еще не говорит о родстве. С противником мы тоже связаны, и еще как тесно! Тюрки шли сюда по маршрутам, прочерченным оружием. Но были приняты этой землей, остались в ее памяти. О некоторых из них вспоминают очень хорошо. Это свойство пришедшего или принявшего народа? Вписались ли в живую, благородную память индийцев англичане?

В автобусе все время поет Лата Мангешта, тлеет стебелек сандалового дерева.

Подсчитал: если буду писать по листочку в день, к концу пребывания в Индии доберусь только до буквы «П». Нужно писать не только лучше, но и больше. Сегодня первый день декабря, теперь время потечет быстро. Осталось немногим более двух недель исключительной ситуации. Город увидел достаточно подробно. Во всяком случае, убедился, взглянув в справочник для туристов, что видел все, что рекомендуют посмотреть, кроме обсерватории. Не видел: исключительной роскоши (сомневаюсь, действительно ли есть здесь пресловутая, огромная диспропорция между нищими и богатыми), национального театра (слушал песни в открытом театре выставки), многого, конечно, еще не видел. Имею представление

о том, как проходит индийская свадьба. Женщин индийских не ласкал. Руками. Цветов не нюхал, хотя возможность есть. Водой из рек не умывался.

Видел уличное происшествие: автомобиль сбил мотоциклиста, а тот, в свою очередь, велосипедиста. Много прохожих с сумрачными лицами смотрели на лежащий мотоцикл, велосипед. Пострадавших скоренько увезли. Нехорошо пишу об этой драме. Как смотрели наши из окон автобуса. Равнодушно.

2/XII. Вчера побывали в гостях у Девендра. Кофе, сладости, острые, пряные штучки. Все в семье очень похоже друг на друга. Встретили приветливо. Разговор – как езда на велосипеде по мягкой, пыльной, ухабистой дороге. Немного проехали, завихрялась пыль по любому поводу; мягко и бестолково, предельно друг к другу внимательно – так беседовали. Деталь, сразу обращающая на себя внимание, – огромный вентилятор под потолком каждой комнаты. Чисто, опрятно, без декора, функционально. С Девендром был его сокурсник – Рави. Прекрасно владеет русским, не только разговорным, но и литературным. Знает кое-что о литературе (русской советской). Менее искренен, непосредственен, чем Девендр. Думает стать переводчиком технической литературы. Девендр живет неплохо, так у нас живут многие. Средне обеспечен (по нашей шкале). У отца в словах звучали непонятные интонации: до независимости продукты (он называл, в частности, кишмиш, фрукты) стоили много дешевле. Было ли это приглашением к разговору? У нас не было времени поддержать беседу. Жаль, хотелось бы знать, как ощущают средние индийцы плоды независимости, особенно старшие по возрасту, имеющие возможность сравнивать. Отец Девендра еще не в тех летах, когда все что «было» называется лучшим.

При свете дня Градов заметно посерел, потускнел. По статусу иллюстративности набежавшая делегация министров наших схлынула в направлении Москвы. Пена, пузыри. Безглазые люди с раздутыми щеками.

Не само утраченное время несет освобождение, а поиски его создают для этого возможность. Но искать нужно не так, как делают это наши «истористы». Нет нужды нам в «правдивой» документальной истории. Нужен концептуализм, связь с нашими сегодняшними проблемами. Без этого – историческая литература бессмысленна. Потому что со всем остальным прекрасно справляются исторические науки.

Уезжаю из Дели 19 декабря. Могу успеть в Караганду. Нужно купить подарки. Новый год встречу дома. К тому времени станет ясно, где буду работать и жить. Хорошо стабилизирует регулярное, вкусное питание.

3/XII. Воскресный день. День молодежи. Народу больше, чем когда-либо. Полицейских вогнали в пот. В павильоне сплошной пылевой занавес. Выскакиваем на воздух через каждые десять-пятнадцать минут. Декабрь – многие босиком. Тепло, жарко. На экспонатах вырос толстый слой пыли.

Вчера посмотрели с Лимом фильмы в павильоне «Индия-72». «Я иду неизвестно откуда, я иду неизвестно куда» – малыш, слабый, крохотными ножками мерит песчаную отмель. Набегают волны зеленого океана. На маленьких боковых экранах – скалы, камни, мощь стихий. Крохотный малыш – мотив Чюрлениса. Индия – мать, защитница, Родина. Люди, множество вместе идущих людей: «Нет, ты не одинок на этой земле». Фильмы на английском языке. Очень выра-

зительная, впечатляющая работа операторов. Смелые смещения, столкновения, контрасты. Музыка – все организует, она – главное в документальных фильмах, увиденных мной.

Лим неотразим. Индианки всех павильонов открыты улыбками, жестами ему. У него очень приятная, свободная манера говорить. Никаких напыщенных тем. Весело, остроумно говорит обо всем. Если начинают звучать политические интонации, переводит разговор в русло шуточного, забавного комментирования. Чистокровный китаец, но языком своим не владеет. Психологически – человек абсолютно противоположной традиционно-китайскому генерации. Практичен, смекалист, привязчив (возможно, только по молодости). Со временем посуровеет. Чуть-чуть поговорили о сходстве и несходстве Малайзии и Казахстана.

Не соленые капли океана, а образы этой земли вкрапливаются в наши контакты. Образы скульптур из древних храмов.

Небо и Земля, между ними возникли сыны человеческие. Небо – отец, Земля – мать. Дожди оплодотворяют отцовским семенем материнское лоно. Ветер – сеятель. Индия – женщина, – та, что под небом (гейша, гетера, женщина ложа). В степи названия народа, земли, родины несут ярко выраженный патриархальный характер. Отан, туған ел(ь). Мужское, небесное начало лежит в основе самоназваний тюрков. Потомки Неба и Земли, но признаем первоначалом – отцовское начало (Небо). Ураниды. Крониды – дети, признавшие приоритет материнского начала.

Осталось мало дней. Нужно сделать еще две-три затяжки Индией, глубже вдохнуть ее. Тогда и уехать можно с легкой душой.

К дирекции павильона у меня нет претензий. Они все старались сделать получше, и многое получилось. Приятно, во всяком случае, что непременно выполняли все обещания.

Жаль, придется расстаться кое с чем перед вылетом (или сразу же после прилета). Уж мой-то чемодан проверят обязательно.

4/XII. Писал отчет. Святая ложь о нашем братстве. Деньги начал тратить по пустякам, ощутив в какой-то момент, как было бы плохо, если бы я потерял их, не успев растратить. Настроение приподнятое. Завтра – выезд в Агры.

5/XII. Никогда не проводил так хорошо День Конституции. В пять часов утра за нами пришел автобус. По темным предрассветным улицам и пригороду Дели ехали в полусне. Постепенно стали прорисовываться из серой мглы крохотные деревеньки. Много круглых хижин с травяным покровом. Привычные сцены: маленький костер и люди, протянувшие к огню озябшие руки. Окончательно проснулся уже невдалеке от Агры, у мавзолея Акбара. Выход к нему был для меня огорчительным. Все выбежали из автобуса и стремительно ринулись к величественному зданию. Подвернулся Низамутдинов, с фотоаппаратом в руках, чтобы снять я его. Пока возился с ним, многие успели пробежать по бесконечным ходам, переходам мавзолея. У многих в глазах недоумение, близкое к разочарованию. Хотел я им рассказать, кто такой Акбар, да не успел. Хотел сказать им, что я-то пришел сюда не за тем, чтобы любоваться чудесным формообразованием красного камня, мрамора, а для того, чтобы отдать дань уважения великому человеку. Хотел пригласить к ритуалу, но помешал – и кто же! Таджики. И чуть

раньше сбил настроение (не только мне) глупейшим бастыкством узбек (потомок Акбара!) Мирхайдаров. Странные парадоксы истории. Акбар лежит в совершенно темном, цокольном помещении, ведет к нему наклонный вниз глухой каменный ход. На могиле горит обыкновенная керосиновая лампа. Осмотреться и коснуться могилы рукой я не решился. Не был готов. Скоренько вышел, поднялся на верхние площадки, оглядел все с чувством горечи и досады на спутников и на себя. Мало что увидел. В памяти могила Акбара осталась как застывшее восклицание недоумения («того ли ждал?» – Акбар).

Позавтракали в Агре в гостинице для туристов. Там официанты в пыльных белых перчатках. И вся гостиница в этом же духе. После завтрака в автобусе я взял в руки микрофон и попросил попытаться понять и оценить красоту того, что еще предстоит увидеть, понять, почему это «седьмое чудо», почему для многих это мечта, почти сказочная, увидеть Тадж-Махал, Фатехпур-сикри. Мне показалось, люди стали чуть зорче, подвижней, восприимчивей, смотреть стали изобретательней. Это очень важно – при встрече с Красотой иметь созвучный ей внутренний настрой. И снова, уже в который раз, вызвал во мне теплую симпатию нечесаный, бородатый человек европейского происхождения в холщовом рубище, с переметной сумой, который лег на белый мрамор подножья Таджа и закрыл затуманившиеся голубые глаза в безмерном, очень личном, внутреннем успокоении. Он вобрал в себя это синее-синее небо с едва заметной молочной пеленой, зелень сочную, экспрессивную густых растений. Кругом тишина, умиротворение. Тадж и боковые храмы красного камня медленно, едва уловимо, сгорают, потрескивая на мировом костре времени. Время здесь идет сильной, неспешной, звучащей космическими тонами мелодией. Тадж – строго симметричен. Рационален. Продуманы все детали, все символы, от подножья до вершины храма. Главного архитектора звали Мухаммед Иса-эфенди (турок или тюрок?), было у него восемь помощников, среди них – итальянец и выходец из Самарканда (декоративное оформление, в основном – внутренний интерьер, цвета), индусы. Мусульманский полумесяц, турецкие купол на куполе, буддийский лотос, христианский крест, на самом верху, над полумесяцем – индуистский знак. Мне подумалось: Таджем можно восхищаться, но молиться на него нельзя. Хотя история его поэтична. Шах-Джахан не имел от двух предыдущих жен детей. Третья, Мунтаз, подарила ему четырнадцать. Скончалась в возрасте 31 года. Шах-Джахан не женился более. Двадцать два года строил Тадж. На другом берегу Джамны решил построить такой же точно мавзолей для себя из черного мрамора. Но сын его Аурангзеб заточил отца в Lal kilja (построен Акбаром, суров, скучноват, хотя имеет роскошные внутренние строения, веранды, вид из которых на Тадж высокопоэтичен. Надгробие Мунтаз достаточно отдалено и достаточно близко, чтобы стать живым образом любимой женщины). После смерти Шах-Джахан был похоронен рядом с Мунтаз в Тадж-Махале. Строго сбалансированная символика Таджа говорит о том, что Шах-Джахан в целом следовал идее Акбара, но уже заметно ее канонизирует, лишает трепетного содержания. Получилась арифметическая сумма. Вера, религия этого не терпят. Акбар не это имел в виду. В нем жила вера степных предков. Тенгри. Шах-Джахан в чем-то похож на Улугбека. Та же печальная, суженная, ограниченная ближайшим наследником жизнь. Любовь для него – естественный самообман. Уже нет прежней веры, прежней силы и власти, но еще свежа в памяти сладость

величия (ближайших отцов). Нашел свое величие в демонстрации опозтизированного (доверился поэтам) чувства любви. Сентиментален, в нем комплексы Хамаюна, упавшего с лестницы своей библиотеки. Кровь, играющая в войне, в сыне его становится водичей.

Тадж красив, бесподобно красив. Я боялся разочароваться. Он лучше, чем во всех описаниях, которые я слышал, чем на любых снимках, мною виденных. Темной синевы небо, тепло, запах трав. Парит Тадж. Слегка расходящиеся в стороны от основного сооружения минареты (чтобы, если упадут, так не на останки умерших) усиливают впечатление летящего белоснежного храма. Фон храма только небо. Изумительный акустический эффект. Тадж иссушил глаза гидов своих и нищих. Нет ума и достоинства в этих глазах.

Сама традиция культа умерших, возведения над останками их величественных сооружений пришла из степи. Мангышлак – начало и венец строительного искусства этого плана. О мангышлакских захоронениях нужно писать еще и еще. Это истоки, заключившие в себе величие последующего развития, еще не вульгаризированные слабостью, вторичной функциональностью. Наши сооружения мудры, величественны, благородны.

В них присутствует дух исканий, свобода служения главной идее. В то время как в Тадже идеи нет, она ушла, как вода из Фатехпура.

Фатехпур согрел больше, чем Тадж. Акбар построил Red Fort и ушел из него, чтобы жить в Фатехпуре. Это город на вершине холма. Вид с него – бесконечная панорама равнины. Мы подъехали к нему на большой скорости, поднимая много пыли. Спешились на некотором отдалении. Солнце садилось. Кроваво-красный дворец. Я ушел с пятирупиевым гидом, бестолковым, неодоухотворенным. Сорок лет уже гид в Фатехпуре. Акбар с женой-мусульманкой играл в шахматы. Фигурами были девушки в разных одеяниях. Играли обычно при лунном свете. Я постоял на одной из клеточек шахматной площадки. Панджмахал. Спальня жены Акбара. Камни китайские, турецкие, индийские, персидские. Совершенной отделки камень: цветы, плоды, виноградные грозди. Драгоценные камни изъяты (над могилами Акбара, Шах-Джахана и Мунтаз золоченые светильники на толстой цепи – дар вице-короля Индии лорда Керзона). Манеж на сто десять лошадей, помещения, где стояли верблюды, слоны Акбара. Отдельно высоко возносится мечеть из красного камня с белыми куполами. Самый высокий (по словам гида) в Азии портал главных ворот. От него тянется высоченная, метров в двадцать пять – тридцать, стена. Подошел человек с очень живыми глазами, интеллектуальным лицом, в возрасте более тридцати лет и предложил: хотите, прыгну с этой стены. Внизу – не мягко, крутой обрыв. Ниже, за каскадом перепадов и пыльной дорогой, поселение, которое гид назвал «Сикри» (старая часть города, возможно, стоявшего здесь еще до Акбара). В наступившей темноте дворец Акбара смотрится тревожно, вскипает неукротенной силой. Весь Фатехпур еще крепок, никак не похож на «мертвый город». Много крепче Кутлугабада. Вода ушла из него не для того, чтобы город погубить. Напротив, чтобы сохранить его для будущих побед. Возможно, для того, чтобы я пришел и повязал на резьбе стены желаний скрученную нить воли своей: «Независимость, суверенность, свобода».

В нишах, как и во всех храмах, много продавцов сувениров. В Фатехпуре много золочёных, посеребрённых изделий. Жалею, что не купил. Был в трансе. Хорошо, что еще взял в лавке близ Таджа мраморную шкатулку как память о беломрамор-

ном чуде. Чудом можно восхититься, можно подивиться на чудо, но молиться на него нельзя, невозможно. Темнеющий Фатехпур останется в памяти дольше, чем любая позолота позднейших времен. В жилах налипших на комплекс Агры индийцев не течет кровь моголов. Видел я сценку: вечернее, быстро густеющее небо. Широкая стена, ведущая к главному сооружению Фатехпура, к высокой многобашенной мечети, и на ней – тонкий, замирающий время от времени в склоненной и разогнутой позе профиль человека, вершащего вечерний намаз. Это крохи прежнего духа; вера, религия, не Дух, не идея.

Обратно ехали какое-то время молча. Оживились, посмотрев на необыкновенно звездное небо. Запели песни. Устали петь. В «Rajdoot» приехали в полусне.

У нас – либо лес, либо степь без единого (за редким исключением) дерева. Здесь – широкая равнина с не редко и не густо торчащими на ней деревьями с раскидистой, плотной кроной. В Агре видел очень высоких верблюдов с короткой шерстью, груженых большой поклажей. Агра – пыльный, провинциальный городок с узкими, тесными улочками, дымом, паром огней, людьми в изобилии, с той же, что и в старом Дели, манерой жить на виду. Много скобяных товаров. Меньше декоративных. Вещи обихода.

По Lal kilja промчались стремительно. Не очень об этом жалею, помня, что и Акбар не был расположен в нем жить, а Шах-Джахан был в нем заточен.

6/XII. Сегодня вечером – дежурство в павильоне. Завтра – отдых. Использую для траты денег. 8-го выступаем с Нариманом в культурном центре посольства с рассказом о Казахстане. Мне нужно рассказать о культуре, науке, литературе, искусстве.

Дней жизни в Дели осталось мало. Быстро, очень быстро прошел срок. Вод Тадж-Махала коснулся рукой, ощутил тепло камня, мягкое прикосновение старого ветра, сидел на травке, разглядывал стебельки, насекомых. Небо видел в дождь, в сушу, в жару, ночью, днем. Пищу принимал не только в торгпредовской столовой, но и в гостях у Девендра, и из рук лотошных торговцев. Пыль глотал всякую: и столичную, и провинциальную, поднятую подошвами людей, шинами машин, велорикш и просто рикш. Пыль новую и древнюю пыль. Людей слушал разных: детей, стариков, женщин, мужчин. Образованных и неграмотных. Добрых и озлобленных, очень умных и откровенно глупых, спесивых. Из разных штатов, разных настроений, разной степени расположения. Видел восторг и разочарование, слышал, как ругаются индийцы друг с другом: женщины с мужчинами, рабочие с непосредственным начальником и, конечно, посетители с полицейскими. Видел подобострастие, видел гордость, полноту чувства собственного достоинства. Не раз и не без успеха избавлялся от умоляющих дать бакшиш, купить товар. Попадался на мелкие, но чувствительные, как укол, уловки. Слушал умалишенных и загадочных. Видел уродливых и очень красивых. Пожимал кисти сильные и слабые, широкие, грубоватые и нежные, ароматные, воздушной легкости. Женщин индийских не обнимал. Хлопали по плечам ладони детей, подростков, сверстников. Женщина индийская не касалась меня рукой. Были взоры зовущие, но зовущие вообще, а не куда-то конкретно. Больше вопроса, чем предложения в этих глазах. Так и я могу, звать вообще. Говорят у нас: сүйек жанғырту («возродить кость, кровь, родство»). Тюркская сторона в моем лице готова прийти к соглашению.

Сегодня утром (до открытия павильона) я вел записи в дневнике. Поднял голову, услышав вопрос директора: «А подсветка-то будет гореть?» Увидел глаза его, полные нескрываемой неприязни. В них не было и тени уважения к увлеченному состоянию, естественного уважения любого образованного человека к самому состоянию, когда кто-либо держит в руках бумагу, пишет на ней. Я видел полыхающие яростью глаза варвара, у которого один вид бумаги вызывает спазмы, приступы озлобления. Поднялось во мне желание встряхнуть его. Так бы, наверное, и сделал. Возможно, он это почувствовал. Развернулся и быстро отошел. Я включил подсветку, сел снова за дневник.

А в груди еще долго вскипал лихой, бесшабашный гнев. Пока такие люди имеют доступ к власти, об интернационализме речи преждевременны. Какая мутная стихия выплескивает их снова и снова на гребень нашей судьбы? Не достаточно ли – 16-й год, разгул разноцветных казачьих банд в годы Гражданской, Голощекин, Ежов.

В павильоне оказались нарядный Саксена и усталая после длительного круиза по Европе Дургавати Сингх. Посидели в office. Саксена говорит, что описал наш диалог в статье. Дургавати уезжает в Лакхнау («to kiss my children»¹). Затем вернется. Пригласили на 13-е на целый день в гости.

7/XII. Ночью дежурил с Астафьевым в павильоне. Многократно выиграл у него в шахматы. Играл не то чтобы хорошо, но собранно. На него произвело впечатление, что я не только «слышал о таком заведении – ИВЯ», но и учился в нем, и даже окончил на два года раньше. Прост и сер он, выглядит много внушительней. Спал я, завернувшись в шубы, предварительно сняв их с манекенов, на родном, неудачном ковре среднеазиатских кровей.

С утра поехал вместе с группой в Национальный музей. Великолепен. Скульптура (купил много комплектов фотографий).

Это был очень хороший день. Так оценил я его ночью, перед сном.

Поехали после обеда с Девендром на скутере в центр города, на Sanat place. Заказал костюм. Не спеша, не привлекая внимания, прошлись по Sanat. Заглядывали во все лавки, магазины. Поговорили с хозяином китайского магазина на китайском. Очень он удивился, узнав, что я из Союза. Продает красивые, безумно дорогие китайские картины на шелке, бамбуке, фарфоре, бронзу. У ювелира купил крохотный, как слезинка, лунный камень. Чистильщики обуви вели себя прилично. Набрасываются, видимо, на явных иностранцев. Праздничным было посещение тибетского базара. Торговцы тибетского происхождения, много подделок, бутафории, но есть и настоящая, старая бронза. Купил у них три фигурки. Не знаю, насколько они ценны. Торговался, сбил немного цену. У старой женщины взял ожерелье из агата. Мне нравится. Темно стало, зажглись керосиновые лампы. Лавки выглядели очень красиво. Сандал, серебро, бронза, тысячи разнообразных штучек. Недалеко от тибетского базара respectable государственный магазин с твердыми ценами. Там покупки в аккуратном уложенном виде выдают при выходе. Много настоящего золота, серебра, хрусталя. Оформлено необыкновенно хорошо. Взял у них шапку меховую (snow cap). Будто надышался густым запахом наваристого бульона. Вошли, как иногда прежде, в меня ароматы Дели в этот день.

¹ «Чтобы поцеловать моих детей».

8/XII. С утра сел писать текст своего выступления в культурном центре Советского посольства в Дели. Проверил текст на Девендре и Кум-кум. В зале было много индийцев. Встретили нас тепло.

9/XII. Мне понравилось выступать на английском. В следующий раз сделаю это лучше. Текст получается продуманный, наполненный ответственностью за все слова. Нет отвлекающего внимания словесного декора. Есть чувство свежести. Нужно совершенствовать свой английский. Расширить теоретическую терминологию.

Овладеваю умением делать переходы, связки. Раньше с этим было похуже.

Нужно дать больше свободы способности своей моментально выстраивать в голове общую композицию. Эскиз набрасывать, не заботясь о переходах. Они придут. Но язык мой утяжелен. Два выхода: либо шлифовать до олжасовского блеска порой ненужные, но звучные слова, либо – плести спокойную, ровную вязь слов, дающих наибольший простор ходу мысли. Второй путь мне ближе, но и нелегко отказаться от эпидемической привязанности к сильным, полнокровным словам.

Осталось десять дней пребывания в Дели, на индийской земле. У меня солнечно на душе. Не хочу быть здесь ни дня больше, ни дня меньше. Вдыхал Индию глубоко, с удовольствием. Хорошо, что на свете существует не один большой народ. Их несколько, и именно потому возможно жить и развиваться народам небольшим. Дипломатическое равновесие в отношениях между сверхнациями, не нарушаемое войной и приступами «братства», – вот что гарантирует малым народам жизнь и процветание. И не только им, но и самим сверхнациям.

Понимают ли Ануар и Олжас, какое важное, глубоко патриотическое дело затеяли они, став локомотивами V конференции? Или только чувствуют, но не отдают себе полный отчет? Есть разные уровни понимания, есенберлиновский, например. Для него это просто удобный случай подняться на гребень. Олжас, мне кажется, больше рассчитывает на то, что ситуация конференции будет стимулировать внутреннюю активность нашей интеллигенции. Я считаю самым важным то, что мы, в связи с этой и подобной конференциями, становимся обозримыми, попадаем в поле зрения мировой общественности. Если выход будет удачным, нас не скоро забудут. И это даст нам возможность еще посражаться.

Исполнение национального долга синонимично исполнению долга интернационального – вот мысль, которую внушает Олжас всеми своими поэтическими и публицистическими декларациями. Это формулировка переходного периода – от «инобытия» к обретению нового национального бытия. Подобного рода афоризмы, при всей бесспорной правильности своей, и взрывоопасны, и рыхлы. Они раскрепощают, дают свободу индивидуальной воле, но не определяют сущности общественного развития, не формируют целенаправленную деятельность коллектива или общества. Эволюции одного поколения интеллигенции (от эмбриональных уровней национального самосознания) достаточно для того, чтобы проследить, как игристая пена первых слов выдыхается, перестает отличаться от застойной водички лужиц. Достигается один значительный эффект – мы не хотим больше кормиться плесенью, оттого что узнали вкус иных вод. Но до самых родников еще добираться. И здесь общие лозунги, склонные к компромиссу, объективно – к торможению, оказываются не только непригодными, но и пер-

вейшим препятствием на пути. Чтобы выбрать направление, нужно избавиться от соблазнов брожения.

10/XII. Накануне был чудесный вечер. Вместе с другими среднеазиатами был в гостях у Рано, вышедшей замуж за индийца.

Просторный одноэтажный дом (недалеко от Indian Radio). Много комнат. В каждой – камин, вентилятор. Неловкости при входе в дом не возникает, потому что все малознакомые люди оказываются мельче превосходных картин, развешанных на всех четырех стенах прихожей. Автор – сама Рано. Сюжет – восточный и мировые сюжеты (скорбь, горе, любовь). Много цветовой символики и символики рисунка. Отличаются ее работы от тех, что выставлены в музее современного искусства, и большей глубиной мысли, и большей смелостью. Рано органично восприняла индийскую свободу изображения чувственной линии. Фархад, сюжеты из «Шахнаме», три лица Фархада: воин, мудрец, мирской человек. Одну из ее работ купили за пять тысяч рупий – оценка очень высокая по индийским условиям. Муж был политическим деятелем. Сейчас добродушный, гостеприимный хозяин дома, в котором собираются писатели, художники, кинематографисты, актеры и даже спортсмены, журналисты. Была восхитительная, тонкая, как олененок, певица и танцовщица. Пела печальные песни, муж аккомпанировал. Хорошо пел Мирхайдаров, создавал акустический эффект маленькой тарелочкой, которую держал, меняя позиции, у рта. Смотрится это очень хорошо. И голос оказался у него приятный. Я, естественно, не мог представить песенного искусства казахов. Хотя они прозвучали бы в этом доме, на этой земле очень уместно. У Рано трое детей: две девочки возраста примерно двенадцати-четырнадцати лет, сын лет девяти-десяти. Красивые, полные жизни дети. Я подарил Рано при расставании книгу аль-Фараби, сказал, что были времена, и они никогда не проходят, когда человек может стать большой личностью и вдали от родины. Увидел я и почувствовал, насколько близки и взаимоприемлемы культуры (и быт) узбеков и индийцев. Муж Рано сказал, что слово «урду» образовалось от тюркского «орда». Это воины моголов, заговорившие на языке, в основе которого лежала индийская грамота, но лексика была преимущественно тюрко-персидской.

Первые человеческие слова произнесла Ева. До этого были только божественные слова. Ева оправдывалась. С тех пор реки оправдательных слов проистекли из уст человеческих. Писатели в большинстве своем по натуре – женщины. Оправдываются в грудах макулатуры. Литература «чувства вины» вся выросла на этом оправдании автором себя как человека и человека вообще. Достоевский был горестной и стоической рано овдовевшей женщиной, по вине которой ушел из жизни муж. Оправдывание – одна из условностей, для нас необязательных, современной художественной литературы. Мы должны перекраивать мир словом так, как это делали боги. Уверенно, без условностей. Такова поэзия, вся литература тюркских кочевников. В ней нет чувства вины. В этом отличие ее от западноевропейского экзистенциализма. Нам нет дела до груза прежних отношений. «Образоваться» в европейском духе нам нужно было только для того, чтобы понять его ограниченность, его хорошо различимое убожество. На это не следует тратить много времени. У нас другой путь, другие задачи. Нужен единственный экспрессивный выход нашего критического отношения к галилеям, к этому типу жизнестроения. Надо повернуть Абая лицом к Мекке.

Сегодня столпотворение у входа в павильон имело трагические последствия: 58 раненных, из них четверо – дети.

II/XII. Литературная академия им. Р. Тагора. (Rahman – архитектор, очень известный, муж знаменитой танцовщицы.)

В этом здании три академии.

– Музей музыкальных инструментов.

– Музей кукол.

– Музыкально-драматическая академия.

Fine arts Academy¹. 17 лет назад была образована эта академия. Первым президентом был Неру (10 лет). Ratha Кришнан – в настоящее время.

Какова роль Литературной академии в современном литературном процессе?

«One and many»² – объединение. Лотос, рука, музыкальный инструмент со многими струнами, 14 языков, но это одна литература, мы переводим с одного на другие языки. Есть консультанты по каждой литературе (с двух сторон). Перевели, например, Достоевского «Идиот», Толстого «Война и мир» на панджаби. Много переводов соцстран: Югославия, Монголия, Румыния, Венгрия. Академия координирует эти переводы. Рекомендует (для ЮНЕСКО, например).

Перевод. Премии (700 рупий за лучшие книги на 15 языках).

Проведение юбилеев, конференций (например, юбилей Ленина провели в Калькутте и других городах). 15 страниц о влиянии Ленина на литературы Индии. (Г-н Мачве работает здесь последние 20 лет. Был профессором, но оставил колледж, пришел сюда «to do this national work»³.)

В этом здании прекрасная библиотека (40 000 книг), музей музыкальных инструментов (разнообразие временное, географическое). Целый раздел инструментов, похожих (однотипных, до полного сходства) на кобыз. Гид знает, что такое кобыз. Есть инструменты явно могольского происхождения (карнай, зурнай). Музей масок. Во дворе здания – открытый театр. Ставят Лорку, Беккета, Чехова и многих других, особенно современных западных драматургов. Литературная академия объединяет писателей, которые здесь же могут поработать в библиотеке, побывать на репетициях драматических актеров, прослушать любую музыку в зале прослушивания, осматривать работы художников, скульпторов. Здесь и этнография, и история, и национальные сокровища (духовные). Атмосфера что надо.

Рядом – Университет Дж. Неру.

Кабинет Мачве прост, изящен. Кругом драпировка из циновок, циновка на полу. Ощущение легкости. Плетеные кресла. Вентилятор, на полу электрический рефлектор. Мачве деловит, вежлив, много, но сочно болтает. После чашки чая сложили в портфель отобранные книги по литературе Индии, поехали в International Doll's Museum – Международный музей кукол. Закрыт (понедельник). Зашли к редактору издательства детской литературы. Издает на английском главным образом (не только на Индию, но и на весь мир) и хинди. Качеством бумаги и репродукцией не блещут. Отобрали по несколько сравнительно неплохо иллюстрированных книг. Вначале вроде хотели продать нам их, затем редактор застенялся и, особенно после встречи с известным по всей Индии Шанкармом,

¹ Академия искусств.

² Одно из множества.

³ «Делать эту национальную работу».

главным человеком в этом мире кукол и детской литературы, стал не деловит, а гостеприимен, презентовал нам по шесть-семь книжонок. Музей кукол восхитителен. Куклы из семидесяти шести стран мира, причем в разделе каждой страны представлены еще и ее регионы или республики, как в разделе СССР, например. Четыре казахских куклы уютно устроились в волшебном мире, где все жители в лучших и самых характерных для себя нарядах, в типичных позах. Хороши корейские, испанские куклы (пленительная красота, грация, пластика), остроумны французские куклы. Двадцать четыре года Шанкар, любимец Неру, собирает эти куклы со всех концов света. Расставили их очень хорошо, с юмором, теплотой. Очень человечный, добрый музей.

Поехали домой к Мачве. Квартиры этого дома распределял сам Неру. Второй этаж. Просторная квартира, но очень проста. У меня от этой встречи осталось двойственное впечатление:

- 1) Мачве гостеприимен, принял лучше, чем можно было ожидать;
- 2) Мачве не из тех, кто ищет. Во всем уравнился. Даже в том, что он называет «this national work».

Второе обстоятельство вынуждает остаться равнодушным ко всем достоинствам Мачве и безболезненно о нем забыть. Не захотел он вернуться к алма-тинскому разговору.

12/XII. Сегодня особый день. Переводчицы взяли выходной. Я стою в разделе Казахстана один. Первую половину дня выстоял. Временами чувствовал, как дрожит, трепещет натруженное горло. Научиться бы говорить на дыхании. В Индии много хороших ораторов. У нас ораторское искусство бытует в народе, но не на уровне собраний, конференций, встреч, решающих дело.

Градов Юрий Николаевич отвез в гости к себе в дом. Страничка жизни советских сотрудников в Дели. Приехали межкнижники из Бомбея и Мадраса. Жена Градова, Галя, хорошо танцует «Былкылдак»¹. Сам Градов хорошо поет песни Вертинского и Лещенко. Очень тепло вспоминает Юго-Восточный Казахстан. Отлично помнит названия мест, перевалов, дорог вокруг Сары-Озека. Теплые, прочные воспоминания. Предвоенная и военных лет Алма-Ата. Апорт. Международная конвенция по авторскому праву. Интересно послушать было об этой особой жизни книги из уст тех, кто ее проталкивает за рубеж. Получил в дар Библию на русском («Новый завет»). Танцы. Обильная закуска. Хорошая выпивка. Долгая езда по ночному Дели. На улицах нет людей ночью в Нью-Дели. Очень своеобразный человек Градов. Седой, волосы ежиком, рослый, крепкий. Влюблен в горную Азию. Тоскует о высотах. «Не может быть плохим человек, видевший наши горы».

13/XII. Жду звонка Саксены. Видимо, не дождусь. Все звенья до сих пор срабатывали. Сегодня свободный день. Жаль, если встреча не состоится.

Просьба Саксены: выслать стихи О. Сулейменова и других поэтов на русском языке. Чтобы можно было издать в Индии. Все аспекты современной казахской поэзии.

Самые лучшие часы дня были в номере. Читал вслух, в присутствии, Библию. Давно, давно не испытывал такой полноты увлеченности, как дважды в этот день. «Очнулся» – это случилось со мной дважды.

¹ Казахский танец.

Вечером был аристократический прием в клубе Б. С. Сингха. Шел трудный, долгий диалог с Саксеной. Продолжили в «Rajdoot». Говорил я об историческом жанре: содержание и значение. С Саксеной трудно говорить, он имеет искаженное в сторону чрезмерной драматизации представление о нашей ситуации, литературе. Говорил я ему: писателям совсем не трудно быть критичными по отношению друг к другу. Труднее найти общий язык, стать сподвижниками. Не нужно постоянно акцентировать свои преимущества. В масштабе актуальных проблем, которые необходимо решать совместно, это – крохотные преимущества. Саксена – один из немногих зарубежных литераторов, питающих устойчивый уже интерес к Казахстану. Лишаться его – чрезмерная роскошь. Но если он останется в своих предубеждениях, лучше не иметь такого «друга» нашей литературы за рубежом. Печально, очень печально заговорил он вдруг перед расставанием: «90 % моего народа – неграмотно. Я пишу для 10 %. Но многие – читают на английском и не читают на хинди». Мне вдруг стало тяжело от этих слов. Ощутил, каково ему.

Образованное общество. Надо продумать хорошо, что это такое. Грамотность еще не означает образованность.

14/XII. Утром смотрел документальные индийские фильмы. Индийцы видят многообразие, но не в состоянии уловить целостность. У них-то и нет концептуальности, не ощущают процесса. Единое у них слишком общее, сверхсумма частных. Такое единое уходит за пределы осмысления, перестает быть видимым, осязаемым. Фильмы однообразны. Единственный фильм понравился мне: об Амрите Шер Гил. Картины ее, поданные режиссером, впечатляют больше, чем в натуре, в музее современного искусства. Родилась Амрита в Венгрии, мать – венгерка, отец – индус. Училась изобразительному мастерству в Париже. Ею сказаны слова:

«В Европе – Пикассо, Гоген. Индия принадлежит мне».

Пришла в павильон Дургавати. Сам не ожидал, что так ей обрадуюсь. Вчера не было точки в расставании. Сегодня эту точку я поставил решительно. Сказал прощальные слова. Все звенья сработали нормально. Осталось одно – благополучно и не задерживаясь добраться до дома.

Стабильными в Индии были два обстоятельства: хорошее, регулярное питание и бесконечная очередь вокруг павильона.

Дистанцию в пятьдесят пять дней начал, проходил и завершаю один. Пройду, пройду мимо всех, буду идти, ни о чем не сожалея.

15/XII. Поехал со всеми на очередной базар. За слишком дорого купил сари и кольцо. В York никого не застал, опоздал, ждали меня пораньше. Много легче стало, когда взял да и растратил в одном магазине все деньги. Купил дорогие, красивые подарки. Немного, к сожалению. Придется ломать голову, как распределить. Осталось написать отчет и дожить, не голодая, последние дни.

16/XII. Дважды вернули отчет. Первый раз «завернули» за «критицизм», во второй – за «лиризм».

Событием дня была, конечно, встреча с членом парламента, летчиком, писателем (автор более 30 книг), ученым-физиком, владельцем персонального самолета

и многих домов в различных уголках Индии (восточных) господином Синха. Неоднократно встречался с Горьким, со Сталиным (рассказал о 8 ноября 1932 г.), с Хрущевым. Друг Неру. Участвовал в операции «Бангладеш». Влияет на политический климат в стране и на строительство тех или иных оборонительных линий, промышленных предприятий. Хорошо помнит Среднюю Азию, Казахстан. Участвовал в итало-абиссинской войне. Владеет английским, французским, норвежским, русским, югославским, итальянским, рядом языков Африки, языками Индии. Родной язык – хинди. Руководит лабораторией по изучению радиоактивности пород. В нем много, на мой взгляд, невольного гуманитарного авантюризма.

17/XII. Последний день выставки. Завтра – официальное закрытие. Ночью (в ночь на 19-е) улетаю в Москву. Покончил с делами делийскими. Пока жил здесь, ребят вспоминал не часто, только собрался в дорогу – потянуло к ним. Отчет мой приняли. Нариман устраивает прощальный ужин. Расстаюсь с выставкой без сожаления. Устать не успел. Но и дальше быть здесь не имеет смысла.

До свидания, Дели, Индия!

ПОКАТИЛОВКА 1973 год, апрель-май

Когда я собрался в эти очередные бега, мой друг Булат Каракулов подарил мне автореферат своей кандидатской диссертации с трогательной и многозначительной надписью: «Дорогому Мурату в день его рождения». Датирована надпись 20 апреля 1973 года. Булат знает прекрасно, что родился я не в апреле, а в январе, но счел необходимым подтвердить свою солидарность со мной, согласие с моим уходом, назвав день моего побега из дома, из Алма-Аты, день разрыва связей с прежней работой, с друзьями и с общественными организациями днем моего рождения.

И вот уже две недели торчу в архаичном селении, в мало изменившей свой облик и существо казачьей станице. Здесь полно людей с глазами небесной синевы, речами сочными, но грубыми, мыслями точными, но уж очень конкретными. Впрочем, я их мало знаю. Вокруг селения – зеленеют прилавки, чуть дальше, к югу, цепь белоснежных гор, за которыми – Китай. Множество речек сбегают с гор, в них водится форель, которую здесь именуют царской рыбой и ловят очень просто, без ухищрений, загоняя гремющей по камням и мелкому дну палкой в расставленные в узких горловинах вод сачки. На склонах зеленых холмов много грибов, особенно сейчас, в период весенних дождей. Отваренные, а затем обжаренные в масле грибы эти необыкновенно вкусны. Барбариса в горах так много, что даже сейчас, по весне, можно набирать мешками терпкие, кислые ягоды прошлогоднего урожая – ни люди, ни птицы справиться с ним не смогли. Щедрый, щедрый на всевозможные ягоды, на съедобные травы, на дичь здешние горы. И живут они своей красивой, природной жизнью, мало огорчаясь присутствием пограничных застав, казачьих селений, а одиноких пасечников – так тех просто ласкают. Пасеки гнездятся в живописнейших местах, на берегах чистейших, говорливых речек, рядом, как правило, причудливой формы скалы, мягкие, несуровые, и всё вокруг изнемогает от душистого запаха липы, цветов, всевозможных

трав, хорошо известных дружно и сыто гудящим пчелам. Небо – ясное, голубое, когда смотришь пристально в зенит, оно грозно, стремительно густеет до темной, чернеющей синевы. Там, в глубинах, төр¹ жилища Тенгри.

Уехал из города в сверкающем, мощном «Икарусе». Где-то на половине пути возник Сарыөзек. Там впервые почувствовал я близость границы. Множество военных, не парадно, а буднично, давно и надолго расположившихся здесь. Городок разлегся на холмах и в долинах между ними. С одного из холмов ясно видна величественная цепь белоснежных гор, подпирающих пограничное небо.

Земля Покатиловки щедра на таланты. Здесь пишет стихи Ардак², пишет картины А. П. Белов, старый товарищ и антагонист Қалжана. Отсюда вышел Куман Тастанбеков³.

Случайно встретились с ним в клубе. Он с детства рос здесь, приехал перевезти в Алма-Ату престарелых родителей. Я видел здесь довольно много молодых казахов, по типу лица и манерам похожих на него. Он – чуть крупнее и четче (в чертах фактуры) их.

Я привез с собой диссертацию Акатаева, на которую должен был написать оппонентский отзыв. Писал отзыв не спеша, понимая, что это последняя акция в моей научной карьере. Растягивал я прощание с наукой до 1 мая, а в это солнечное, красочное нарядами покатиловцев утро взял да и написал на листке бумаги: «My birthday» – день моего рождения. Но именно этот день вполне мог стать моим последним днем.

Внешне все выглядело крайне нелепо, как выглядит любая трагическая случайность. Человек десять учителей покатиловской школы, в основном молодые, выехали в горы. Расположились у подножья скал, недалеко от пасеки – ловили рыбу, собирали грибы, затем собрались вместе и стали есть и пить. Плоские шуточки, старые анекдоты. Забрались в грузовичок, вернулись в село. По дороге я немного кощунствовал, говорил о талантах земли покатиловской («ушибленные звездой»). Заржали мужички и бабы, уловив – «пришибленные». И прежде, за скатертью, кощунствовал я, ел ветчину, свиную колбасу домашнего приготовления, моченый арбуз ел вместе с корочкой – вкусно, но чужое. Лихо со всем справлялся, как с врагом. А стал выбираться из кузова и упал. Падал опасно, спиной через задний борт вниз головой. Но лишь слегка пришибла меня не звезда, нет, а земля, почва Покатиловки, к счастью, без единого камня в том месте, где мы остановились. А камней в селении множество, речки здесь бурные, что ни весна, то вскипают, несут и несут песок и камешки, среди которых экземпляры величиной с выставочный арбуз – не редкость.

И подумал я: упал, разбился, ну и слава богу! К этому шел. Все случилось быстрее, чем я думал, и лучше: безо всяких хлопот с моей стороны. Камня под машиной не оказалось потому только, чтобы дать легальность духу моему, чтобы продолжал он быть среди людей.

Погибло тело, погиб рассудок, и с ними все, что так вязало руки и чувства. Рассыпалась в пыль память о прошлом. Ничего и никого не помню. Начинаю новую жизнь. Умываюсь утрами водой из ручья, пью ключевую воду, ем хлеб и мед, запиваю парным молоком.

¹ Почетное место.

² Ардак Еженова – поэтесса.

³ Куман Тастанбеков – артист кино и театра.

И все же постараюсь вспомнить все, что было. Буду делать это либо на лесном кордоне, либо на пасеке.

1/1. Нужны легкие на подъем люди. Таких немного. Наши условия лишают человека именно этой способности – умения быстро, легко, без сожаления расставаться... Нет большей ценности, чем благо пути, чем радость движения. Так ли уж тесно на земле? Конечно, ушедшие и живущие поколения заполнили все. Нет дома, нет семьи, которая могла бы без ущемленности принять в себя странника. Пустота есть там, где есть неблагополучие. И там, где есть неискоренимая, народная по природе доброта.

Белов – вернулся к Верещагину, и не только в картинах.

А-р Павлович Белов, 1938 г. р., директор школы, преподает рисование, художник, скульптор. Методику уважает новую. «Новая школа». Строг в обращении с учениками. Работал в комсомоле (районного масштаба), теперь – в школе, но главное дело – изобразительное искусство. Располагает кабинетом рисования и крохотной, но всем необходимым оборудованной мастерской для работ над скульптурами. Большое число картин своих (пейзажи, натюрморты, портреты) развесил на стенах фойе, спортивного зала школы. Многие ученики его хорошо рисуют. Гордится работами детей. Детство провел под Новосибирском (около 50 км, ж/д станция). Суховат в обращении, самостоятелен, себе на уме. Свою линию гнет мягко, тактично, но упорно. Человек со сложившейся и проверенной мерой ценностей. Довольно точен в оценках Калжана и Макума. Формулирует о Калжане то, что мы иногда высказывали в кругу друзей. Говорит, что старается избегать рискованных, непредвиденных ситуаций, но чувствуется, что в переделках различного рода ему бывать приходилось, и выходит он из них в общем-то с честью. Нынешнее свое положение воспринимает как благо по сравнению с тем, что имел. Трое детей – две девочки и мальчик Петя. Жена Валентина, тоже учительница, преподает в младших классах. Старая женщина в доме – его тетка, хорошо вспоминает Сибирь. Богатая библиотека дома, книги – читанные. Питаются вкусно, разнообразно, просто, основательно. В разговорах со мной немножко старается, без особой охоты. Проще, точнее и красочней говорит с покатиловцами. Чувствуется, с ним здесь считаются, возможно, уважают, но вряд ли любят. Хотя и отвоевал себе право на индивидуальную манеру поведения, но это все же индивидуальная, не совсем понятная манера.

Хорошо, в деталях, знает некоторые страницы истории. Свою особую концепцию всеобщей истории вряд ли имеет, потому что и существующая, официальная ничем его не возмущает (его педагогическая профессия – историк). То же самое и по отношению к государству. В чем-то критичен, хотя и не фрондирует этим, но в целом принимает все как есть, не без внутреннего одобрения.

Казахов терпит, но глубоко в себя не пускает. «Басы тесік», пожить среди казахов ему довелось. Знает кое-какие обычаи, но в чисто русском стиле этого знания – внешне, при казахах, уважительно, но и при этом с не так уж тщательно скрываемым пренебрежением.

В художественные работы свои верит, выставляет их и в Сарканде, и в Алма-Ате. Верит в свои силы. Собирается организовать персональную выставку в Алма-Ате, готовится к этому очень серьезно, не спеша. Думает, мне кажется, подвести итог внутреннему диалогу с художниками-друзьями прошлых лет. Кое-кого из них он здесь, в Покатиловке, как полагает, давно уже переплюнул. Тщательный

ремесленник, удаются характеры, образы. Хотел бы в своих работах видеть способность их будить мысль. Я этого достоинства не вижу, но оттого, наверное, что мы по-разному понимаем мысль, ее сущность и назначение. Возможно, другие увидят. Во всяком случае, это будет необычная выставка. У Белова, как это ни парадоксально может прозвучать, все преимущества. Кроме одного: у него нет одухотворенности новой общественно-актуальной идеей. У Калжана и Макума есть чем в этом смысле быть согретыми.

Это значительный человек, нацеленный отнюдь не на прозябание. И он многого достигнет, если только, вопреки здравому правилу своему не рисковать, не сорвется, не одолев в себе по природе ему свойственного желания рискнуть.

4/V. С утра моросит дождь. Сажу за столом Ардак. Рядом – ее черный телефон. За окном – набухла почками яблонька. Из окна виден краешек Марки, горы-хозяйки покатиловских холмов. Айдар говорит о ней: «Великан!» Вчера с утра мы двинулись в путь. Шли на Марку (Марка). По дороге собирали грибы. Нам везло. То и дело Айдар радостно восклицал и срезал один за другим крепкие, без единой червоточинки грибы. Из-за бугра поднялась стая диких голубей. Пожалели о том, что нет у нас ружья. Подошли к подножью Марки и поползли по одному из хребтов к вершине. Долго карабкались, останавливаясь время от времени, чтобы перевести дух, набраться сил и осмотреть все расширяющуюся панораму. Где-то с середины горы, стоит только оглянуться, видны селения всей округи: «Энергия», Сарканд, Тарас. Аман-Бухтер, правда, скрыт за холмами (близкими). Поднялись на Марку, отдышались. Внизу сереет Покатиловка, а у самого подножья горы – застава, та самая, что не пускает меня на лесной кордон. В случае необходимости можно махнуть по хребтам да лощинам. Но дождусь лучше письма СП. Спустились по среднему хребту Марки, крутому, похожему на гигантское яйцо. Набрали много кислинки (лопуховой), столбовая кислинка еще не выросла, хотя и молодые побеги очень вкусны. Айдар дважды едва не согрешил: хотел пустить под гору камень, хотел поджечь травянистый склон. Отговорил, удержал я его. Впрочем, и не стоило это больших усилий, он сам охотно согласился. В награду мы получили от Марки роскошный, огромный (даже Айдар восхитился) гриб. Вполне дружелюбно растались с Маркой, но дальше началось что-то непонятное. Стремительно набежала огромная черная туча, стало темно, как поздним вечером. Надвигалась сильнейшая гроза. Впереди, рядом, была пасека, но войти туда мы не решились: огромный пес непрестанно и яростно лаял. Чуть ниже по ложине оказался деревянный дом пастуха. Едва заскочили мы в него, как грянул гром, на землю просыпался крупный жесткий град. В доме, когда мы зашли, в испуге заметались ласточки. Минут через пятнадцать-двадцать зашел в дом и сам пастух – молодой парень, казах. Не очень удивился, увидев нас, но и тепла особого не проявил. Во всяком случае, мы почувствовали себя лишними, не ко времени забредшими. Потому не стали долго раздумывать, сняли носки, на босые ноги надели кеды, завернули штанины и пустились бегом в сторону Покатиловки. Было очень и очень нелегко. Кеды скользят или проваливаются в свежую пахоту. Хлещет по спине, по голове холодный дождь, сильнейший ветер, так неожиданно пригнавший грозовую тучу, продувает насквозь. Но мы бежали дружно и даже весело, представляли себя заключенными, которым удалось вырваться из тюрьмы. Помогали друг другу, как могли, подбадривали кусочками бодрых знакомых и незнакомых песен. Однажды

даже обнялись, прижались друг к другу, и, действительно, стало как-то теплей, хотя были мы оба мокрыми до ниточки. Бежали по холмам, через ручьи, по пахоте, через колючие кустарники, по скользкой и острой траве. Наконец показалась Покатиловка. И с вершины последнего холма прокричали мы дружно: «Да здравствует Покатиловка! Да здравствует Баскан (речка, бурная, светлая, сильная)!»

Вечером обсыхали, грелись, жарили грибы по новому методу (чтобы были нежные, а не как кусочки антрацита).

Марка нам дула в спины? Она нас выдувала? Материнский гнев? А падение из кузова – гнев отца? Прощение? Да!

Надо сосредоточить внимание на одной проблеме. Жизнеописание в покатиловских условиях не получится. Да и ни к чему это. Впереди есть еще годы. В самоанализе нет необходимости. Можно далеко уйти, да так и не выбраться. Ни познавательного, ни делового интереса в этом не вижу. Ушел на сей раз не оттого, что надломлен. Для того, чтобы собраться с силами и бить отныне в одну точку, не расплываясь. На это времени осталось совсем немного.

Кто силен сейчас среди казахской интеллигенции? Что есть и что нужно? Почему начался «Жас тулпар»? Почему имел он такую популярность? Почему так быстро сник?

Художественная литература по роду, по жанру своему рыхла, мелодраматична. Философия – тяжела и, в конечном счете, безнадежно тупа.

Недопустимо тратить время на лиризмы, сарказмы и прочие куриноголовые штучки.

Унизительно – заботиться о занимательности.

Буду писать голую, жилистую правду, жесткую, как усы хама.

5/1. Разгуливая по горам с Айдаром, я вдруг понял, что застрял в своем развитии где-то в возрасте пятнадцати-шестнадцати лет. Тогда я наловчился рассказывать полулегенды, полубыли. И с тех пор, чем бы ни занимался, в стиле, в логике был склонен к полутонам. Во всем, что говорил, было больше смутного обещания, чем истины. Не лучом, а широким, рассеянным полусветом скользил по окружающим и сопутствующим предметам, ситуациям, людям. Открылась мне широкая панорама судеб, но ни одна из них не стала моей болью, моей радостью. И вот – к тридцати годам я не имею места, к которому был бы привязан, не имею профессии, долг перед которой исполнял бы с честью и удовлетворением. Служба, родственники, друзья, женщины – я все это имел с той мерой избытка, в которой теряется ощущение подлинной ценности. Потому и расставался со всем, что имел, легко. Я был, вульгарно говоря, богат, состоятелен. Сейчас – не имею ничего, кроме пары одежды, электробритвы, двух шариковых ручек и набора карандашей. Денег осталось так мало, что продержаться пять-шесть месяцев смогу, только соблюдая режим строжайшей экономии. Есть, правда, еще отцовский гонорар за издание собрания сочинений в Москве, но эти деньги начнут поступать не раньше второй половины 1974 года. Да и потратить их я решил на завершение надгробного памятника матери. Это мой долг и тот моральный порог, переступить который я не решусь ни при каких условиях.

Долгое время надежной поддержкой мне было доброе имя отца. Наступает пора расплаты. Здесь-то я перешел запретный порог, выступив публично с обидными

для памяти его словами о декларативности его научных изысканий, о заведомой неискренности его умозаключений. Но что делать, если таким предстает он в работе Есбаева. Что делать, если передо мной стоит совсем другая задача – вернуть тюрку суверенность духовного мира.

Старик Еженев, «дед», как называют его все ученики, и казахи, и русские, говорит: «Өзімнің қолымнан ештеңе келмесе де... Мен де қазақтың бір шалымын ғой. Жазарынды жаз. Жағдайыңды жасармыз»¹. Когда-то Жания говорила то же самое: «Жазарынды жаз». Советай Садыковна с тем же пожеланием каждое утро (в пять часов!) и каждый вечер приносит мне парное молоко, старается избавить меня от всяческих хлопот по дому. Дело здесь, видимо, не только в уважении к письму, в общем-то характерном для казахов. В разных слоях народа, особенно среди людей старшего поколения, существует смутное, безотчетное представление о чем-то еще ненаписанном, толком невысказанном. И когда кто-либо похож на того, кто это может сделать, эти старики ничего не жалеют, благословляют, а по существу – требуют. Попытки говорить «за народ» должны предприниматься, и без всякого ложного чувства скромности. Это естественный долг наш. Выполнять его нужно без ужимок, добротнo и просто. Этого требуют от нас время и ситуация.

Тэте (моя мать) была мужественной, стойкой, волевой женщиной и в расцвете сил, и в последние дни жизни, когда, исхудавшая, ослабевшая, умирала от тяжелой, затянувшейся болезни. Я чист перед ней, все дети ее материально обеспечены. Памятник я обязательно дострою. Ни перед кем я не склонял головы, как требовала она того от сыновей своих. Вторую половину жизни я посвящаю ее памяти. О русских она говорила: «Олар аюдай, байқа, балам!»² и еще: «Аз елдің азаматтары өсе бергенде, бастарын орып алады»³.

7/У. Вчера был воскресный день. С утра позировал Белову. Необыкновенно трудолюбив. Нелегка работа скульптора. «Скульптура позволяет глубже узнать форму». Заметно гордится своими скульптурными работами. Приглашал посмотреть свои картины, гораздо менее при этом вызывающ, возможно, оттого, что более за них спокоен.

В доме никогда не выключают радио. Голосит на полную мощь, и, странно, меня это ничуть не раздражает. В Алма-Ате я терпеть не мог шумов в доме. Здесь же все – и радио, и голоса множества детей, хорошо слышный лай собаки, кудахтанье куриц, сильные вскрики гусынь – звучит приемлемо. Потому, видимо, что нет других шумов. Невдалеке, метрах в двадцати от дома, бормочет горная река Баскан, посвистывают птички. Машины сюда не заезжают, автобусы и прочий автотранспорт вижу издалека, мешают не больше безмолвно ползущих жучков.

Вчера в полдень отправились с Айдаром на рыбалку. Ловили на местный манер – сачком. Прошли километров восемь вниз по реке, то и дело погружаясь в весенние воды по пояс. Было много солнца, свежайшего воздуха, и неотступно следовала за нами величественная панорама гор – зеленые ближние холмы с редкими пятнами снега и серебристо-дымчатая цепь скалистых пирамидальных вершин. Из синевы их, казалось, и выпрыгнуло небо и упруго вытянулось через весь открытый до-

¹ «Хоть сам я уже ничего не могу... Но ведь я тоже один из казахских старцев. Пиши, что задумал. Условия создадим».

² «Они как медведи. Будь осторожней, сынок!»

³ «Как только подрастают достойные люди малого народа, они, как косой, сносят им головы».

лине свод. Здесь, как нигде в другом месте, чувствую я необычайно пластичную и динамичную силу неба. Оно обнадеживает и позволяет взглянуть на мир, на прошлое, на настоящее спокойно, несуетно, задумчиво и деловито.

Удачи в Баскане мы не имели. Но в полной мере были вознаграждены, взяв немного вправо, к середине светло-зеленого теплого луга, взрезанного бороздкой неширокого, по-весеннему мутного ручья. Наловили в нем уйму пескарей. Айдар выбрасывал мелочь в воду – «Пусть подрастет!», съедобных рыбешек заботливо складывал в целлофановый мешок. У него, как и у многих здешних казахов, забавный казачье-украинский говор. Казахским владеет хорошо, но предпочитает славяно-покатилловский жаргон.

На днях молнией убило старуху. Ее здесь все хорошо знали. Казашка, нищая, безумная. «Бог прибрал!» – говорят и казахи, и русские.

Часто дерутся, бывают поножовщины. Вообще средствами не брезгают. Кто-то кого-то убил лопатой, другой – вилами. Еще кто-то зубами отгрыз ухо противнику. Прежде заводилами были казачки, теперь верхушку держат парни-казахи. Называют их шпаной, хулиганами, сажают. Убийство в крохотной Покатилловке – не редкость. Есть ожесточение. Подростки (9-10-е классы) воспринимают культ физической силы как естественное явление. Есть свои кумиры, Серикбай например. «Нижние» и «верхние» (граница – почта) «трясут» при случае друг друга, требуя денег. А по району в целом знаменита саркандская Лариса, которая «трясет» и девочек, и мальчиков различных возрастов.

Многие дома в Покатилловке продаются. Люди хотят перебраться в другие места, – говорят, в город. Видимо, лихорадит близость немирной границы.

Асхат, кенже¹ семьи Еженовых, первоклашка, мальчик с добрым сердцем (впрочем, это свойственно всем членам семьи) и хорошим, утонченным вкусом. Молча, незаметно принес и поставил мне на подоконник веточку распускающейся яблони и расцветшую веточку вишни, разместив их в стакан с тонкими стенками и в фужер на высокой ножке. Цветы как-то по-особому живописно организовали нижнюю часть оконного проема. Детей в семье семеро (К-ш – восьмая), столько же, сколько было в нашей семье.

Заметно простудился я на вчерашней рыбной ловле. Да и неудивительно, вода еще холодная, река горная, весенняя. Разгоряченные, мы брели больше километра вдоль берега, то и дело окунаясь на две-три минуты в воду. Сегодня утром я еще удивился, вспомнив, что ночью не кашлял, не чихал. Зато сейчас, во второй половине дня, и чихаю, и кашляю, и бежит из носа водичка. Голова болит, настроение хреновое. Надо было выпить вчера водки, ничего бы не было. Уже больным пошел пройтись по-над берегом Баскана. Далеко зашел, туман в голове, облака и тучи в горах, собирался, но так еще и не пролился дождь. В голову шли санаторно-величественные мысли о том, что-де надо бы одну книгу, большую, написать. И вполне серьезно размышлял, как это сделать, с чего начать, какие заготовки у меня уже есть, какие нужны еще. И скоро устал ломать голову. У меня и в здоровом состоянии от подобных мыслей начинается головокружение, все расплывается, теряет реальные очертания. Уж больно много и слишком разных впечатлений понадарила мне жизнь за тридцать лет. Организовать окружающий мир в художественное целое, может, и удалось бы, да вот только как собрать в единое себя?.. Обратно шел, слегка пошатываясь, горы покачивались у меня в

¹ Младшенький.

глазах. Сил хватило только на то, чтобы рассмотреть тропинку, заросли трав по обе стороны, одинокого гуся, опять же вызвавшего во мне вялую, правда, ассоциацию с писмотворчеством («гусиное перо!»), и еще помню необычного петуха: молодец с длинными шпорами, весь пестрый и яркий с зеленоватым отливом. Помню, меня удивило сходство расцветки этого бравого гусара с окраской мясных мух.

Набросать несколько портретов-схем.

Посмотреть, действуют ли в пределах одной системы.

Эта система и будет моим произведением.

8/У. В Алма-Ату не тянет. Кажется мне, будто живу в Покатиловке (казахское название – Ек(і)аша¹) многие годы и всем здесь доволен. Попал в редкую, видимо, семью. Выносят меня безо всякой неприязни, каждый от мала до велика трогательно заботлив, внимателен. Все – труженики. Иначе и невозможно здесь прожить. Заботы наших горожанок по дому не идут ни в какое сравнение со здешними. Здесь действительно работы через край, и никогда она не кончается. Много едоков. Много птицы, скота. Коров нужно доить утром и вечером. Навоз следует расчищать ежедневно, иначе липнет он к бокам и вымени коров, от чего портится вкус молока. Курочки несут яички, гусыни высиживают гусят. Щенок покушается на птицу. Телята попадают во всевозможные переделки, где-то застревают, запутываются, сосут не вовремя мать. За всем этим шумным, горластым, разноязыким мирком нужен глаз да глаз. Горячей воды нет, а стирать нужно ежедневно и помногу, перемыть посуду – тоже хлопотное и трудоемкое дело. Идут дожди, кругом грязь, и нужно много сил положить, чтобы не проникала она в дом. Трудовая линия фронта в постоянном напряжении в этом доме, и только четкие распоряжения Советай Садыковны и беспрекословное послушание детей позволяют со всем этим справиться.

Внутри дома я уже со всем и со всеми перезнакомился, сблизился. Но во дворе есть то, что называют летней кухней. Туда я не заглядывал ни разу. Там живет 90-летняя Айтбала, мать Советай, бабушка Ардак, прабабушка Қарлығаш. О ней говорят, что она искуснейший костоправ, знает тайны трав, в молодости была акыном, участвовала в айтысах, хорошо гадает, очень любит своих внуков, особенно – Алтая, старшего из мальчиков.

Однажды она вошла в дом, и это был единственный визит ее сюда за все дни, которые я нахожусь в Екіаша. Вдруг захлопали, захлопали одна за другой двери дома, кто-то громкоголосый сильно распахнул дверь моей комнатухи, и я увидел Айтбалу. Она действительно очень старая, буквально согнутая пополам. Но глаза живые, ясные, голос чистый и громкий. Лицо коричневое, строгое. Слова произнесла неожиданно ласковые, приветливые. Чувствую, что она обо мне знает гораздо больше, чем я о ней. И еще, временами ловлю себя на том, что размышляю о ней шире, эпичней, чем об остальных людях дома. Осязаю ее присутствие во всех моих здешних делах. Собираюсь зайти к ней и долго поговорить.

Дожди и хорошие условия надолго привязали меня к Екіаша. Советай С. говорит, чтобы я не торопился, пусть установится погода, и тогда можно будет отправиться либо к пасечнику, либо на один из кордонов. Я и сам вижу, что по такой погоде вряд ли где-нибудь в другом месте сумею продержаться. И все же

¹ Речная развилка.

тянет меня забраться куда-нибудь поглубже, найти равновесие в одиночестве, в двух-трех прочных, постоянных предметах. Надо набраться терпения. За окном расцветает яблоня, и я вижу то, что и забыл, когда замечал в последний раз. Мокрый ствол, мокрые изогнутые ветви. Небольшие еще, но уже вполне сформировавшиеся листья и сами цветы, белые, снаружи чуть-чуть розоватые. Несильный ветер раскачивает яблоню, чуть крепче напрягшись, сбрасывает с кончиков маленьких листьев крупные прозрачные капли. А веточка этой же яблони которую принес мне позавчера Асхат, стоит на подоконнике в стакане с водой. Листья сухие, вялые, вместо цветов – розовые шарики так и не распустившихся бутонов. Банальное сравнение себя с этой веткой, а тех, кто остался, с расцветающей, несмотря на дождь, яблоней приходит мне в голову. Записываю, потому что еще нездоров, не отошел от шока расставания с прошлым. Энергично ступать не рискую, дорожу даже так лениво пришедшим сравнением. И все же – говорю главное – те, кто остался, не расцветут. У людей не все так, как в природе. Мы уходим, чтобы вернуться. Мы – побеги вольных еще корневищ, разбежимся и взойдем свободными.

Боюсь ошибиться в своих чувствах, но кажется мне, что забросив за высокий забор забвения суету последних лет, стал я лучше слышать, зорче видеть, подмечать оттенки, нюансы, полутона. В горах нетрудно многое замечать. Они властно, очевидным величием своим обращают человека в слух и внимание. Другое дело – луг. Здесь все непритязательно. Но я увидел и услышал луг, и дышал им глубоко, хмелел от его запахов, головокружительного танца прыгучих, подвижных травинки, неоновых всполохов крохотных цветов с голубыми глазами, долго, до ломоты в зубах пил взглядом росу, сбереженную плотными листьями сбежавшего с гор в долину ириса.

В том, что пишу до сих пор, нет ничего, кроме слабой рефлексии на ближайшее окружение. Самое худшее – нет сюжета. Так не годится. Для времяпрепровождения можно было бы найти и другое занятие, помочь хотя бы в хозяйстве. Раз уж взялся писать, делать это надо лучше. Сюжет должен быть динамичным. Характеры – полнокровнее, жизненней, чем у Сатимжана. Мысль – пошире, чем у Бахытжана. Адрес – определенной, чем у обоих. Со словом как-нибудь управлюсь и без этих ориентиров. Мне прежде не приходилось работать над тем, что по существу есть художественность. Были расширенные ассоциации, которые каким-то чудом укладывались в более или менее внятную композицию. Теперь нужно работать умнее и тоньше. Странный парадокс – художник (писатель) гораздо более рационален, чем философ, эстетик, теоретик литературы, критик. В отличие от последних, непосредственно выдающих выкладку за выкладкой, ему нужно еще многое взвесить, рассчитать, верно разместить. Но это бытовой рационализм, и к нему-то я сейчас всего более склонен. Как в кладке стены собственного дома, как минеру, писателю не рекомендуется ошибаться. Здесь многое зависит от его интуиции. Пора браться за дело.

Весь этот сыр-бор разгорится. Слишком многим я жертвую, чтобы не рассчитывать на успех. Справлюсь. Вернусь веселым. Неплохо уже и то, что начинаю постепенно ощущать собственные мышцы не только ног и рук, но и стройные, как волны, наплывы духовных, мыслительных сил. Обиды на ребят – крохотные эпизоды. «Күдай бергенде, күлай береди, күдай айналдырганда, шыр айналдырады»¹.

¹ «Щедрость Бога безмерна, так же как и гнев Его».

10/IV. Здесь, в Екіаша, в середине мая выпал снег. Валит крупными хлопьями целый день, и если бы не зеленые листья и травы, вполне можно было бы подумывать, что наступила зима. Снег уверенно разлегся толстым слоем, и не ощутишь в нем ни капли смущения запоздалостью визита. Вчера было очень чистое небо, весь день сияло солнце, было, правда, необычайно холодно. И вот – снег, зима на исходе весны. Яблоня под окном, успевшая распуститься, вся засыпана белым, мокрым снегом, а цветы ее стали похожи на пышные бутоны белой чайной розы. Если ударит мороз, не видать покатиловцам в этом году яблок.

Сарканд пока что только обещает выдать пропуск, вроде бы отправили кому-то на «согласие». Затянулся мой карантин. Но вот новая проблема – где поселиться, если даже буду иметь пропуск. Прежние варианты отпадают один за другим, новых пока что нет. Питаюсь исключительно молочной, мучной пищей и яйцами. Мясо давно уже кончилось, когда было, тоже ел крохотные дозы. С мясом здесь очень туго почти весь год. В магазинах ничего плотно-съедобного не продают. Каково-то придется на кордоне? Три дня мусолил я начало «художественной» вещи, но так и не сумел ничего путного сделать. Застреваю на первой же фразе. Кое-что леплю, но... Когда перечитываю, раздражаюсь, расстраиваюсь. Успокаиваю себя: вот выберусь на кордон и буду писать, не отрываясь, тогда-де получится. Состояние не из лучших. Детишки в доме, которых я научил всем играм и фокусам, которые знал, привязались ко мне и освоились со мной, запросто врываются в комнату, берут все, что захотят, и мешают, мешают мне. Впрочем, понимаю, что ругаю их зря. Не в них, а во мне самом причина непродуктивности. Все дело в этом так надоевшем ожидании. Не могу работать, пока жду чего-то. Это давняя слабость. Пытаюсь и никак не могу ее преодолеть.

Какой снег! И валит, и метет не переставая. Здесь горы, потому здесь холодно будет еще долгое до настоящего лета время. Мне и носа на улицу высовывать нет охоты. Все тускло, грязное осталось грязным, снег ничего не улучшил. Красота появилась было вчера, да вот сегодня снег все замел. Полнолуние. Интересно, когда же растает эта напасть? Есть, правда, у казахов поговорка «Қардың басын қар алады»¹. По ней, это должен быть последний снег. Но уж больно густо и давно он валит! Жители оделись в зимнее, иначе не очень-то разгуляешься. Вот он, наступает самый тоскливый из всех до сих пор здесь, в Покатиловке, пережитых мною вечеров.

Тусклые, серые сумерки, сильный снегопад.

А Баскан – название пораженческое. Так называли казахи реку, когда русские устроили им здесь побоище, подавив восстание в крови. В Баскане каждый год тонет по несколько человек, называли имена – Юра, Тоша и т. п., один армянин.

История Разыбая: мираб, кое-что знал из арабской грамоты. Однажды козы взобрались на крышу (война была). Крикнул на них: «Жау алғыр...»² На него написали донос. Взяли как врага народа. По дороге убежал от двух милиционеров. Два года прятался в камышах у своего аула (Қызыл Таң). Тех двоих отправили в штрафной батальон. Один – погиб, другой (Айтбаев) вернулся. Сообщили ему, что в камышах прячется Разыбай. Айтбаев арестовал его, связал ему руки, но когда шли к поселку, Разыбай с криком «Кел, жарысайық»³ прыгнул в водоворот и исчез. Айтбаева уволили с работы.

¹ «Голову снега снимет снег».

² «Чтобы враг вас забрал...»

³ «Иди, посостязаемся».

11/У. Начальник районного отделения милиции Толгынбеков оказался старым знакомым. В 1963 году он слушал мою лекцию в Аксу. Знает о «Жас тулпаре». Обещал подписать пропуск.

Даст аллах, продержусь здесь до осени. Этот срок отбыть необходимо. И как писателю, если смогу им когда-нибудь стать, и как критику. Выпадаю из суеты для того, чтобы с надлежащим уважением к современной казахской литературе отнестись. Настало время создавать серьезную, сильную литературу, о которой можно было бы говорить без всяких скидок. Кто сможет это сделать, покажет время. Я попытаюсь. Буду стараться. Весь покатиловский период можно рассматривать как подготовительный, главное – то, что последует в Алма-Ате. Но этот карантин нужно прожить результативно. Очиститься, обрести пластичность, научиться видеть, слышать, мыслить в художественной форме. Это, видимо, самая серьезная и последняя перестройка в моей биографии. Мосты сожжены, осталось только неустанно трудиться.

Вчера с огромным наслаждением читал Шекспира, воспринимаю это как добрый знак начавшегося выздоровления. Чувствую, смог бы прочитать «Гамлета» не хуже, чем сделал это с «Гильгамешем».

Сегодня долго бился над началом покатиловского повествования, не сумел найти начало. Топчусь. Надо в чем-то ограничить материал. Творческие планы мои в эмбриональном состоянии. Не могу даже толком определить для себя жанр: будет ли это беллетризованное повествование или сплошной, эссеистского плана, монолог. Боюсь показаться наивным, романтизированным и т. п. Хотел бы писать проще и крепче, но не уверен, что хватит моего русского. Вынужден, и не только здесь, но и в будущем, исходить из самого себя (в смысле языка), никаких словарей русского языка использовать не буду. Просто не буду пускать в текст слов, собою не прочувствованных. Надеюсь обойтись имеющимся запасом. В таком случае не только оправданно, но и неизбежно присутствие авторского «я» в центре повествования. А если так, то жанр – эссеистский монолог. Могу писать только изнутри, извне описывать не хватит сил. И завтра, и в последующие дни, недели, месяцы – черновая, пробная (во многих направлениях) работа. Странно, в критике, в эстетике пел, не ломая особенно голову, а здесь с первых шагов сталкиваюсь с необходимостью быть расчетливым, практичным, внимательным, вдумчивым в сугубо деловом плане. Ладно, это мог я когда-то.

В жестах, поступках, интонации, образе мышления – обнаружить опаленные крылья, обугленные остатки страстей возвышенных. Где ложь? В действительности или в нашем ее восприятии?

В действительности!

12/У. Палиевский¹ ярок, сочен, но не глубокий, в чем антипод Гачева.

Почему они так тянутся к анализу отвлеченных состояний? Что это, чувство обладателей «неуязвленной» литературы? Беспечность?

Теория литературы должна стать оружием.

Ни слова у них о взаимосвязи форм общественного сознания. Сколько наивности. «Французам важно не что, а как?» Чепуха! Бальзак – Флобер.

¹ Палиевский – российский литературовед.

«Русская литература – литература идееносителей». Она была таковой до тех пор, пока не утратила чувства «уязвленности».

Будет «крутой подъем»? Посмотрим. В литературе для ее перехода в новое качество нужен катализатор. Даст ли его действительность?

Разве эта дилемма дедукция – индукция может быть основой изучения вопроса о судьбах национальных литератур?

Назначение меча пойдем, лишь пустив его в ход.

Национальное – это могучее оружие, двигатель духовной жизни. Надо им вооружиться, а не отстраненно изучать, убивая клетку за клеткой.

Прочь горячность, волнение! Я их знаю. Спокойнее, ясней, не торопясь, формулировать мысль. Новая фаза борьбы. Это уже серьезно. Борьба всерьез.

Сосредоточенность и настороженность, гибкость. Не зная усталости. Нацеленность на успех. Не притуплять чувственности и чувствительности. Сложение слов не поспевает за беличьим бегом мысли. Придать словам погони стремительный темп куницы. Вернуться к режиму и строго соблюдать. Дай мне, аллах, ощутить эту ткань совершенного словомыслия. Не дашь, обидишь. Конечно же, кощунствую. Но ты же сам все прекрасно видишь. Я твой далекий, затерявшийся, отчужденный от среды подданный. Какая чепуха – то, что говорил Палиевский: изучая, вы убиваете национальное. Не троньте его, оно само себя проявит. Это позиция противника. Ему, «неуязвленному» и подавляющему, действительно выгодно «спокойное бытие вещей». Нам так нельзя.

16/У. Заслугой книжки «Времен связующая нить»¹ было установление некоторых важных закономерностей в современном казахском общекультурном процессе. Принципиальная новизна ее заключалась в обнаружении тенденций, ведущих к духовной суверенности народа, в том, что именно эта цель – суверенность – была поставлена в исследовании во главу угла. Вся предыдущая духовная продукция была вооружена концепцией пассивного обслуживания, обеспечения фактами и образами тех идей, которые не были рождены на нашей почве и отражали не наши интересы. В основе моей книги – диаметрально противоположный подход. Те же факты, те же образы были рассмотрены с позиции самоутверждения национальной культуры.

Новая казахская литература исторического жанра способствует пробуждению и росту национального самосознания личности, поколения, в отдаленной и конечной перспективе – народа. Но создатели ее в значительной мере остаются в плену старой общественной ориентации и потому не могут не ограничиться либерального толка просветительством, ура-патриотическими лозунгами самого общего свойства, не шокирующими цензуру и возбуждающими лишь эмбриональные уровни патриотизма. С течением времени между «просветителями» и «просвещенными», настроенными куда более решительно, становится неизбежным разрыв.

Формируется поколение серьезно ищущих. Если «просветители», в общем-то не испытывая особых неудобств ни материального, ни морального плана, несут в себе единство того, что проповедуют (подспудно, через символы и т. п., короче, держа фигу в кармане), с тем, что имеют и имеют реально, то в среде их преемников прежде всего становится невозможным подобное единство. Ареной

¹ М. М. Ауэзов. Времен связующая нить. Алма-Ата: Жазушы, 1972.

борьбы противоречий перестают быть разум и совесть одного человека. Человек становится однозначным, обретая целеустремленность. Противоречия становятся фактом общественной жизни, отношений между людьми. Складывается ситуация, выход из которой один – гражданская война.

Жертвенность, отречение от благ, готовность к решительным действиям («оружия ищет рука») – с одной стороны.

Верность режиму, осознанные действия в его защиту, усиленное всестороннее принятие его основ – с другой.

Либерализм побиваем с обеих сторон. Поколению Ануара и Олжаса мы должны быть благодарны за то, что они сделали. Но нужно идти дальше. Нужно их не отрицать, отвергать и т. п., нужно преодолеть тот предел, которым они себя ограничили.

Затевая потемкинские деревни, Олжас допустил большую ошибку. Следовало больше заняться не вопросами строительства, сувениров и т. п. – это дело правительства, а творческими вопросами. Обсудить, обговорить ряд тем, в частности, о главных проблемах современной казахской литературы. Показать гостям не материальное благополучие, а духовную состоятельность свою, способность осмыслить и решить и то, что еще остается нерешенным. Это всегда вызывает больше уважения, чем сытость и довольство тем, что есть. По ходу можно было бы выяснить, кто есть кто, кто сможет толком представить казахскую литературу в беседах, в выступлениях. Участники конференции от Казахстана не должны чувствовать себя людьми случайными, им должно быть обеспечено чувство ответственности характером представительства – делегированностью. А это достижимо лишь в том случае, если будут сформулированы некие общие интересы, принципы, представления. С этим могут справиться не все, нужно знать, кто сможет. Год – важнейший год, когда можно было бы серьезно подумать о судьбах нашей литературы, культуры, – по существу, потерян.

17/V. Замечаю: по утрам чаще всего думаю об Алма-Ате. Весь предутренний сон о делах тамошних. Сегодня неумолчное радио сообщило: в Алма-Ате пленум писателей («Писатель и пятилетка»). Удивительно, вчера только ругался я по поводу того, что нет обсуждения творческих проблем, а сегодня узнаю, что есть-таки попытки. Раздваиваюсь и не могу от этого эффективно излечиться. Надеюсь, временно. Нужно помнить о главном: я избрал себе судьбу ушедшего. Возвращаться с половины дороги не годится. Эти пленумы, конференция – соблазн. Стоит вернуться, и станешь хуже, чем прежде. Все, что делал, потеряет смысл. Издалека в затихшую Алма-Ату незаметно следует войти, жить в ней мускулисто, не спеша. Выдержать срок, плодотворно использовать эти месяцы – вот что нужно. Выдержать срок – главное.

Погода последние три дня стоит прекрасная. Снег разбежался ручейками, лужицами, которые тут же повысыхали. Яблоневого цвет будто обожжен огнем, пожелтел, словно ржавчиной покрылся. Вода в Баскане теплая. Вчера долго играл, как в детстве, на берегу реки, прыгал с камня на камень, бросал камешки в воду, медленно перебирал водичку наощупь. Было много теплого, слепящего глаза солнца, был успокаивающий мерный рокот Баскана, был воздух, прохладный и чистый, с привкусом снега, плотно лежащего по всей южной кайме дымчато-синих недалеких гор.

Каждый день в клубе смотрю фильмы, удивительное дело – в основном хорошие. Кто же их подбирает? Есть у него, видимо, вкус и хорошие возможности. Даже киножурналы – и те уместные, интересные.

Взял за правило ежедневно час-два работать физически с пользой для дома: рублю дрова, ношу воду, помогаю полоскать белье в Баскане и т. п.

Вчера в доме появилось мясо. Айтбале понравилось, как я разделал его, хотя, признаться, подсказывала мне Ардак. Вечером ел мясо и думал, что в общем-то острой тоски по нему не испытывал. Без спиртного обхожусь с радостью.

Накануне отъезда из Алма-Аты я был в Союзе писателей. Холодно поздоровались с Есенберлиным, было это в кабинете у Олжаса. Я сел читать газету. Олжас куда-то собирался уйти, подошел ко мне сзади и положил на плечо мне легкую руку свою. Показалось мне, что чувствую сквозь ткань тепло ее. Тронуло меня это. Прикосновение его, непривычное, неожиданное, воспринимаю как передачу эстафеты. Из этого и нужно исходить – уважение к поколению Ануара и Олжаса (к Олжасу у меня – любовь, да, пожалуй, любовь – уж больно глубоко он во мне сидит), не разгром, а развитие того, что они сделали. И уход – временный – от той суеты, которую они воспринимают как высший этап своей гражданской деятельности, нужен для того, чтобы не разделить с ними удовлетворение и сопутствующий ему упадок сил. Спокойно и уверенно продолжим их дело, нерастраченные, полные сил и той дерзости, на которую ни Ануар, ни Олжас уж более не решатся.

Масштабность (в масштабах современной казахской культуры в целом), зрелость суждений, стойкость, принципиальность, большая очевидность намерений, желаний, оперативно-стратегическая целеустремленность – эти черты должны стать присущими нам. И еще – активность. Выход на связь с различными слоями народа, различными категориями людей. *Гандизм* – в отношении к матерям семейств. Вообще – пробудить и оснастить простыми и прочными понятиями патриотизм женщин.

Ошибка заключалась в том, что мы, как правило, выдвигали глобальную, важную, но *одну* идею – подразумевая поколение общностью. Но народ пестр. «Кочевье» – годится как пища только для части народа. То же самое и исторический жанр. Нужна дифференцированная целеустремленность. Знать, как можно пробудить гордость за свой народ и мысль о необходимости быть его верным сыном у различных слоев и категорий этого народа. Напомнить старикам об их долге, отрезвить женщин, возбудить юношей, пробудить мечту у подростков, заворожить детей. Рационализм для интеллигенции, логичность для аульных старцев. Романтизм – для слушателей песен Калдаякова, авантюризм – для студенческой молодежи и т. д. Дифференциация – вот «задача текущего момента».

18/V. Гражданственность казалась нам делом выбора каждого. Выбора совести и мировоззрения. Пора понять: гражданственность вербует избранных. Критерий – мера человечности, гуманизма. В ком нет сострадания, чувства правды, справедливости, тот бездарен в нашем деле при всей чистоте намерений, при всей определенности выбора...

Конец первой части

